В. Н. Болоцких
В. Г. Деев
В. А. Кузнецов

ИСТОРИЯ РОССИИ. ТОМ 2. XIX–XX ВЕКА

Учебное издание

В. Н. Болоцких

История России. Том 2. XIX–XX века. Учебное издание

«Издательские решения»

Болоцких В. Н.

История России. Том 2. XIX–XX века. Учебное издание /
В. Н. Болоцких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834099-4

Чтобы понять настоящее и прогнозировать будущее, необходимо познать прошлое. Познать не как набор фактов, а как закономерности развития общества и государства, экономики, культуры, сознания в их взаимосвязи и противостоянии.Это книга для чтения медленного, вдумчивого. Она для тех, кто хочет, может и делает свою жизнь сам, не боится ответственности. В ней нет готовых выводов, окончательных оценок.

ISBN 978-5-44-834099-4

© Болоцких В. Н.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 7. РОССИЯ В XIX ВЕКЕ: ВРЕМЯ РЕФОРМ 7
7.1. Промышленность и сельское хозяйство в дореформенный период 8
7.1.1. Сельское хозяйство: старое и новое 9
7.1.2. Промышленность и торговля в первой половине XIX в. 15
7.2. Отмена крепостного права и её последствия для деревни 19
7.2.1. Крестьянский вопрос при Александре I 20
7.2.2. Крестьянская политика Николая I 22
7.2.3. Подготовка отмены крепостного права 24
7.2.4. Как было отменено крепостное право 28
7.2.5. Последствия отмены крепостного права 31
7.3. Промышленность во второй половине XIX в. Социально-экономические итоги века 35
7.3.1. Промышленность в первые пореформенные годы 36
7.3.2. Финансовая система 40
7.3.3. Социальное развитие России в пореформенный период 42
7.3.4. Экономические итоги века 43
7.4. Российское государство в XIX в.: основные тенденции развития 45
7.4.1. Планы и дела Александра I 46
7.4.2. Государство в период правления Николая I 53
7.4.3. Реформы 1860—1870-х годов 56
7.4.4. В чём заключалась непоследовательность и незавершённость реформ Александра II 61
7.4.5. Самодержавность русских царей XIX в. 62
7.4.6. Государственный аппарат России в XIX в. 66
7.5. Российское революционное и общественное движение в XIX в. 74
7.5.1. У истоков революционной традиции в России – декабристы 75
7.5.2. Общественное движение второй четверти XIX в. 78
7.5.3. Народничество 80
7.5.4. Марксизм в России: зарождение и особенности 82
7.5.5. Особенности сознания российских революционеров 84
7.5.6. Либералы второй половины XIX в. 85
ГЛАВА 8. РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИЙ 86
8.1. Особенности социально-экономического развития России в начале XX в. Основные тенденции 86
8.1.1. Аграрный вопрос в России. Крестьянское и помещичье землевладение 87
8.1.2. Аграрные программы политических партий 90
8.1.3. Аграрная реформа П. А. Столыпина 93
8.1.4. Промышленность России накануне мировой войны. Проблема многоукладности российской экономики 97
8.2. Политическое положение в России 101
8.2.1. Царская бюрократия 102

8.2.2. Политические партии 105
8.2.3. Революция 1905—1907 гг. 113
8.2.4. Государственная Дума 116
8.3. Россия в первой мировой войне 117
ГЛАВА 9. РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 119
Конец ознакомительного фрагмента. 120

История России. Том 2. XIX—XX века
Учебное издание

В. Н. Болоцких
В. Г. Деев
В. А. Кузнецов

© В. Н. Болоцких, 2018
© В. Г. Деев, 2018
© В. А. Кузнецов, 2018

ISBN 978-5-4483-4099-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 7. РОССИЯ В XIX ВЕКЕ: ВРЕМЯ РЕФОРМ

В советской исторической науке преобладала точка зрения, что капитализм как социально-экономическая формация в России победил во второй половине XIX в. и отмена крепостного права в 1861 г. определялась как решающий рубеж. Но капитализм понимался как общество не столько частной собственности, рыночной конкуренции, свободы рыночных отношений, нового этапа в развитии личности, международных отношений, сколько общество жестокой эксплуатации капиталистами рабочих, как общество ожесточённой классовой борьбы между трудом и капиталом. В данной главе речь пойдёт не о капитализме в советском понимании. Основная цель в данном случае – понять, как шло развитие экономики в XIX в., какие изменения в ней происходили и почему, как менялось положение рабочих и крестьян, дворян-помещиков и фабрикантов, какие и с какой целью проводило реформы государство, какие последствия они имели, как менялось само российское государство. Как, в конечном счёте, возникала необходимость перехода от аграрного общества к индустриальному.

7.1. Промышленность и сельское хозяйство в дореформенный период

7.1.1. Сельское хозяйство: старое и новое

Процессы оживления предпринимательской деятельности, роста числа городов и промысловых сёл, увеличения экспорта хлеба и спроса на него внутри страны, начавшиеся в последней трети XVIII в., продолжились и даже усилились в первой половине XIX в. В начале XIX в. вывоз хлеба из России вырос в несколько раз и достиг 69—95 млн пудов в год по разным оценкам.[1] По официальным подсчётам, ежегодный сбыт хлеба внутри государства в 9 раз превосходил вывоз в зарубежные страны. Сельскохозяйственное производство всё крепче связывалось с внутренним и внешним рынком, приобретая всё более товарный характер, усиливалась межрегиональная специализация.

В связи с непрерывным ростом населения, торговли и промышленности значительно расширились посевные площади во всех губерниях Европейской России. В южноукраинских губерниях и в Области Войска Донского пахотные угодья с конца XVIII в. выросли к середине XIX в. более чем втрое. В 1801 г. была отменена дворянская монополия на землю и другие сословия получили право покупать ненаселённые земли.

В старых обжитых районах, даже в черноземных местностях, почва истощалась и поэтому по инициативе наиболее хозяйственных помещиков в 1830—1850-егг. возникло 20 новых земледельческих обществ, задачей которых был поиск мер для подъёма сельского хозяйства. Эти обществ действовали в Прибалтике, Украине, Центральном чернозёмном районе, Поволжье, Закавказье и отчасти в нечерноземной полосе. Общества изучали местные природные условия, вводили более эффективные способы ведения хозяйства, создавали с этой целью опытные фермы и хутора, проверяли действие усовершенствованных машин и орудий. Некоторые издавали специальные журналы, было устроено несколько десятков сельскохозяйственных выставок, на которых выставлялись образцы растений, усовершенствованные орудия, наиболее удачные породы лошадей, овец и крупного рогатого скота.

Особое внимание было обращено на замену устаревших орудий более совершенными и дающими лучшие результаты. Раньше всего появились молотилки и веялки. Затем начали вводить сортировки для отбора зерна, сеялки, равномерно разбрасывавшие семена. Гораздо медленнее внедрялись жатки, несмотря на острую необходимость ускорения уборки урожая: импортные были дорогими и мало приспособленными к российским условиям земледелия, а в России не удавалось создать дешёвую, быстро работающую жатку. В самом конце 1850-х гг. были проведены первые опыты применения паровых машин в сельском хозяйстве: в тамбовском имении Л. Гагарина действовала комбинированная машина, которая с помощью локомобиля молотила, веяла и сортировала пшеницу. Вначале сельскохозяйственные машины ввозились из-за границы, позднее стали производиться в самой России.

С целью повышения доходности имений некоторые помещики стали вводить новые сельскохозяйственные культуры. На Правобережной Украине появились обширные плантации сахарной свёклы, на Левобережной Украине – табака, в южных губерниях и в Нижнем Поволжье расширились посевы подсолнечника, почти повсеместно увеличивалась посадка картофеля. В Нечерноземье начали занимать паровое поле посевами трав – клевера, люцерны, тимофеевки. Больше внимания теперь обращалось на удобрение полей навозом, на отбор семян для посева и более глубокую вспашку. Эти явления отражали желания помещиков и крестьян поддержать и даже повысить доходность своих хозяйств. Это говорит о достаточно высокой степени включения этих хозяйств в торговые связи, о развитии уже тогда сельскохозяйственного рынка в России.

---

[1] Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 270; Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 7.

Передовую роль в улучшении сельского хозяйства играла Прибалтика. В прибалтийских имениях повышение уровня агротехники носило более широкий и всесторонний характер; местами здесь сеяли бобовые растения, вводили искусственные удобрения, вели упорную борьбу с сорняками.

Отдельные примеры передового сельского хозяйства имелись в других местах европейской части России. Примером предпринимательского помещичьего хозяйства может служить крупное имение А. Реброва в Пятигорском округе Предкавказья. На 599 десятинах плодородной пашни Ребров собирал большой урожай пшеницы, которую сбывал на местных рынках, на Дону и Черноморском побережье. Большие доходы приносили помещику разведение овощей для ближайших городов, сенокосы и особенно виноградники. В имении были тутовый сад, образцовое шелкомотальное производство, 6 водяных мельниц, конный завод на 900 голов, большое стадо крупного рогатого скота и овец, в том числе тонкорунных. В 1842 г. Ребров получил от своего хозяйства около 12 тысяч рублей серебром, крупный доход для того времени. Самые трудоёмкие процессы при обработке садов, виноградников и огородов выполнялись не крепостными (у Реброва их было 556 душ обоего пола), а наёмными работниками.

Развитие производительных сил наблюдалось в хозяйствах зажиточных крестьян – государственных, удельных и помещичьих. Большинство участников сельскохозяйственных выставок составляли государственные крестьяне.

Многие крестьяне сами изобретали улучшенные орудия и машины: на выставке 1842 г. в селе Великом была выставлена трепальная машина для льна, сделанная крестьянином Х. Алексеевым, на Вятской выставке 1854 г. демонстрировалась сенокосная машина крестьянина А. Хитрина. Некоторые крестьяне создавали опытно-показательные хозяйства. В 1857 г. в Вятской губернии насчитывалось несколько сот таких доходных предпринимательских усадеб. В 1850-е гг. особенно выделялся своими опытами крестьянин Нолинского уезда Вятской губернии Е. Метелев: он следил за текущей агрономической литературой, поддерживал связи с Московским обществом сельского хозяйства и двумя учебными фермами, закупал семена улучшенных сортов и проводил опыты их посевов. У Метелева было большое стадо скота, которое давало обильное удобрение для повышения плодородия глинистой почвы. На его усадебном огороде вызревали отличные овощи, а фруктовый сад давал хороший урожай.

Технические нововведения наблюдались также в хозяйствах удельных крестьян, занимавшими среднее положение между помещичьими и государственными крестьянами и платившими оброк царской семье. В 1840—1850-е гг. в Симбирском удельном имении широко использовались конный английский плуг, веялки и молотилки.

Во всех категориях деревни шло в 1830—1850-е гг. расслоение крестьян: обогащение одних хозяев и разорение других, которым приходилось уходить на заработки.

Зажиточные крестьяне не ограничивались отведёнными наделами, приобретали или брали в аренду землю. На основании указа 1801 г. наряду с купцами и мещанами, государственные крестьяне покупали ненаселённые земли, в 1858 г. в государственных деревнях 33 губерний насчитывалось около 270 тысяч таких собственников, которым принадлежало больше 1 млн десятин земли, в основном пашни.

Удельные крестьяне приобретали землю с разрешения своего начальника. В Самарской губернии было немало таких земельных собственников, имевших по 100—200 десятин.

Ещё большее распространение получила аренда земли у казённого или удельного ведомства, особенно в районах степного Заволжья. Арендаторами были сельские общества и отдельные крестьяне. В Сызранском удельном имении в 1840-е гг. числилось 12 крупных арендаторов, которые снимали 20 тысяч десятин земли на 9 тысяч рублей, из них крестьянин А. Рачейский арендовал больше 6 тысяч десятин, за которые заплатил 3,5 тысячи рублей. Правда, многие крестьяне арендаторы большую часть земли сдавали в субаренду, а не вели собственной предпринимательское хозяйство с использованием наёмных рабочих.

Наряду с лесопромышленниками, подрядчиками и торговцами из среды крепостных крестьян выдвигались сельскохозяйственные предприниматели, сбывавшие на рынок крупные партии зерна, хмеля, льна, овощей, выращенных на собственных или арендованных землях. Чтобы вести такое хозяйство богатые крестьяне широко использовали батраков.

Помещики также нуждались в дополнительных рабочих руках, особенно применявшие более совершенные приёмы агротехники и скотоводства, машины, преимущественно на юге и юго-востоке. По приблизительным подсчётам, в 1850-е гг. ежегодно уходили батрачить: 300 000 человек на Южную Украину, 150 000 – в Заволжье, 120 000 – в Прибалтику, 130 000 – 150 000 – в остальные регионы.

Но все эти положительные изменения в сельском хозяйстве России первой половины XIX в. были очень ограниченными. Даже у государственных крестьян, юридически свободных и более независимых, основная масса состояла из середняков, которые вели самостоятельное трудовое хозяйство; крестьян, которые были вынуждены сократить своё хозяйство или вовсе его забросить, было немного. По данным псковской подворной переписи, государственных крестьян, обрабатывавших исключительно собственную землю, было 56%, а оставивших земледелие – только 6%.[2] Десятки и даже сотни тысяч крестьян, создававших крепкие хозяйства предпринимательского типа, представляли ничтожно малую величину по сравнению с общей массой. Так в 1858—1859 гг. ревизских душ (т.е. крестьян мужского пола) в русских губерниях насчитывалось: помещичьих 6 577 159 человек (45,97%), государственных – 6 772 375 (47,34%), удельных – 957 140 (6,69%), а всего – 14 306 673 человека.[3]

Число передовых помещиков, переходивших на новую агротехнику, составляло приблизительно 3—4% общего их числа, процент крестьянских хозяйств такого типа был ещё меньше. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве происходило не столько в форме радикального обновления агротехники и полеводства, сколько по прежнему путём расширения посевных площадей и освоения новых слабозаселённых районов, т.е. преобладали экстенсивные формы развития.

Подавляющее большинство помещиков стремились повысить доходность своих имений старыми способами: расширением барской запашки за счёт крестьянских наделов, увеличением барщинных дней и оброка. Так в Харьковской и Полтавской губерниях помещики имели больше 68% удобной земли, а в Екатеринославской – больше 80%. В Рязанской и Тамбовской губерниях по сравнению с 1780 г. барская пашня выросла в 1,5—2 раза. Хуже всего приходилось крестьянам мелкопоместных имений. Всё чаще помещики отбирали у крестьян всю землю и переводили их на месячину. В конце 1850-х гг. в Полтавской и Харьковской губерниях безземельные крестьяне составляли почти четверть всех крепостных. В мелкопоместных имениях таких крестьян было около половины, а в Курской губернии все крепостные мелких помещиков жили в барских усадьбах в виде дворовых или батраков.

Острое крестьянское малоземелье, усиливаемое ростом населения, наблюдалось во всех губерниях старого заселения: в нечерноземном районе вместо нормальных 8 десятин на ревизскую душу приходилось от 1,5 до 3, в черноземных губерниях вместо 5 десятин крестьяне имели от 2 до 4.

Росло число крестьян, отбывавших барщину: к началу 1860-х гг. в черноземном центре таких крестьян было более 70%, в Поволжье – более 73%, а на Украине от 97 до 99%. Крестьянам назначались непосильные нормы, закон 1797 г. о 3 днях барщины в неделю большей частью не выполнялся.

---

[2] Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. С. 270—274.

[3] Там же. С. 9.

Увеличивался оброк, если в конце XVIII в. средняя его сумма составляла 7 рублей 50 копеек с души, то к концу 1850-х гг. она поднялась в нечерноземных губерниях до 17—27 руб.

Уменьшение наделов и увеличение повинностей вели к упадку крестьянского хозяйства: по официальным данным, в 6 губерниях Центрально-черноземного района на каждую ревизскую душу было собрано в среднем в 1840-х гг. по 3,15 четверти, а в 1850-х гг. – 2,66 четверти зерновых.

Упадок крестьянского хозяйства в условиях крепостного строя неизбежно приводил к упадку помещичьих хозяйств: крепостные крестьяне обрабатывали барские поля с помощью собственных орудий и рабочего скота. В 1859 г. числилось заложенными более 7 млн. крестьян (66% всех крепостных) на сумму 425 млн. рублей серебром. В некоторых губерниях, например, в Нижегородской и Калужской, состояло под залогом от 78 до 93% всех имений.

Помещики заводили свеклосахарные и винокуренные заводы, суконные и полотняные мануфактуры, но они становились всё менее доходными, не будучи способными конкурировать с вольнонаёмными. Некоторые помещики выдавали крестьянам денежные премии или «нанимали» своих крепостных. Но это давало незначительный результат.

Положение удельных и государственных крестьян было лучше, но также ухудшалось. Они страдали от роста податей, многочисленных дополнительных повинностей, малоземелья, а переселение на малозаселённые земли сопровождалось злоупотреблениями чиновников, волокитой и страданиями для переселенцев.[4]

В XVIII в. размер подушной подати в течение 70 лет после смерти Петра I не менялся, но в 1795 г. он пришёл в движение. Только Александр I за 1810 по 1818 г. четыре раза увеличивал подушный оклад, доведя его с 1 рубля 26 копеек до 3 рублей 30 копеек, т.е. повысил на 2 рубля 4 копейки. Выросли особые оклады.[5]

Кроме подушной подати, государственные крестьяне платили ещё оброчную (для выравнивания их положения с помещичьими крестьянами). В начале XIX в. эта повинность быстро росла. Только в 1810 г. Александр I добавил по 2—3 рубля к окладу в зависимости от класса губерний. Оброчная подать росла быстрее подушной, так как через неё правительству было легче улавливать рост платёжеспособности крестьян. Росли также земские денежные и натуральные повинности. По подсчётам Н. Дружинина с 1719—1724 гг. до конца первой трети XIX в. общее денежное обложение государственных крестьян увеличилось в 9—11 раз. Если в 1720-е гг. оброк государственных крестьян составлял половину подушной подати, а через сто лет был больше в 2,5—3 раза.[6]

Рост государственных податей в первой половине XIX в. сопровождался непрерывным ростом недоимок. Так в 1832—1833 гг. общая сумма недоимок казённых и помещичьих крестьян составила больше 92 млн рублей ассигнациями, из них до 68 млн. рублей (74%) приходилось на государственных. В 1840-х гг. недоимки выросли с 29 млн руб. серебром до 51,9 млн или на 44%, большинство их приходилось на государственную деревню.[7] Правительство боролось с недоимками в основном старыми административными методами: совершенствованием системы сбора податей, усилением ответственности чиновников, выколачиванием податей и недоимок из крестьян вплоть до посылки военных команд для экзекуций.

Уже в первой половине XIX в. появились противники подушной подати вообще и сторонники перехода к поземельному обложению с учётом доходов носителей тягла, в том числе неземледельческих. В первые годы правления Николая I была разработана программа пере-

[4] Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. С. 274—280.

[5] Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX века. М., 1987. С. 30.

[6] Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России… С. 93—94.

[7] Там же. С. 83, 86.

ложения оброчной подати на землю, которая предусматривала проведение кадастра (оценочного описания земли) на основе подворно-участкового землепользования в государственной деревне. Эти меры привели бы к ликвидации передельно-общинной системы и круговой поруки, создали бы условия для развития рыночных отношений в государственной деревне заменой произвольной подушной системы на поземельное и промысловое обложение. Но при реализации этой программы победила крепостнически-фискальная тенденция, отдававшая преимущество по-прежнему административным методам и круговой поруке. Кадастр не решил основной задачи – уравнения раскладки денежных сборов на основе учёта хозяйственных и промысловых доходов. Новые оклады опирались на нереальные данные, которые для увеличения податного процента произвольно завышались. После проведения кадастра в Псковской губернии, Центральная комиссия Министерства государственных имуществ признала, что если бы чистый доход здесь был выведен объективно, то пришлось бы избавить крестьян «вовсе от податей». А чтобы этого избежать, губернская комиссия резко завысила урожаи, особенно на скудных почвах.[8]

В России чрезмерные государственные подати и натуральные повинности в течение веков подрывали возможности крестьянского хозяйства не только к расширенному, но и к простому воспроизводству, что вместе с природно-климатическими особенностями предопределяло замедленность социально-экономического развития. Всё это справедливо и для XIX в., более того, даже некоторые крупные чиновники стали это понимать. Так, министр финансов Канкрин в 1826 г. признавал обложение крестьян чрезмерным, растущим осознанием объективных причин недоимок объясняется попытка переложения оброчной подати государственных крестьян с душ на землю и проведения кадастра (у удельных крестьян такое нововведение было проведено более или менее успешно).

Основным недостатком российской податной системы, наряду с чрезмерным обложением, был способ раскладки налогов, которые делились по душам почти независимо от платёжеспособности этих душ. Это приводило к разорению маломощных хозяйств и тогда приходилось прибегать к круговой поруке и за слабых заставлять платить более сильных. Это приводило к усреднению, уравнительности, отсутствию заинтересованности в развитии хозяйства и у слабых, и у сильных.

Взимание податей сопровождалось колоссальным произволом и казнокрадством. В. Неупокоев считает, что до 20% всех сборов взималось вторично и расхищалось.[9] Крестьяне не напрямую вносили подати в казначейство, а через посредников в виде сельской администрации и чиновников государства, документация была запутанной, часто не велась, проверок почти не было, мирские приговоры по раскладке податей и их взиманию фальсифицировались и фабриковались и пр. Это создавало питательную среду для коррупции и откровенного воровства. Но сельская администрация на уровне сельского общества и волости состояла из выборных крестьян, естественно зажиточных, они также имели возможность наживаться за счёт своих односельчан, а также перелагать тяжесть податей на других, давать им в долг под проценты и ещё больше богатеть.

Тяжело отразилась на положении крестьян Крымская война. Рекрутские наборы и призывы в ополчение в 1853—1855 гг. изъяли из сельскохозяйственного производства около 1,5 млн работников. Кроме того, только государственная деревня выделила в эти же годы 15 млн подвод для перевозок грузов и 18 млн конных и пеших работников для починки и строительства дорог и дорожных сооружений.

В помещичьей деревне 34 губерний Европейской России шло сокращение посевов, которое в 1856 г. по сравнению с 1852 г. достигло 35%. Чистые сборы хлебов на душу населения

[8] Там же. С. 126, 133.

[9] Там же. С. 66.

в предвоенное десятилетие (1840—1850-й гг.) составили в среднем 22—24 пуда, а в 1851—1860-м гг. – только 19—21 пуд. Заметен упадок животноводства: в 1840—1850-м гг. на сто душ населения приходилось 79 голов крупного рогатого скота, в 1851—1860-м гг. – 67, поголовье лошадей сократилось на 24%.

Одной из причин отсталости сельского хозяйства было также общинное пользование землёй, широко распространённое в губерниях Европейской России. Помещики и казна искусственно поддерживали отжившую поземельную общину: время от времени «мир» переделял землю между крестьянами, чтобы сохранить за каждым домохозяином способность отбывать повинности. В условиях растущего малоземелья и обеднения деревни такая система была выгодна землевладельцам, государству и бедноте, но невыгодна середнякам и зажиточным крестьянам. При общинном землепользовании господствовал принудительный севооборот. С общиной были связаны круговая порука, затруднение мобилизации земли в руках наиболее дельных хозяев, сохранение психологии уравнительности и иждивенчества.

Валовые сборы зерновых в России к середине XIX в. ещё росли, в основном за счёт роста посевных площадей в малонаселённых и только осваиваемых районах, но общая отсталость сельского хозяйства, низкая урожайность и производительность труда в крепостных имениях и малоземельных крестьянских хозяйствах требовали большого количества рабочих рук, препятствовали сокращению числа занятых в сельском хозяйстве и переливу рабочей силы в промышленность и торговлю. Это неизбежно замедляло общее экономическое развитие России, угрожало её доходам от экспорта хлеба: на европейском рынке хлеба появился опасный конкурент – американский фермер. Если в 1830-е гг. объём вывоза русского хлеба в Европу был на 186% больше североамериканского, то в 1840-е гг. – только на 48%.[10]

[10] Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. С. 7.

7.1.2. Промышленность и торговля в первой половине XIX в.

Интересные и важные изменения происходили в первой половине века в промышленности и торговле. С 1790 по 1825 год общий оборот внешней торговли вырос более чем в 3 раза, значительно увеличился оборот ярмарок. С 1804 по 1825 гг. число рабочих в обрабатывающей промышленности, выросло с 95 до 210 тысяч. Всё больше менялись состав владельцев мануфактур и социальная структура промышленных предприятий: всё больше появлялось крестьянских заведений, органически выраставших из сельских промыслов, постоянно росло количество вольнонаёмных работников. В 1825 г. передовая хлопчатобумажная промышленность имела 95% вольнонаёмных рабочих, шёлковая – 83%; в 4 основных промышленных губерниях вольнонаёмные рабочие составляли от 73 до 87%.

Хотя 16 марта 1797 г. появился указ «О дозволении покупать к заводам и фабрикам крестьян и об отобрании оных в казну в случае уничтожения оных заведений», предприятия с принудительным трудом явно проигрывали конкуренцию с вольнонаёмными заведениями. С 1797 по 1816 гг. было лишь 6 случаев покупки крестьян к промышленным предприятиям лицами недворянского звания и 6 ноября 1816 г. появился указ «О недозволении покупать крестьян к фабрикам и заводам, Министерству внутренних дел подведомственных, ни с землёю, ни без земли». Этот временный запрет стал окончательным. Посессионные и крепостные мануфактуры в значительной степени существовали за счёт льгот и заказов государства. Даже суконные заведения этого типа проигрывали вольнонаёмным по качеству продукции, цене и быстроте выполнения заказов и привилегии им, сохранявшиеся под давлением дворян, приносили большой урон казне.

В 1799 г. из 81 747 рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, подведомственной Мануфактур-коллегии 41% составляли приписные и покупные крестьяне. К середине 1830-х гг. абсолютная их численность выросла в 1,32 раза, но удельный вес сократился до 14% численности рабочих обрабатывающей промышленности. Посессионные заводы тем не менее оставались крупными предприятиями – они составляли 2% от общего числа заводов и фабрик при 14% рабочих. Больше всего посессионных предприятий было в производстве сукна (примерно 41% всех посессионных) и вообще тканей (82%). Это объясняется большими потребностями государства в сукне для армии и парусине для флота, поэтому эти предприятия имели большие привилегии.[11]

В 1830-е гг. начался промышленный переворот в России. К началу 1860-х гг. были полностью механизированы бумагопрядение и в большой степени ситцепечатание, всё больше машины распространялись в бумаготкачестве, производстве полотняных, шерстяных и шёлковых тканей. В 1824—1826-х гг. в Россию ввозилось в год в среднем 74 тысячи пудов хлопка и 337 тысяч пудов хлопчатобумажной пряжи, которая шла на изготовление материи. А в 1848—1850-х гг. ввозилось уже более миллиона с четвертью пудов хлопка, а пряжи зато лишь 281 тысяча пудов. Это говорит о резком росте прядильного производства вслед за ткацким. В 1843 г. было 40 прядильных фабрик с 350 тысячами веретен, а в 1853 г. – уже около 1 млн веретён. Уже в середине века начинает сказываться узость внутреннего рынка для российской, механизированной в значительной степени, текстильной промышленности, что было одной из причин усиления проникновения России в Среднюю Азию и на Кавказ и присоединения новых территорий там во второй половине века.[12] Быстро росло также применение машин на писчебумажных и свеклосахарных предприятиях. Металлургические заводы стали заменять

[11] Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века. М., 1986. С. 113—114.

[12] Замысловская Ек. За последние сто лет. Пг., 1923. С. 27.

отсталое кричное производство пудлингованием и заводить усовершенствованные прокатные станы. Шире стали применяться паровые машины, на уральских горных заводах появились первые водяные турбины. К началу 1860-х гг. в России было 1626 км железнодорожных путей. Шоссейных дорог к 1840-м гг. было всего 780 км. Перевозка по рекам с помощью бурлаков осуществлялась ещё медленнее. Но против широкого строительства железных дорог выступали крупные извозопромышленники, боявшиеся потерять большие доходы, царские сановники во главе с умным и дельным министром финансов Е. Канкриным. Говорили, что движение паровозов по обледенелым, занесённым снегом рельсам будет невозможным, что постройка железных дорог грозит неисчислимыми убытками, «порчею нравов» и потрясением существующего порядка[13] (в последнем, пожалуй, были правы, да порядок уже и требовал изменений).

Паровое судоходство к середине века широко распространялось по основным рекам Волжского бассейна. Характерно, что пароходы были частными, государство не оценило во время достоинства и выгоды нового типа судов и военный флот России оставался в основном парусным.

Появились первые машиностроительные заводы, в основном в Петербурге. В 1849 г. для постройки пароходов появился крупный частный завод в Сормово около Нижнего Новгорода.

К 1860 г. в обрабатывающей промышленности вольнонаёмные составляли уже 80% общей численности рабочих, горнозаводская промышленность была технически более отсталой, но и здесь к 1860 г. вольнонаёмные составляли 20% рабочих. Крепостные свеклосахарные заводы тоже были вынуждены нанимать дополнительных рабочих.

Но вольнонаёмные рабочие в это время – это в основном те же крепостные крестьяне – отходники. Это приводило к удорожанию рабочей силы (нанимателю такого рабочего приходилось оплачивать не только поддержание его жизненных сил, но и оброк помещику, который к тому же в любой момент мог отозвать своего крепостного в имение). С другой стороны, это заставляло заводчиков и фабрикантов механизировать свои предприятия с целью экономии на заработной плате или увеличения доходов за счёт роста производительности труда.

По мере механизации труда среди рабочих росла доля женщин и детей. В середине 1850-х гг. на Гусевской бумагопрядильной фабрике из 893 рабочих большинство составляли женщины. В 1849 г. на свеклосахарных заводах около трети рабочих были женщины. В 1840-х гг. на московских бумагопрядильных и шерстопрядильных фабриках работало около 3 тысяч мальчиков и девочек.

О темпах и характере экономического развития России в первой половине XIX в. говорят следующие данные. Выплавка чугуна в расчёте на душу населения росла так: в 1830 г. – 3,270 кг., в 1840 г. – 2,887, в 1850 г. – 3,323, в 1860 г. – 4,023 и всего за 30 лет – на 0,753. Производство сахара так же на душу населения: 1830 г. – 0,009 кг., в 1840 г. – 0,034, в 1850 г. – 0,254, в 1860 г. – 0,751 и всего на 0,742 кг или более чем в 83 раза. Ввоз хлопка: в 1830 г. составлял 0,33 кг на душу населения, в 1840 г. – 0,104, в 1850 г. – 0,287, в 1860 г. – 0,687 и всего на 0,357 или приблизительно в 2 раза. Во второй половине 1840-начале 1850-х гг. выплавка чугуна на душу населения в русских фунтах составляла: в Англии – 21,1, во Франции – 37,5, в Пруссии – 18,3, в Австрии – 13,5, а в России (без Финляндии и Польши) – 8,7. Таким образом, Россия производила чугуна меньше Франции в 4,3 раза, Англии – в 2,7 раза, Пруссии – в 2,1, Австрии – 1,5 раза.[14]

Явно бросается в глаза отставание в темпах роста металлургического производства, которое было сосредоточено на горных заводах Урала, где изменения в составе рабочих, средствах труда и технологии были минимальны. И одновременно бурно росли отрасли, где широко при-

[13] Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. С. 267.

[14] Там же. С. 352—353.

менялся вольный труд, машины, среди владельцев которых много лиц недворянского звания и которые работали на широкий рынок, а не на казну.

Для того, чтобы верно оценить успехи российской промышленности и определить – догоняла она или нет западноевропейские страны необходимо сравнить эти успехи с тем, что происходило в европейских странах.

За 1812—1856 гг. объём промышленного производства в России удвоился, но во Франции за это время число паровых двигателей выросло в 5 раз, обороты банков – в 8 раз, в Англии объём выпуска промышленной продукции – более чем в 30 раз. Удельный вес России в мировом промышленном производстве в 1860 г. равнялся 1,72% и уступал Франции в 7,2 раза, Германии в 9 раз, Англии – в 18 раз.

Тяжёлым было финансовое положение Российской империи в этот период. Постоянные войны поглощали почти все обыкновенные доходы государства и приводили к печатанию ничем не обеспеченных бумажных денег. Обыкновенные доходы государственного бюджета составляли в 1808 г. 127 млн руб., а расходы на армию и флот – 140 млн руб. В 1809 г. соответственно 136 и около 136 млн руб., то есть вооружённые силы поглотили все доходы. В результате в 1808 г. напечатали 92 млн руб., в 1809 г. – 127 млн. рублей. Соответственно в 1808 г. за бумажный рубль давали 48 коп. серебром, а в 1809 г. – 40 коп., в 1810 г. – 29 коп. Война 1812 г. и заграничные походы 1813—1814 гг. привели к дальнейшему печатанию бумажных денег и падению курса ассигнационного рубля до 20 коп. сер.

Финансовые трудности и дефицит государственного бюджета сохранялись всё царствование Николая I. Особенно ухудшилось положение с финансами во время Крымской войны, на которую уходили все обыкновенные доходы. И вновь началась усиленная эмиссия денег. При доходах по росписи на 1857 г. в 258 млн руб., в расходах 100 млн руб. предназначались на платежи по займам и 117 млн руб. – на Морское и Военное министерства, а на все прочие потребности – всего 41 млн рублей.[15]

Российское правительство прежде всего заботилось о горнозаводской, оружейной, суконной отраслях, чья продукция шла на нужды армии, но именно они оказались наиболее отсталыми к Крымской войне. Александр I и Николай I много внимания уделяли армии, любили парады и разводы, но общая экономическая отсталость, консерватизм внутренней и внешней политики, боязнь перемен привели к тому, что к настоящей войне Россия оказалась не готова. Армия была вооружена гладкоствольным оружием, значительно уступавшим нарезным ружьям и пушкам Англии и Франции по дальности и точности стрельбы. Англо-французский военный паровой флот легко справился с российским парусным.

Поражение в Крымской войне выявило потребность ускоренной технической модернизации в интересах прежде всего государства. Всё российское общество, конечно же, нуждалось в модернизации, в развитии промышленности, в переходе сельского хозяйства на интенсивные методы хозяйствования. Но это процессы длительные, связанные с перемещением людей из одних сфер занятости в другие, с коренной перестройкой форм собственности, с выработкой новых правил экономического поведения, с изменениями в психологии и поведении массы людей. Искусственное подстёгивание этих процессов ни к чему хорошему не приводит. Например, одним из главных условий развития промышленности в России, вообще её модернизации, было расслоение, разложение старого полунатурального крестьянского хозяйства, обезземеливание большей части крестьян и превращение их в сельских и промышленных рабочих. Этот процесс шёл в России, как мы видели, и до 1861 г. И это было на пользу на самом деле не только и не столько помещикам, а всей России и в конечном счёте в отдалённой перспективе самим крестьянам, которые мучились на своих клочках земли. Но человек не думает о далёких перспективах, о счастье далёких потомков, он хочет жить нормально здесь и сейчас и поэтому

[15] Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке // Вопросы истории. 2001, №2. С. 36—39.

попытка освобождения крестьян сверху и без земли неизбежно вызвала бы огромные социальные потрясения и поэтому была невозможна в тот момент. Хозяйств, регулярно использующих наёмную рабочую силу, было немного, мгновенно появиться они не могут по объективным экономическим причинам, помещичьи хозяйства не способны быстро перестроиться из-за отсутствия капиталов и в результате в отношениях землевладельцев и безземельных крестьян всё осталось бы по-прежнему – барщина в виде отработок за землю, оброк. Свобода есть, а улучшения жизни – нет и отсюда следует взрыв недовольства.

7.2. Отмена крепостного права и её последствия для деревни

7.2.1. Крестьянский вопрос при Александре I

Уже в первой половине XIX в. одним из важнейших вопросов, который постоянно обсуждался в высших сферах и для решения которого делались весьма робкие попытки был крестьянский, а конкретнее – крепостного права.

На отношение Александра I к крепостному праву и его политику в крестьянском вопросе повлияли его либеральные взгляды. Но упорное нежелание дворян расставаться с крепостными и неспособность императора перейти от слов к делу привели к тому, что проекты освобождения крестьян не были реализованы. Характерно в этом отношении обсуждение крестьянского вопроса в Негласном комитете. Адмирал Мордвинов, либерал английского толка, предложил распространить права владения недвижимым имуществом, включая землю, на купцов, мещан и казённых крестьян. По логике Мордвинова, на землях, которыми будут владеть разночинцы, будут развиваться хозяйства с наёмным трудом, которые будут составлять конкуренцию крепостным хозяйствам помещиков и будут вынуждать последних отказываться от крепостного права. Рациональное зерно в этих рассуждениях есть и такие процессы протекали в России, в частности в степной полосе и в Новороссии. Право владеть ненаселёнными землями недворянам было дано Александром I в 1801 г. и это была одна из самых значительных его акций. Члены Комитета полагали, что со временем они придут к упразднению крепостного права, но путём медленным и постепенным, но даже направление этого пути оставалось неясным.[16]

Другим законом, направленным на ликвидацию крепостного права, был указ 20 февраля 1803 г. «О свободных хлебопашцах». Этот указ разрешал помещикам отпускать своих крестьян на волю в одиночку или целыми селениями, но только с землёй. В таком случае помещик и крестьяне заключали между собой договор об условиях освобождения, который утверждался императором. Крестьяне получали наименование «свободных хлебопашцев» и их землями казна уже не могла распоряжаться в отличие от земель казённых крестьян.

Всего в царствование Александра I по указу о «свободных хлебопашцах» было заключено 160 сделок при общем числе освобождённых в 47 153 души мужского пола (при миллионах душ – меньше, чем капля в море). В 17 случаях крестьяне освобождались безвозмездно (всего 7415 душ, из которых 7 тысяч в виде исключения без земли по завещанию). В остальных случаях освобождение производилось за выкуп, средний размер которого равнялся 396 руб. ассигнациями с души.

В 1804—1805 гг. были утверждены положения по устройству крестьян в Лифляндии и Эстляндии, по которым запрещалось продавать и закладывать крестьян без земли, крестьянам предоставлялись личные гражданские права, вводилось крестьянское самоуправление наследственных владельцев земельных участков, регламентировались крестьянские повинности в пользу помещиков.[17]

В 1816—1819-м гг., по инициативе самих помещиков, были полностью освобождены без земли крестьяне в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии. Именно в Прибалтике были наиболее развиты интенсивные методы ведения хозяйства и рыночные отношения. Это делало выгодным для помещиков такое освобождение крестьян, так как они получали возможность более активно использовать труд наёмных работников, в которых превращались их бывшие крепостные. Конечно, положение крестьян ухудшилось, особенно в первое время, но развитие частной собственности на землю, рыночных отношений создавали условия для более быстрого развития сельского хозяйства и улучшения со временем положения всех крестьян, включая наёмных рабочих. О чём говорит опыт развития Прибалтики и Финляндии.

---

[16] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М. 1993. С. 61—62.

[17] Там же. С. 69—70.

В великорусских губерниях помещики не только не пожелали освободить крестьян на таких условиях, но были сильно напуганы действиями правительства, так как здесь труд крепостных всё еще представлял наиболее удобный для помещика способ эксплуатации их имений. Только помещики литовских и белорусских губерний проявили некоторую заинтересованность, но далеко не все и эта заинтересованность не вылилась в конкретные действия.

После победы над Наполеоном разрабатывались новые планы по освобождению крестьян. В 1818 и 1819 гг. было составлено два проекта – один под руководством А. Аракчеева, а другой – министра финансов Д. Гурьева. Аракчеев предлагал для освобождения крестьян от крепостной зависимости начать широкую покупку помещичьих имений в казну или по договорным с помещиком ценам, или по определённым правилам. Продавать государству крестьян и дворовых, по мнению Аракчеева, помещиков должно было заставить желание избавиться от долгов (они были велики после 1812 г.) и вести хозяйство на рациональной основе с использованием наёмных рабочих или сдавать землю в аренду крестьянам. На покупку имений предлагалось выделять по 5 млн рублей в год или выпускать с этой целью кредитные билеты с обязательством выплачивать 5% годовых. Если бы даже помещики согласились добровольно продать своих крестьян (принуждение по отношению к ним исключалось категорически), то на его осуществление понадобилось бы около 200 лет.

Другой проект под руководством Гурьева был разработан чиновником М. Балугьянским. Образцом для него явились западноевропейские страны, где крепостное право было по сути изжито в ходе становления рыночного производства и разнообразных форм собственности. Такое разнообразие форм собственности на землю Балугьянский предлагал ввести в России и тогда бы, по мере их развития, крестьяне сделались бы свободными без всякого специального законодательного акта. Этот проект обладал одним решающим, обрекающим сразу на неудачу, но распространённым для российских проектов преобразования России вплоть до настоящего времени, недостатком – непониманием того, что нельзя росчерком пера ввести то, что является везде и всегда результатом длительного и трудного развития. Разнообразие форм собственности на Западе обусловлено высоким уровнем развития производства, причём разные формы собственности и уровень производства развивались одновременно, взаимообуславливая и стимулируя друг друга. Нельзя родить ребенка не зачав его и не выносив его в чреве матери, а просто по указу, даже самого самодержавнейшего монарха (или генсека, или президента).

Александр I, давая указания о разработке очередного проекта освобождения крестьян, неизменно требовал положить в его основу принцип – никакого насилия по отношению к помещикам, никакого ущерба их интересам. Ни он, ни его сановники никак не могли понять, как указывает С. Мироненко, истинных причин, которые заставляли прибалтийское дворянство добиваться освобождения крепостных крестьян и в то же время толкали российских на пассивное, но непоколебимое сопротивление любым освободительным шагам правительства: причин, которые вытекали из разных уровней социально-экономического развития великорусских губерний и Прибалтики. В рекомендациях Александра I полностью отсутствует такой важный аргумент в пользу крестьянской реформы, как пагубное воздействие крепостного права на экономическое развитие страны, предполагавшиеся преобразования характеризовались только как «сообразные духу времени и успехам образованности» и «необходимые для будущего спокойствия самих владельцев крепостных людей»[18]. Вспомним, что в первой половине XIX в. только 3—4 процента российских помещиков вели хозяйство предпринимательским способом и тогда станет понятным, что голос императора был голосом вопиющего в пустыне, станет понятной секретность работы над проектами и их практически полная бесплодность. Да и «дух времени» в России господствовал тогда совсем не тот, на который уповал Александр I.

[18] Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 101.

7.2.2. Крестьянская политика Николая I

Много внимания крестьянскому вопросу уделял Николай I. В этом вопросе он оказался более прогрессивным и устойчивым, чем во всех остальных своих начинаниях. При Николае I для обсуждения крестьянского вопроса было образовано последовательно 10 секретных комитетов и было сделано во всяком случае больше, чем в царствование либерального Александра I.[19] Заниматься крестьянскими делами Николая I заставляли не либеральные мечтания, а вполне земные проблемы. Постоянно росла численность крепостных душ – с 1816 по 1835 год с 9 787 000 до 10 872 000, и это после освобождения остзейских крестьян, стала проявляться нехватка земли в наиболее заселённых губерниях, увеличивалось количество дворовых, т.е. безземельных крестьян, что в сочетании с упадком помещичьих имений (большие долги, много заложенных и т.д.) создавало сложную социально-экономическую обстановку в стране. В 1840-х гг. даже среди помещиков Тульской, Рязанской, Орловской и Смоленской губерний появились представления о том, что ликвидация крепостного права при сохранении земли у помещиков будет выгоднее сохранения крепостнического хозяйства. В 1844 г. тульские помещики предлагали начать освобождение своих крестьян и даже готовы были оставить крестьянам по одной десятине на душу, но с тем, чтобы крестьяне взяли на себя большую часть помещичьих долгов. Предложение обсуждалось, был создан специальный комитет, но практических результатов не было.

В результате деятельности Комитета 6 декабря (это его название) были запрещены продажа земли без крестьян как мера против обезземеливания последних и сдача крепостных в горнозаводские рабочие. Важным для регулирования положения крестьян была публикация Свода законов, так как некоторые частные указы и постановления правительства, ограничивавшие в некоторых случаях власть помещиков над крестьянами, были включены в Свод и превращены в общие, обязательные для всех нормы.

Из секретных комитетов наиболее серьёзным был комитет 1835 г., который предложил разделить решение крестьянского вопроса на три стадии. На первой стадии изучить вопрос и разработать программу. На второй стадии предполагалось произвести регламентацию повинностей крепостных, а на третьей – произвести личное освобождение, но без земли. Но практических результатов не последовало.

Наиболее крупным практическим шагом в правление Николая I в отношении крестьян была реорганизация управления государственными крестьянами. По предложению Д. Киселёва в 1837 г. было создано новое ведомство – Министерство государственных имуществ, которому передано управление всеми казёнными имениями, лесами и горными заводами.

Была выстроена целая чиновничья пирамида для управления государственными крестьянами – кроме самого министерства, в губерниях появились палаты государственных имуществ, а в уездах – окружные управления. Было допущено, впрочем, некоторое самоуправление казённых крестьян в общинах и волостях, но с правом неограниченного вмешательства окружных начальников в их дела. Чиновники нового ведомства по замыслу должны были заботиться о благоустройстве государственных крестьян, распределять выделяемые крестьянам ссуды, в том числе для переселений. И многое в этом отношении делалось. Но в конце концов эта система опеки поставила крестьян едва ли не в худшее положение. Раньше становые приставы – взяточники могли только изредка посещать казённые имения, так как у них было много других обязанностей, а теперь были специальные чиновники, которые занимались только крестьянами. В результате возросли поборы с крестьян на содержание разбухшего управленческого аппарата, выросли злоупотребления, суммы, выделяемые на улучшение положения государ-

[19] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 156.

ственных крестьян, разворовывались. Доходило до волнений государственных крестьян и требований вернуться к старой системе управления.

Результатом деятельности секретного комитета 1839 г. было новое «Положение об обязанных крестьянах». По этому положению помещики получили право заключать с крестьянами добровольные соглашения о прекращении личной крепостной зависимости и о переводе их в разряд обязанных поселян. Земля оставалась у помещика, но передавалась в пользование крестьян и её нельзя было у них отнять, а крестьяне должны были нести повинности, размер которых оставался неизменным. Вводилось некоторое сельское самоуправление, которое и так существовало в оброчных деревнях. Так как всё отдавалось на волю помещикам, то и проку никакого не было, а когда князь Д. Голицын сказал Николаю I, что эта мера будет иметь смысл лишь в том случае, если перевод из крепостных в обязанные будет обязательным для помещиков, то тот ответил, что хотя он самодержавный и самовластный, но такого насилия над помещиками допустить не решится.

Более решительно действовал Николай I в Западном крае, где помещики были в основном поляками. В 1847 г. он ввёл там «инвентарные правила», т.е. регламентировал крестьянские повинности. Издание же в 1847 г. указа, который давал крестьянам право выкупаться целыми селениями при продаже имений с торгов, вызвало большие протесты среди дворянства, тем более что имений продавалось много, и в 1848 г. указ был фактически отменён. А после революций 1848 г. все обсуждения крестьянского вопроса и практические действия были прекращены полностью.

7.2.3. Подготовка отмены крепостного права

Николай I умер в ночь с 17 на 18 февраля 1855 г. Смерть императора породила ожидания перемен. Появилось множество записок и статей с анализом положения в стране, с критикой крепостного права и доказательствами необходимости его отмены по экономическим, политическим и нравственным причинам. Историк М. Погодин подал записку на его имя по этому поводу ещё при жизни Николая I. Записки в адрес правительства подавали известные люди из чиновников и общественных деятелей (П. Валуев, Б. Чичерин, К. Кавелин, Ю. Самарин), всего в 1855—1857 гг. было подано 63 записки.

Кто был заинтересован прежде всего в освобождении крепостных крестьян? Кому это было выгодно? Дворянству? Невыгодность, неэффективность крепостного труда в это время проявлялась ещё разве что в масштабах всего общества, при сравнении с западноевропейскими странами, а также в случае втягивания в рыночные отношения, использования передовой агротехники и машин. Но абсолютное большинство помещиков вело хозяйство по старинке, полученный доход дворяне-землевладельцы просто проедали, не вкладывая его в развитие своего хозяйства, дошли до повального закладывания имений, т.е. проедали уже и их. По ревизии 1858—1859 гг. почти 42% помещиков были мелкопоместными, с числом крепостных до 20 душ (в среднем – 8). В среднем они получали оброка со своих крестьян 50—80 рублей. 35% помещиков по той же ревизии относились к категории среднепоместных до 100 душ крепостных. Образ жизни и уровень потребления подавляющего большинства этих помещиков мало чем отличались от крестьянских.[20] Естественно, они не имели ни капиталов, ни знаний и умений для ведения самостоятельного предпринимательского хозяйства. Они были против освобождения крестьян и реформа не принесла им пользы – они просто растранжирили полученные выкупные деньги. Помещики предпринимательского толка были за освобождение крепостных, но их было ничтожно мало (что и показала подготовка и проведение освобождения) и они были сосредоточены в основном на юге, в степной полосе, на юго-западе, в Прибалтике, где крепостных было мало или они давно были свободными и где широко использовался наёмный труд крестьян-отходников.

Крестьяне? Большинство из них были государственными и удельными, т.е. лично свободными. Инициаторами крестьянских выступлений с ярко выраженной целью освобождения от крепостного ига были, как правило, крестьяне зажиточные, предприимчивые, а не деревенская беднота. Крестьяне, крепостные в том числе, гораздо чаще выступали против тяжести и роста государственных и помещичьих повинностей, а также из-за начинавшегося в старозаселённых губерниях малоземелья. Гораздо больше личной свободы крестьян интересовала земля. Классическим выражением таких настроений крестьян является ответ крепостных декабристу И. Якушкину, пожелавшему освободить их без земли, но с полным учётом интересов крестьян (как он думал): пусть всё останется как было – мы ваши, а земля – наша. И никакого чрезвычайного роста крестьянских выступлений в 1850-е гг. не было.

Владельцы вольнонаёмных мануфактур, конечно, были заинтересованы в ликвидации крепостного права, но их было мало и их голоса не было слышно на всём протяжении подготовки и проведения Великой реформы. А многие из них сами были крепостными.

Кто же остаётся? Государство. Громадные недоимки по государственным податям, которые никак не удавалось ликвидировать старыми методами, огромный дефицит государственного бюджета, вызванный расходами на содержание армии, бюрократического аппарата и на войны, особенно на Крымскую, толкали на поиски новых методов решения финансовых и экономических проблем. А тут ещё выявившееся в ходе Крымской войны отставание в инду-

[20] Беловинский Л. Господа из мелкопоместных// Былое. 1997, №6 (июнь). С. 5.

стриальном развитии, особенно в вооружении армии и транспорта, поставили под сомнение претензии Российской империи на роль великой европейской державы. Производство нарезного оружия, строительство современных паровых военных кораблей, переход от рекрутского принципа комплектования армии к всеобщей обязательной службе требовали создания новой металлургической, машиностроительной и военной промышленности, массового строительства железных дорог. Для этого требовалось добиться повышения производительности труда во всех сферах экономики, начиная с сельского хозяйства для высвобождения рабочих рук для промышленности, нужны были более квалифицированные рабочие в промышленности. Приписные крестьяне не годились для машинной индустрии.

Идеолог николаевской системы М. Погодин обращался к Александру II в 1856 г. с призывом: «Медлить нечего… Надо приниматься вдруг за всё: за дороги, казённые и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочие не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, деньги, за финансы, за всё, за всё…».[21]

А за 10 лет до этого в протоколе Секретного комитета 1846 г. по крестьянскому делу, председателем которого был наследник престола, будущий император Александр II, пророчески было записано: «Доколе Россия, по непредвиденным судьбам, не утратит своего единства и могущества, дотоле другие державы не могут служить ей примером. Колосс сей требует иного основания и иных понятий о свободе не только крестьян, но и всех состояний. Основанием России было и должно быть самодержавие, без него она не может существовать в настоящем своём величии. Свобода в ней должна состоять в ограждении каждого и лично, и по имуществу от притеснений другого и в повиновении всех законам, исходящим от одного высшего источника»[22]. Прошло десять лет и выяснилось, что перемены жизненно необходимы для выживания самого самодержавия.

Освобождение крестьян было проведено от начала до конца руками государственных чиновников, наиболее дальновидных и умных. Сознательно или нет они добивались двух основных целей, противоречащих друг другу в своей основе: во-первых, создания условий для промышленной модернизации России в интересах прежде всего государства и оздоровления государственных финансов, во-вторых, сохранения помещичьего землевладения с соблюдением всех интересов помещиков. Задача была тем более сложной, что нельзя было ликвидировать крестьянское землевладение и самостоятельное крестьянское хозяйство из-за угрозы социальных потрясений, а также отрицательных экономических последствий. Абсолютное большинство помещиков было неспособно в короткий срок перейти на ведение хозяйства собственными силами и вынуждены были обрабатывать свою землю руками крестьян, сдавая землю им в аренду и заставляя отрабатывать долги и арендную плату. Разрушение даже маломощных крестьянских хозяйств также неизбежно привело бы к нарушению продовольственного и сырьевого баланса страны, так как в таком случае потери нельзя было бы восполнить в короткий срок за счёт товарных помещичьих и фермерских хозяйств. А российская промышленность не смогла бы переварить огромную массу рабочих рук, высвободившихся в сельском хозяйстве.

Все эти причины предопределили характерные черты крестьянской реформы, её противоречивость, медленность, непоследовательность.

Сторонники ликвидации крепостного права по разным мотивам – нравственным, религиозным, экономическим, из соображений интересов государства – были и среди членов царской семьи (великий князь Константин Николаевич, брат царя, великая княгиня Елена Пав-

[21] Цит. по: Российские самодержцы. 1801—1917. М., 1994. С. 162.

[22] Российские самодержцы. С. 174.

ловна), и среди чиновников (министр внутренних дел Ланской, его заместитель Левшин, Н. Милютин и другие).

Александр II по традиции начал подготовку отмены крепостного права с создания 3 января 1857 г. Секретного комитета по крестьянскому делу. Но, знамение времени, уже на своём втором заседании в январе 1857 г. этот комитет, составленный из высших сановников во главе с графом А. Орловым, в большинстве крепостников, заговорил о необходимости публикации правительственного указа по крестьянскому вопросу с целью успокоения крестьян и помещиков. Сразу это не удалось, так как не было программы правительства по этому вопросу. К тому же, как и предшественники, Александр II желал, чтобы в деле улучшения быта крестьян непременно инициатива шла от дворянства. А такой инициативы дворянство упорно не хотело проявлять, несмотря на царские намёки и прямые предложения дворянству освободить крестьян сверху, не ожидая, когда они освободят себя снизу. Но к осени 1857 г. виленский генерал-губернатор В. Назимов, личный друг царя с юности, организовал адрес дворянства своих губерний с робкой просьбой проведения реформы по образцу инвентарной реформы. Александр II потребовал срочно подготовить рескрипт, который был принят Секретным комитетом по крестьянскому делу 20 ноября 1857 г. Министр внутренних дел Ланской приказал набрать текст рескрипта типографским способом и на рассвете срочно отправить поездом начальникам губерний и губернским предводителям дворянства.

Таким образом, рескрипт стал известен в стране и царь был буквально вынужден дать указание опубликовать его для всеобщего ознакомления. С этого момента дело отмены крепостного права уже нельзя было повернуть вспять – это неизбежно вызвало бы сильнейшие крестьянские волнения. В дальнейшем Александру II и другим сторонникам реформ неоднократно приходилось прибегать к использованию гласности (сам этот термин, как и «перестройка» широко использовался тогда) для продвижения подготовки и осуществления крестьянской реформы. Одновременно правительство предоставило печати право обсуждать крестьянский вопрос и такое обсуждение, энергичное и разностороннее, шло все годы подготовки, несмотря на временные ограничения.

Александр II использовал гласность и открытость не потому, что был либералом и демократом, наоборот, он был сторонником самодержавия, о чём неоднократно и публично заявлял с первых дней своего царствования, когда поклялся беречь заветы «незабвенного» отца. Прибегать к гласности он был *вынужден* для преодоления сопротивления абсолютного большинства дворян.

С целью преодоления сопротивления реформам Александру II приходилось использовать небюрократические формы разработки и обсуждения проектов крестьянской реформы. К ним относятся губернские комитеты по крестьянскому делу, которые должны были учесть местные интересы дворянства, а также Редакционные комиссии, которые составляли окончательные проекты всех документов. Затем уже эти документы обсуждались в традиционных органах – Главном комитете по крестьянскому делу, Государственном совете и были утверждены Александром II 19 февраля 1861 г.

Губернские комитеты были общественными – в них заседали выборные представители дворянства, а не государственные чиновники и это был, пожалуй, первый случай такого широкого привлечения общественных сил для участия в столь важном деле. Это был чрезвычайно интересный и полезный для общества опыт, хотя в эти комитеты не были приглашены главные заинтересованные лица – крепостные крестьяне.

Редакционные комиссии были созданы в марте 1859 г. под председательством Я. Ростовцева. В них входили 17 представителей министерств и ведомств и 21 член-эксперт из местных помещиков и специалистов. В большинстве своём это были молодые высокообразованные люди, 12 из них работало в Русском географическом обществе. Многие были или стали видными государственными и общественными деятелями – Самарин, Черкасский, П. Семё-

нов (будущий выдающийся географ Тян-Шанский), Бунге и Рейтерн (оба в будущем министры финансов) и другие. Безусловным лидером и фактическим руководителем работы Редакционных комиссий был Н. Милютин, временно назначенный товарищем (заместителем) министра внутренних дел.

Гласность была присуща деятельности губернских комитетов (некоторые из них даже издавали свои журналы) и Редакционных комиссий. По распоряжению Я. Ростовцева материалы работы его комиссий публиковались тиражом 3 тысячи экземпляров. А после окончания работы Редакционных комиссий в октябре 1860 г. печатные доклады их отделений, журналы (протоколы) общих заседаний, своды проектов губернских комитетов и прочие их труды были изданы в 18 объёмистых томах (в первом издании) и сверх того было опубликовано 6 томов статистических сведений о помещичьих имениях свыше 100 душ и 3 огромных тома замечаний депутатов губернских комитетов.

7.2.4. Как было отменено крепостное право

Состав нового законодательства по крестьянскому и земельному делам был очень большим, кроме Манифеста 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права было ещё 16 различных положений и правил.

Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, в своём первом параграфе провозглашало: «Крепостное право на крестьян, водворённых в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда».

На этих бывших крепостных были распространены общие положения гражданских законов «О правах и обязанностях семейственных», проще говоря, для вступления в брак не требовалось теперь помещичьего соизволения. Крестьяне получили право юридического лица, могли лично или в составе общества заключать договоры, принимать на себя обязательства и подряды. Им было предоставлено право производить «свободную торговлю» без взятия торговых свидетельств и без уплаты пошлин, открывать и содержать фабрики и другие промышленные и ремесленные заведения, торговые лавки. Крестьяне могли записываться в цехи, производить и продавать ремесленные изделия не только в деревне, но и в городе; вступать в купеческие гильдии. Крестьянин становился юридическим лицом по гражданским, административным и уголовным делам.

Получив статус «свободных сельских обывателей», крестьяне обрели права участия в сходах, составлении мирских приговоров, участия в выборах общественных должностей и право быть избранными, они могли переходить в другие сословия, наниматься в рекруты или просто поступать на военную службу, отлучаться от места жительства. Крестьяне получили право поступать в «общие учебные заведения» и служить «по учебной, учёной и межевой частям» по правилам, установленным «для свободных податных сословий по увольнительным свидетельствам, с исключением из податного оклада».

Личные права крестьян довольно чётко отличались от их «прав» при крепостном состоянии, это было прогрессивной стороной закона, но временнообязанное положение, вызванное крестьянским землепользованием – пользованием якобы законной собственностью помещика, сводило на нет эти права. Так, например, провозглашалось, что крестьяне могут быть наказаны только по суду, но здесь же оговаривалось – «или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей».

Провозглашено было право выхода из общины, но с труднопреодолимыми условиями. Прежде всего, в первые 9 лет после введения уставной грамоты крестьянин должен был предъявить «приёмный приговор» того сельского или городского общества, которое дало согласие на его приписку. Затем крестьянин должен был отказаться от мирского надела в пользу общества, рассчитаться по всем платежам до 1 января будущего года, не должен был находиться под судом или следствием, его родители должны были дать согласие на его выход (в случае их смерти – справка об этом), гарантировать содержание неспособных к работе родственников, остающихся в старом обществе, волостной старшина выдавал увольнительное свидетельство только после опроса крестьян общества, нет ли препятствий к его выходу. Приём в общество также был обставлен многими затрудняющими условиями.

Ликвидация крепостного права, предоставив крестьянам личную свободу от помещиков, тем не менее не уравняла крестьян с помещиками в гражданских правах, не сделала их равноправными гражданами своей страны. Реформа перевела их из разряда крепостных крестьян не в разряд полноправных граждан, а в разряд податных сословий. Крестьяне продолжали платить подушную подать, при которой прямые налоги налагаются не на имущество, а на лица, и, так как обеспечить платежи в таком случае очень трудно, то сохранялась круговая порука, ограничения в свободе передвижения при помощи паспортной системы и приписки к общине.

Закон признал полную собственность крестьян на движимое имущество, неотчуждаемость усадебной оседлости вплоть до выкупа усадебной земли в полную собственность. Крестьяне получили право приобретать в собственность любое имущество и им распоряжаться (приобретённое раньше на имя помещика могло быть закреплено за крестьянином по решению помещиков или мировых учреждений). Такое же право получило мирское общество как коллективный собственник.

Ограничения были связаны с надельной землёй. Свой надел крестьянин мог продать только с разрешения «мира» и только после 9 лет с момента наделения землёй по уставной грамоте. Внутри общины крестьяне могли эту землю переуступать. Это правило не препятствовало мобилизации земли внутри общины и порывало с традицией уравнительности.[23] Но фактически не действовало из-за сохранявшихся на деле традиций уравнительности и из-за того, что с покупкой или арендой надельной земли передавались выкупные платежи с неё, что делало невыгодными сделки с этой землёй.

Самой главной и сложной проблемой была земельная. По закону предусматривалось сохранение в собственности дворян земель, находящихся под барской запашкой, сохранение за крестьянином сначала в пользование (за повинности), а потом в собственности (за выкуп) дореформенного надела – но фактически были проведены отрезки по требованию дворян. Исчисление повинностей производилось от их дореформенных размеров с некоторым понижением. Государство участвовало в выкупной операции в качестве кредитора. Выкуп не был обязательным для помещиков, но вечность пользования крестьянами землёй и неизменность повинностей буквально толкали помещика на признание выкупа («вынудительный» выкуп, как говорили враги Редакционных комиссий).[24]

При определении размеров наделов вся европейская часть страны была разделена на 3 полосы – нечернозёмную, черноземную и степную, а каждая из полос – на «местности», в зависимости от природных, географических и демографических условий. Для первой и второй полос были определены точные высшие и низшие размеры земельного надела на ревизскую душу. Если дореформенный надел превышал высшую установленную норму, то помещик мог излишек отрезать, и наоборот. Если в распоряжении помещика оставалось менее одной трети удобной земли, а в степной полосе – менее половины, то он имел право дать крестьянам наделы меньше низшего размера. В результате сократился размер более 72% всех крестьянских владений. Наделов не получили дворовые и крестьяне, работавшие на заводах и не имевшие наделов.

На переходный период крестьяне продолжали платить оброк и отбывать барщину. При определении размеров оброка на переходное время и затем размера выкупа первая десятина надела облагалась больше, чем вторая, а вторая больше, чем остальные. Например, при 8 десятинах надела первая десятина ценилась в 4 рубля, вторая – в 1 рубль 60 копеек, а все остальные – по 56 2/3 копейки.[25] Таким образом, если полагалась 8-десятинная норма, а у крестьянина оказывалось 7 вместо 8, то оброк сокращался всего на 56 2/3 копейки.

Поэтому крестьяне часто выбирали дарственные наделы в одну десятину без выкупа, надеясь восполнить нехватку земли за счёт покупки и аренды (первоначально рыночные цены на землю были ниже выкупных).

Даже при сохранении прежних (или почти прежних) наделов крестьяне в черноземных земледельческих губерниях, где была распространена барщина, оказались в трудном положении. Половину, а то и больше, рабочих сил в этих местностях занимала барщина и теперь, если

[23] Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России… С. 136—138.

[24] Захарова Л. Г. Россия на переломе (Самодержавие и реформы 1861—1874 гг.) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.). С. 313—314.

[25] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 228.

крестьяне хотели использовать все свои силы в сельском хозяйстве, им приходилось или арендовать землю у помещика, или самим к нему наниматься, или искать заработка на стороне для уплаты податей, оброков и на покупку необходимых предметов, не изготавливавшихся в крестьянском хозяйстве. С ростом населения нехватка земли усиливалась. Поэтому в земледельческих областях стали расти арендные и покупные цены на землю и расчёты крестьян-дарственников не оправдались. В результате получилось так, что крестьяне богатой по природе черноземной полосы в конце XIX – начале XX вв. жили хуже, чем крестьяне в нечерноземной, где земля давала небольшой доход, но имелись заработки от промыслов и промышленности.

Размер выкупа был таков, что выкупались фактически барщина и оброк, а также личность крестьянина, а не только земля. Крестьяне должны были выплатить 867 млн рублей при стоимости земли 544 млн. К началу XX в. они выплатили более 1 млрд рублей и ещё продолжали платить. При определении размеров выкупа происходила капитализация ежегодного оброка из 6% годовых, т.е. вычислялась сумма, которая при денежных ссудах в 6%, давала помещику доход, равный теряемому оброку. Большую часть выкупа государство уплатило помещику сразу, а крестьяне должны были возвращать выкупную ссуду государству в течение 49 лет в форме выкупных платежей по 6% выкупной ссуды в год. Этот процент был завышен, обычный в то время равнялся 4%.[26]

[26] Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. С. 19—23.

7.2.5. Последствия отмены крепостного права

Помещики не были готовы к другим методам хозяйствования, кроме крепостнических и потеря крепостных обрекала их на разорение. В нечернозёмных губерниях помещики почти не имели своей пашни, соответственно своего инвентаря, а крестьяне имели большие возможности для неземледельческих заработков. Поэтому в этих местностях помещики постарались отрезать у крестьян луга, выпасы, водопои и подходы к ним и затем вынуждали их брать эти угодья в аренду. Те помещики, которые заводили своё хозяйство с вольнонаёмными рабочими, использовали это зависимое от них положение своих бывших крепостных для работы у себя. В свою очередь крестьяне часто не соглашались обрабатывать помещичьи земли и делали это только тогда, когда помещики взамен сдавали им в аренду недостающие угодья (выгоны и луга). А во многих местах северных губерний ведение хозяйства помещиками вовсе сделалось невозможным и началась распродажа помещичьих имений и земель в нечернозёмных губерниях.

В чернозёмных губерниях положение было совершенно иным. Крестьяне здесь получили сравнительно небольшие наделы, возможности неземледельческих заработков были невелики и крестьянам приходилось или наниматься к помещикам, или брать у них землю в аренду.

Благоприятные условия для земледелия в чернозёмной полосе создавались чрезвычайным ростом хлебных цен – на 50—80% за 20 лет после реформы – из-за большого спроса на него на мировом рынке. В пореформенное время к этому добавляется строительство железных дорог к портам.

Из-за выгодности производства хлеба быстро росла в это время пашня (до аграрного кризиса в начале 1890-х гг.). В 1860-х гг. площадь всей пашни в Европейской России равнялась 88 млн 800 тысячам десятин; через 20 лет пашни было уже 106 млн. 800 тысяч, а в 1887 г. – 117 млн десятин. Но рост пашни происходил неодинаково в разных местах, в нечернозёмных губерниях она даже существенно сократилась. В центральных чернозёмных губерниях пашня выросла всего на 5%, (тут и раньше почти всё было распахано). В средневолжских губерниях за 20 лет после реформы площадь пашни выросла на 35%, в малороссийских – на 13%, в Новороссии – на 98%, в Южном Заволжье – даже на 365%.

Благоприятная рыночная конъюнктура, получение капиталов в виде выкупа и ссуд, открытие земельных банков тем не менее не принесли помещикам ощутимой пользы, хотя их положение в южных местностях и было более устойчивым, чем в северных. Большую часть денежных доходов пошла не на улучшение сельского хозяйства, а были проедены. Помещики предпочли сдавать землю в аренду, так что помещичья запашка сократилась и на юге.

Это объясняется отсутствием собственного инвентаря и привычкой вести своё хозяйство с помощью крестьянского. На Украине и в чернозёмных губерниях преобладала отработочная аренда, самый неэффективный её вид. При такой аренде крестьяне оплачивали аренду пашни обработкой пашни землевладельца собственными орудиями труда на собственных лошадях, т.е. сохранялась барщина под новым названием со всеми её отрицательными последствиями.

К тому же большинство помещиков было мелко- и среднепоместными и на полученные выкупные платежи в принципе не могли устроить самостоятельное интенсивное хозяйство. Уже скоро стала вновь расти задолженность помещиков. При выдаче помещикам выкупных сумм государство удерживало их долг, так что из 588 млн рублей, которые должны были получить помещики в первое десятилетие у них удержали около 262 млн долга, а остальные 326 млн рублей были выданы процентными бумагами, курс которых был низким и реально помещики получили всего 230 млн. рублей. И уже к концу 1860-х гг. помещики были должны вновь 230 млн рублей земельным банкам, к началу 1880-х гг. долг достиг 400 млн, а к концу 1880-х гг. перевалил за 600 млн. И несмотря на все эти долги, полученные выкупные платежи и в черно-

зёмных губерниях помещичье хозяйство мало улучшалось и расширялось. А рост пашни был достигнут за счёт крестьянского хозяйства вследствие широкой аренды помещичьей земли.[27]

Сокращение помещичьего землевладения шло в убыстряющемся темпе: в 1859—1875 гг. в среднем продавалось по 517 тысяч десятин в год; в 1875—1879 гг. – по 741 тысяче; в начале 1890-х гг. – по 785 тысяч, в начале XX в. – по 1 млн десятин в год.

Крестьянское хозяйство страдало от выкупных и прочих платежей. О тяжести выкупных платежей говорит всеобщее распространение недоимок, особенно в нечернозёмных губерниях. Но большими они были и в чернозёмных, например, в Уфимской многоземельной губернии недоимки составляли от 56 до 173 процентов к сумме причитавшегося платежа. С другой стороны, с момента массового перехода крестьян на выкуп свободная цена на землю выросла и стала выше выкупной. При росте хлебных цен не более чем на 100%, арендные цены в некоторых местах выросли в 4—5 раз.[28]

Кроме того, крестьяне платили большие налоги и платежи с земли и с душ. Так в 1872 г. сумма всех прямых налогов и платежей с сельского населения равнялась 208 млн рублей, из них только 13 млн падало на земли частных владельцев.

Между различными категориями крестьян платежи распределялись неравномерно. Так, за свои 33,5 млн десятин бывшие помещичьи крестьяне платили 54 млн рублей, а государственные крестьяне за 75 млн десятин – лишь 37 млн рублей.

В целом, непосильные платежи, аренда земель, регулярная нехватка земли и неумеренная распашка лесных и луговых угодий вели крестьянское хозяйство к разорению. Об этом наглядно говорит сокращение поголовья лошадей и скота в расчёте на один двор. Количество рабочих лошадей по 30 губерниям Европейской России на один двор составляло в 1870 г. – 1,53, в 1880 г. – 1,33; крупного рогатого скота в 1870 г. – 1,84, в 1880 г. – 1,65; мелкий скот в 1870 г. – 4,56, в 1880 г. – 3,79. В начале 1890-х гг. до половины крестьян не имели лошадей и только 5—6 процентов имели 2 и более.

Среднегодовые сборы хлебов в пореформенное время росли, хотя и медленно, что видно в таблице 1.

Вывоз хлебов рос очень быстро благодаря высоким мировым ценам и строительству железных дорог. В 1870 г. Россия вывезла 168,4 млн пудов, в 1876—1880-х гг. по 287 млн. пудов в год, т.е. почти в 3 раза больше, чем в 1860 г.[29]

Но бурный рост экспорта хлеба (который искусственно подгонялся правительством ради получения дополнительных доходов и улучшения торгового баланса), вовлечение в торговлю хлебом всех категорий крестьянства, включая маломощных, усиливающаяся распашка земель имели обратную сторону – учащение неурожаев и случаев массового голода среди крестьян. Для России вообще характерна цикличность урожаев. Наиболее убедительное объяснение этого явления сводится к тому, что в стране с низким уровнем земледелия колебания урожаев определяются метеорологическими и климатическими условиями, а также внутренней причинной связью между высокими и низкими урожаями. Благоприятные метеоусловия способствуют высокому урожаю, но при этом происходит быстрое истощение почвы, несколько урожайных лет подряд усиливает истощение почвы и в конце концов приводит к неурожаю. Неурожайный год, а ещё более несколько подряд, способствует, наоборот, накоплению питательных веществ в почве и восстановлению естественного плодородия и урожайности. Так как метеорологические условия разнообразны, взаимодействуют и обладают собственной периодичностью, то в случае совпадения нескольких неблагоприятных факторов с особенным исто-

[27] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 334—336.

[28] Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII – XIX вв.). Л., 1985. С. 146—147.

[29] Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России… С. 254—255.

щением почвы это приводит к чрезвычайному неурожаю, и, соответственно, совпадение благоприятных – к высокому урожаю.[30]

Для сглаживания перепадов имеются определённые методы: регулярное внесение удобрений, оставление части земли под паром (трёхпольная система), смена культур, влагозадержание и мелиорация. Но нехватка скота, усилившаяся сокращением лугов и пастбищ из-за их распашки, вела к недостатку навоза для удобрения, уменьшение паров ускоряло необратимую деградацию почвы, в Черноземье неумеренная распашка вела к образованию оврагов, по которым уходила влага и в результате усилились засухи, прокладка железных дорог вовлекала в хлебную торговлю те регионы, которые раньше слабо в ней участвовали из-за отдалённости. Всё это способствовало истощению почвы, учащению неурожаев и голода, которым ни крестьянам, ни помещикам нечего было противопоставить. Первый серьёзный неурожай случился в Смоленской губернии в 1867 г., а через три года последовал другой неурожай, главным образом в юго-восточных губерниях, которые считались житницей России и даже Европы. В Самарской губернии неурожай продолжался три года и последовал страшный голод и это в благоприятном и обильном крае. Голод был в 1873, 1880 и особенно сильный в 1891—1893-м гг.

Преодолеть отрицательные тенденции в развитии сельского хозяйства России, добиться повышения производительности труда в деревне и тем самым создать здоровую базу для развития всех отраслей промышленности (а не только тяжёлых, чего добивалось правительство) можно было только путём перехода к интенсивным методам ведения хозяйства: использование плодопеременной системы с резким улучшением агротехники, сельскохозяйственных машин. Но эти меры требуют больших затрат денежных средств и по силам только крупным хозяйствам – помещичьим, крестьянским или купеческим, социальное положение тут не имеет значения. Зато имеет огромное значение психология, установка на постоянное расширение производства, улучшение своей жизни, а не только сохранение того, что есть, наличие духа предпринимательства в массе производителей. А вот этого было крайне мало. Мы видели, что помещики-землевладельцы оказались в большинстве своём просто неспособными на это, а крестьянство задавлено непомерными платежами, малоземельем, ограничением свободы передвижения.

Положительные сдвиги имелись, но незначительные: медленно распространялась плодопеременная система, в конце XIX в. вырос и постоянно увеличивался спрос на сельхозтехнику, появились российские заводы и мастерские по её производству. Но всё это в небольших масштабах было и до 1861 г., а господствовало по-прежнему трёхполье, разбросной метод посева из лукошка, уборка и в самом конце XIX в. в абсолютном большинстве крестьянских хозяйств производилась вручную серпами и косами.

Кроме некоторого снижения выкупных платежей в 1880-е гг. и урегулирования переселений крестьян, правительство практически ничего не сделало для создания условий, которые бы благоприятствовали быстрому распространению интенсивных форм хозяйствования. Более того, ни в правящей верхушке, ни в обществе не было осознания необходимости этого и понимания того, что надо делать. В этом отношении характерна оценка членом партии кадетов историком А. Корниловым мер правительства при Александре III по борьбе с крестьянским малоземельем. Он сочувственно относился к предложениям министра финансов Бунге по оказанию Крестьянским банком помощи в первую очередь совсем малоземельным крестьянам для увеличения надела до его максимального размера по Положению 19 февраля (хотя бы), по созданию условий для аренды казённых земель прежде всего крестьянами и крестьянскими

[30] Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия. С. 123—124.

обществами, а не частными лицами (купцами, предпринимателями, кулаками, зажиточными крестьянами).[31]

Эти меры были направлены на сохранение *всего* крестьянства, на сохранение *уравнительных* тенденций, поддержание маломощных хозяйств, предотвращение земельного и имущественного расслоения, а значит препятствовали накоплению средств и земли в руках наиболее энергичных и умелых хозяев и тем самым – переходу к интенсификации сельского хозяйства, они вели к замедлению индустриализации и урбанизации и таким образом способствовали росту диспропорций в экономике страны – разрыву между быстро растущей промышленностью и отсталым сельским хозяйством.

[31] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 399—400.

7.3. Промышленность во второй половине XIX в. Социально-экономические итоги века

7.3.1. Промышленность в первые пореформенные годы

Под влиянием отмены крепостного права развитие промышленности в России пошло быстрее, хотя и не сразу. Объёмы производства на железоделательных заводах и многих суконных фабриках, где работали посессионные рабочие, даже вначале снизились. Так уральские заводы давали в 1860 г. 14 500 тысяч пудов железа, в 1862 г. – 10 400 тысяч, в 1867 г. – 12 400 тысяч и лишь к 1870 г. они пришли к прежнему объёму, а затем превзошли его. Таким образом, железоделательным заводам потребовалось около 10 лет, чтобы приспособиться к новым условиям. У суконных фабрик на это ушло 5—6 лет. Временные трудности переживали даже бумаготкацкие фабрики, но по другим причинам – из-за тяжёлого торгово-промышленного кризиса в Англии, откуда они получали значительную часть пряжи.

Потрясения, вызванные крестьянской реформой и сопутствующие обстоятельства, привели к падению оборота внутренней торговли. В 1860 г. обороты Нижегородской ярмарки равнялись 105 млн рублей, а в 1861 г. они составили только 98 млн и лишь в 1864 г. превзошли обороты 1860 г., достигнув 111 млн рублей и стали расти дальше.[32]

Ликвидация крепостничества выбросила на рынок рабочей силы новые массы крестьян и рабочих, не получивших надела: дворовых, «дарственников», а также сельских хозяев, разорённых непосильными выкупными платежами и возросшими налогами. Несмотря на все усилия стать независимыми хозяевами, крестьяне всё чаще были вынуждены забрасывать земледелие и искать средства существования целиком или частично в качестве фабричных людей или сельских батраков. Это явление было особенно распространенным в Нечерноземье с его бедными почвами. Но эти процессы не стоит переоценивать, имущественное разложение крестьянского хозяйства шло, особенно в первые десятилетия после реформы 1861 г., очень и очень медленно, также как рост рабочего класса. К тому же большинство рабочих из крестьян не порывали ещё долго связей с землёй и надеялись вернуться на свои наделы. Такое положение сохранялось до начала XX в.

Тем не менее после 1861 г. быстрее пошел процесс накопления капиталов. Выкупные платежи перекачивали крестьянские средства в руки государства, помещиков, оборотливых купцов и спекулянтов, игравших на колебаниях курса процентных бумаг. Государство содействовало образованию финансового рынка – Государственный банк получил возможность проводить некоторые коммерческие операции, поощрялось создание частных банков, обществ частного кредита. Банки и общества частного кредита аккумулировали накопленные средства и пускали их в оборот. Началось быстрое образование акционерных обществ, многие из них финансировали растущую промышленность. Сюда притекали крупные суммы от разбогатевших крестьян, торговцев, помещиков. Промышленное акционирование за 13 лет (с 1861 по 1873 гг.) дало 128,9 млн рублей, т.е. 11% всего акционерного капитала, а за следующие 8 лет (с 1874 по 1881 гг.) уже 177,4 млн рублей или 58% всех акционерных вкладов. Наконец, немалую роль сыграли инвестиции иностранного капитала, которые устремились в Россию в расчёте на использование дешёвой рабочей силы и высокие прибыли. К началу XX в. доля иностранного капитала в имущественных фондах российской фабрично-заводской промышленности составляла 36%. Фонды российских банков на три четверти контролировались международным капиталом. На импортную технику приходилось 63% общей стоимости оборудования в промышленности, а часть остального оборудования делалось по зарубежным проектам.[33]

---

[32] Там же. С. 281—282.

[33] Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. 1783—1883 гг. М. 1986. С. 38.

Государство, после некоторого увлечения политикой свободной торговли, вернулось к прежней протекционистской системе и поощряло развитие промышленности и торговли таможенными тарифами, гарантиями, субсидиями и кредитными ссудами. Разумеется, в первую очередь поощрялись отрасли, связанные с обороной. Особое внимание уделялось строительству железных дорог, всю пагубность отсутствия которых для державной мощи выявила Крымская война. Даже военную реформу со всеобщей воинской повинностью нельзя было осуществить из-за невозможности провести мобилизацию подготовленного резерва в достаточно короткие сроки.

Протекционистская политика правительства, направленная на насаждение собственной тяжёлой промышленности и строительство железных дорог, в том числе рост казённых дорог к концу века, была по-своему логична и закономерна. Государство было озабочено не развитием капитализма в России, не ростом благосостояния населения, а возрождением и укреплением своей военной мощи и своих позиций на международной арене, а также поддержанием неограниченного самодержавия императоров. В сочетании с большим недоверием к частному капиталу и к буржуазии не должно удивлять стремление к всеобщему контролю над тяжёлой промышленностью, к сохранению и расширению казённых железных дорог и заводов.

Первой железной дорогой в России была Царскосельская, построенная в 1837 г., протяжённостью в 25 верст. Она была построена частными лицами, без всяких гарантий и субсидий от правительства. Строители получили только одну важную льготу – дорога была оставлена в их пользовании на бессрочное время. Дорога строилась два года и обошлась сравнительно дёшево – в 42 тысячи рублей на версту пути, вместе с гражданскими сооружениями (вокзалы, сторожевые будки и прочее). Железная дорога между Петербургом и Москвой строилась казённым способом 9 лет с большими злоупотреблениями, стоило уже 165 тысяч рублей за версту и тысяч умерших на тяжёлых работах.

После Крымской войны правительство решило предоставить строительство железных дорог частным компаниям, ограничившись всяческим содействием и постараться привлечь иностранный капитал. Но опыт получился не всегда удачным.

Было создано «Главное общество постройки железных дорог в России», основными деятелями которого были иностранцы. Это общество получило большие льготы: правительственную гарантию 5% доходов на акционерный капитал, дороги оставались в собственности общества на 99 лет, причём правительство не могло приступить к выкупу ранее 20 лет. Но создание «Главного общества» проходило не на конкурсной основе, в него вошли люди не с деловой хваткой и значительным капиталом, а выбранные царскими сановниками по своему усмотрению случайные и, как оказалось, нечестные дельцы. К тому времени, когда акционерный капитал за границей должен был быть собран, его не оказалось, учредители расписали этот капитал на себя, а денег не внесли. Пришлось выпускать облигации и распространять их в России и надежды на привлечение иностранного капитала не оправдались. «Главное общество» всей программы строительства железных дорог не выполнило: была достроена Варшавская дорога и построена новая между Москвой и Нижним Новгородом. В результате растраты значительной части акционерного капитала, хищнического ведения дела строительство обошлось дорого (100 тысяч рублей за версту), доходность дорог оказалась невысокой и правительству пришлось раскошелиться на крупные суммы для выплаты гарантированного дохода.[34]

Тем не менее, была осуществлена широкая программа строительства железных дорог и их протяжённость выросла с 1626 км в 1860 г. до 23 091 км в 1881 г. и до 26 554 верст в 1890 г. Настоящий железнодорожный бум Россия переживала в 1890-х гг., когда протяжённость дорог выросла на 13 тыс. верст и достигла почти 40 тыс.

[34] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 284—286.

Всё же к концу XIX в. Россия уступала очень многим странам по плотности железнодорожной сети. (Таб. 2).

На долю США приходилось 47% всех железных дорог в мире, Европейской России – 6,4%, по числу вёрст на 1 млн жителей Европейская Россия занимала 20-е место из 27 стран.[35] А ведь массовое строительство железных дорог в России и США началось примерно в одно время – после ликвидации крепостничества в России и отмены рабства и гражданской войны в США.

Направление железных дорог в России и железнодорожные тарифы жёстко контролировались государством и были направлены на удовлетворение прежде всего интересов крупной промышленности, на содействие росту экспорта хлеба, а первоочередность строительства дорог определялась военно-стратегическими соображениями.

К чему приводил чрезмерный экспорт хлеба в земледелии уже говорилось, а протекционистский таможенный тариф 1891 г. чрезвычайно удорожал важные для сельского хозяйства предметы, например, железо и сельхозмашины. В результате продолжалось разорение основной массы населения – крестьян, не компенсированное соответствующим развитием промышленности и переходом рабочих рук из земледелия на заводы. Тем самым подрывались условия для сбыта внутри страны продукции тех отраслей промышленности, которые работают на широкий рынок, прежде всего текстильной. Узость внутреннего рынка для текстильной промышленности заставляла её искать внешние рынки сбыта, стремиться к проникновению в Среднюю Азию и на Дальний Восток и это при громадном потенциальном рынке внутри страны.

Тем не менее, именно текстильная промышленность добилась наибольших успехов, в первую очередь хлопчатобумажная, которая всё более завоевывала деревню: количество рабочих в этой отрасли выросло с 76,3 тысяч в 1865 г. до 167 тысяч в 1880 г. Но и до 1861 г. эта отрасль развивалась динамично. Успехи были и в других отраслях промышленности, так в машиностроении в 1865 г. было 17,8 тысяч рабочих, а в 1880 г. – 43,9 тысячи.

В пореформенное время начинает набирать темпы промышленный переворот: в конце 1870-х гг. из 1238 крупнейших предприятий 762 работали при помощи пара.

Большие разногласия и разнобой всегда вызывали оценки темпов и характера промышленного роста России во второй половине XIX в.

Согласно данным академика Н. Дружинина (см. таб. 3)[36] и дореволюционного энциклопедического словаря (см. таб. 4—6)[37] о числе фабрик, количестве рабочих и объёме производства, за 42 года число фабрик выросло примерно в 4 раза, численность рабочих более чем в 4 раза, а объём производства – приблизительно в 17 раз. Но в сравнении с показателями других стран успехи России были относительно скромными и отставание от США, Германии, Великобритании в производстве чугуна и стали (а, следовательно, и продукции из них) увеличился, а от Франции только сократилось.

Несмотря на успехи металлургии в России, ввоз чугуна, фасонного железа и стали постоянно рос, а вывоз уменьшался, несмотря на все протекционистские меры правительства. Так в 18511860 гг. Россия ввозила в среднем ежегодно 132 тысячи пудов чугуна, 240 тысяч пудов железа и 49 тысяч пудов стали, а вывозила 747 тысяч пудов железа. А 1898 г. уже – 6773 тысячи пудов чугуна, 19 216 тысяч пудов железа, 4482 тысячи пудов стали, а вывезла всего 274 тысячи пудов железа.[38]

---

[35] Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 359—360.

[36] Дружинин Н. М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. С. 353.

[37] Россия. Энциклопедический словарь. С. 280, 304—305.

[38] Там же. С. 305.

Если крепостническая металлургия России в конце XVIII в. занимала первое место в мире, то с началом промышленного переворота она стала отставать и к 1861 г. удельный вес России в мировом производстве металлов упал до 5%, а к 1880-м годам, при сохранении полукрепостнических отношений на Урале, дошёл до 2% мирового производства чугуна.

Перелом наступил только во второй половине 1880-х гг. с созданием мощной металлургической базы на юге страны. Удельный вес России в мировом производстве металлов стал расти – 3,3% в 1890 г., 7,2% в 1900 г., а по выплавке стали – до 7,8%.

За первые 30 лет после отмены крепостного права общий индекс промышленного производства России увеличился в 3,3 раза. Однако и средний мировой индекс вырос за это время почти на ту же величину, вследствие чего ничтожный к 1860 г. удельный вес России в мировом производстве, всего примерно 1,72%, поднялся только до 1,88%. За время промышленного подъёма в 1890-е гг. объём промышленной продукции России удвоился, тогда как мировой индекс промышленного производства увеличился на 40%. Удельный вес России вырос на треть, но составлял ещё всего 2,4—2,5%, – вдвое меньше, чем удельный вес Франции.[39]

В 1896—1897-м гг. 77,7% экспорта России составляла по-прежнему сельскохозяйственная продукция.[40]

И это несмотря на промышленный бум 1890-х гг., когда добыча нефти выросла в 2,5 раза, угля – в 3 раза, а металлургическое производство – более чем в 3 раза.

Численность рабочих в крупной обрабатывающей промышленности росла таким образом: 1865 г. – 674 тыс., 1879 г. – около 1 млн, 1890 г. – 1180 тыс., в самом конце XIX в. – около 3 млн (а всего было около 10 млн рабочих).

На крупных заводах с числом рабочих более 100 было занято в 1879 г. 67% рабочих, в 1890 г. – 71%, из них около половины с числом рабочих более 500. Высокая концентрация рабочих является следствием низкой технической и энергетической вооружённости рабочих, большого распространения немеханизированного физического труда и означала низкую производительность труда. В начале XX в. средняя годовая производительность труда на одного рабочего во всей промышленности России была в 3,5 раза меньше, чем в США в это время и в 1,5 раза меньше, чем в США в 1860 г.[41]

Несмотря на почти двойной рост городского населения в абсолютных цифрах, его доля в общей численности населения России выросла незначительно: с 10,6% в 1860-х гг. до 13% в 1897 г.

[39] Гиндин И. Ф. Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте // Вопросы истории. 2007, №2. С. 80—81.

[40] Россия. Энциклопедический словарь. С. 231.

[41] Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. С. 41.

7.3.2. Финансовая система

Несмотря на все старания правительства государственный долг под влиянием выкупной операции, создания железнодорожного фонда, Крымской и русско-турецкой войн 1877—1878-го гг. и других причин вырос с 1 759 млн. рублей в 1858 г. до 4 698,5 млн. рублей в 1880 г., из которых 2 472,8 млн. составляли расходы на военные нужды и покрытие дефицитов.[42] Даже относительно прогрессивный министр финансов Рейтерн ставил в 1866 г. вопрос о повышении подушного оклада, несмотря на его непосильность для крестьян. Податная комиссия министерства финансов тогда же не смогла придумать ничего лучше, как предложить замену подушной подати подворной, т.е. вернуться на полтора века назад. Зато земские собрания, которые в 1870 г. рассматривали этот проект, в подавляющем большинстве своём отвергли министерский проект и предложили ввести повсеместно подоходный налог. Но министерство финансов, сославшись на трудности введения подоходного налога, предпочло вообще ничего не менять.[43]

Реформирование податной системы началось лишь в 1880-е гг. при министре финансов Бунге: в 1882 г. были понижены на 12 млн рублей выкупные платежи и постепенно отменена подушная подать. Благодаря этим мерам с крестьян было снято налогов на 53 млн рублей. Хотя некоторая часть этой суммы пала на крестьян же, вследствие повышения питейного налога и превращения оброчного сбора с бывших государственных крестьян в выкупные платежи в увеличенном размере, это не могло уменьшить принципиального значения отмены подушного налога, как меры, которая открывала путь к изменению паспортной системы, отказу от круговой поруки и других отрицательных условий крестьянской жизни. Понижение налогов с крестьян сопровождалось всё большим привлечением к обложению иных, более имущих слоёв населения. Так в 1882 г. был установлен налог с имуществ, передаваемых по наследству или дарению. Но правительство никак не могло решиться на введение подоходного налога и налога на имущество в полном объёме, так как это затрагивало интересы дворянства, которое никаких налогов раньше не платило.

Преемник Бунге на посту министра финансов Вышнеградский проводил другую политику. Не обращая внимания на платёжеспособность налогоплательщиков он стремился собрать максимум средств в казну с целью восстановления золотого обращения. Вышнеградский добился хороших результатов, но окончательно довёл до истощения основных плательщиков налогов – крестьян, что показали неурожаи и голод 1891 и 1892 годов.

В 1890-е гг. С. Витте удалось ликвидировать государственный дефицит, повысить золотое обеспечение рубля и начать введение подоходного налога. Об отсталости и несовершенстве податной системы России говорит преобладание косвенных налогов, вся тяжесть которых ложится на низшие слои населения, над прямыми. В России косвенные налоги превышали прямые в 6 раз, в Пруссии – менее чем в 2 раза, в Англии – 2,75 раза, во Франции – в 3 раза.[44]

Одной из основных причин хронических финансовых трудностей Российской империи в XIX в. были постоянные войны и большие военные расходы – около 70 лет из ста империя находилась в состоянии войны. При этом более слабая в экономическом отношении Россия испытывала во время войн существенно бóльшие относительные финансовые нагрузки, чем страны Запада. Например, Великобритания в 1802 г. во время войны с Наполеоном потратила на военное и морское министерство около 57% бюджетных расходов, в 1857 г. – 43%. В другие годы она тратила на эти расходы гораздо меньше. В России же военные расходы во время

[42] Россия. Энциклопедический словарь. С. 192.

[43] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 318—319.

[44] Россия. Энциклопедический словарь. С. 193, 198.

Крымской войны и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. превышали 100% годовых доходов бюджета.

Неразвитость производительных сил страны и соответственно низкий уровень государственных доходов были причиной финансовых кризисов. Главной причиной было тяжёлое положение крестьян. В последние годы XIX в. годовой доход на душу населения составлял в Пруссии 131 доллар, во Франции – 178, в Великобритании – 205, США – 259, в России – 46 долларов. Стремление Российской империи играть роль великой державы, необходимость поддерживать военное могущество, не были подкреплены её реальными экономическими возможностями и требовали от финансовой системы предельного напряжения.[45]

[45] Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке. С. 33, 43.

7.3.3. Социальное развитие России в пореформенный период

Несмотря на все успехи здравоохранения и просвещения (особенно в земствах) Россия в этом отношении все ещё была отсталой страной. Численность врачей на миллион жителей в Европейской России составляла 156, а в Норвегии – 275, Австрии – 275, Италии – 280, Германии – 355, Франции – 380, Великобритании – 578. Жителей на одного врача приходилось: в Европейской России – 6450, в Австрии и Норвегии – 3630, в Германии – 2820, во Франции – 2630, в Великобритании – 1730. Причём половина врачей в России жила в губернских городах, четверть – в уездных и только четверть – вне городов. Отсюда частые болезни, высокая смертность, в том числе и детская, и небольшая продолжительность жизни.[46]

На почти 129 млн населения России в конце XIX в. приходилось 52 вуза, 177 мужских гимназий, 58 мужских прогимназий, 104 реальных училища, 55 духовных семинарий, 186 духовных училищ, 163 женских гимназии министерства народного просвещения, 61 женское епархиальное и духовное училище, 30 институтов и 30 женских гимназий ведомства Императрицы Марии и 34 военно-учебных заведения с общеобразовательным курсом. Одно среднее мужское учебное заведение (включая духовные и военные) приходилось на 192 тысячи человек, на одно женское – 415 тысяч. В 1894 г. на медицинских и юридических факультетах 9 университетов училось по 37% студентов, 20% – на историко-филологических и только 5% на физико-математических.

В народных училищах Европейской России всех наименований и ведомств в 1890-е гг. училось 2 800 000 детей (из них 75% мальчики). В Европейской России 1 училище приходилось на 1580 человек, в Сибири – на 2600.[47] И не удивительно, что в 1890 г., по данным земских переписей, среди мужского крестьянского населения грамотных было 14,8%, среди женского – 2,8%. В это же время в Англии было грамотно более 90% населения, в Голландии – 94,5, во Франции – 90%, в Пруссии – 89%. В Японии к началу XX в. 90% мальчиков посещало начальные школы.[48]

[46] Там же. С. 225—226.

[47] Россия. Энциклопедический словарь. С. 398—400.

[48] Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. С. 47.

7.3.4. Экономические итоги века

Одной из самых популярных концепций истории России XIX в. является концепция «догоняющего развития». Согласно этой теории в результате отмены крепостного права феодальная Россия стала ускоренными темпами превращаться в Россию капиталистическую. Положение «догоняющей» страны позволило государству будто бы снова, как при Петре I, пользоваться плодами прогресса передовых стран, активно «насаждая технико-организационные формы буржуазного хозяйства», но всячески ограничивая «осовременивание» общественно-политической жизни, сознательно консервируя различного рода докапиталистические институты. Толчок буржуазному развитию в России, как и в других странах второго эшелона капитализма, идёт не только и даже не столько изнутри, сколько извне, от уже сравнительно развитого буржуазного Запада, который выступает в качестве примера и внешней угрозы. Отличительными признаками развития капитализма в странах второго эшелона являются: сокращение или даже отсутствие мануфактурного периода; крайняя ограниченность традиционных источников первоначального накопления капитала, например, внешнеторговой экспансии, эксплуатации колоний; вообще снижение экономического значения первоначального накопления как такового, но при чрезмерной роли налогового обложения, внешних и внутренних займов. Для этих стран характерны также с самого начала глубокие противоречия, как внутренние, так и внешние.

Неорганичность буржуазного развития выступает здесь, во-первых, как следствие перепада между сравнительно слабым развитием тех внутренних социально-экономических предпосылок перехода к капитализму, которые имеются в странах второго эшелона к началу их формационного «спурта» (мануфактуры, рост товарно-денежных отношений, накопление купеческого капитала и др.), и уровнем заимствуемых, развитых форм капиталистического хозяйства (фабрики, банки, система кредита и пр.), которые второй эшелон стремиться достичь «сразу». Во-вторых, ещё более велик разрыв между странами первого и второго эшелона капитализма с точки зрения зрелости правовых, политических и культурных предпосылок буржуазной формации.

Для преодоления этих перепадов необходимо время. А времени мало, так как буржуазная модернизация для отставших стран диктуется прежде всего необходимостью противостоять растущей экспансии капитализма Запада, имперскими амбициями и стремлением к потребительским стандартам правящих классов развитых стран. Отсюда резкое сокращение сроков формационного перехода, одновременность, совмещённость различных фаз буржуазного развития, которые на Западе были разделены большими промежутками времени: первоначального накопления, «инкубационного» периода машинного производства, промышленного переворота, «инверсия» (обратная последовательность) этапов складывания крупнокапиталистического производства (создание парового железнодорожного и водного транспорта, формирование тяжёлой промышленности стали рычагом «насаждения» национального капитализма, а в странах первого эшелона всё было наоборот). Вместо стадии классической свободной рыночной конкуренции – своеобразный «государственный капитализм», активное насаждение крупной промышленности, банков, кредитный учреждений «сверху». Таким образом, всё историческое существование российского капитализма ограничивается полутора веками, а период домонополистического капитализма укладывается в 30 лет. Странам Запада понадобилось по несколько веков для того, чтобы только достичь стадии «развитого» капитализма, а Россия за полтора века проскочила все стадии капиталистического развития и перешла к выс-

шей социально-экономической формации – социализму. Наиболее полно эта концепция изложена в книге И. К. Пантина, Е. Г. Плимака и В. Г. Хороса[49] и в ряде их статей.

Более внимательное изучение истории России XIX в. противоречит данной теории. Авторы говорят об «инверсии», обратной последовательности стадий капиталистического развития, который в России начался с насаждения железных дорог и тяжёлой промышленности, надо полагать после 1861 г. Но уже с конца XVIII в. в России быстро развивалась текстильная промышленность, особенно её хлопчатобумажная отрасль. Она прошла все классические стадии – раздача работы на дом, мануфактура, фабрика. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть историю крестьянской промышленности Нечерноземья (Иваново-Вознесенск, Шуя и другие места), проследить возникновение и становление многих династий текстильных фабрикантов конца XIX – начала XX вв. Текстильная и некоторые другие отрасли изначально основывались на вольнонаёмном труде, именно в них крестьяне и купцы накапливали первоначальный капитал и к концу века создали крупные предприятия и мощные промышленно-финансовые группы действительно капиталистического, рыночного характера (Морозовы, Мамонтовы, Гучковы и др.). И в этих отраслях были и свободная конкуренция, и внешняя экспансия из-за узости внутреннего рынка.

А рядом существовали с начала XVIII в. казённые и работающие на казну предприятия горнозаводской, оружейной, суконной промышленности. Именно об этих отраслях заботилось государство, начисто изгоняя дух конкуренции, создавая для них режим наибольшего благоприятствования даже в ущерб другим отраслям промышленности и сельскому хозяйству, особенно после Крымской войне. Эти две линии развития промышленности России (да и экономики в целом) – казённой государственной и предпринимательской, вольнонаёмной шли параллельно, почти не пересекаясь до начала XX в.

Но рано или поздно такое положение должно было кончиться и Россия должна была встать перед выбором: идти по пути казённой индустриализации с внеэкономическим принуждением перемещения рабочей силы из сельского хозяйства в индустрию в интересах правящей верхушки государства или по пути рыночной экономики с индустриализацией в интересах всего общества, с учётом экономических интересов всех слоёв населения. И этот выбор встал перед Россией в полный рост в начале XX в. и капитализм как общество рыночной экономики, свободы личности, правового общества в России ещё впереди, он не кончился в 1917 г., переход к нему, однажды начавшись, идёт в России крайне трудным путём именно из-за противодействия государства, опирающегося на казённую экономику. Авторы концепции «догоняющего» развития делают очень характерную для советских историков ошибку, как и при оценке промышленной деятельности Петра I, отождествляя строительство мануфактур, фабрик, заводов, железных дорог с капитализмом, т.е. с рыночной экономикой, а это глубоко неверно. Сама по себе индустриализация не означает капитализма, рынка, что Советский Союз доказал уже в XX в.

[49] Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. С. 25—28.

7.4. Российское государство в XIX в.: основные тенденции развития

Новые явления в российской действительности, наметившиеся уже в последние десятилетия XVIII в. – вольнонаёмный труд, втягивание России в европейские рыночные связи и завершение складывания внутреннего рынка в экономике, распространение просвещения, изменения в сознании и поведении пока ещё только высших слоёв общества, проникновение в Россию идей естественного равенства всех людей, рост и усложнение государственного аппарата – всё это требовало серьёзных изменений в политической и социальной сферах. Можно по разному относиться к личности и государственной деятельности Павла I в период его краткого правления, но даже признавая некоторые положительные моменты в его замыслах и поступках, следует сказать, что методы служения Павлом I своему отечеству, наведения им дисциплины приводили уже тогда к идее не только необходимости его свержения, но и ограничения самодержавия вообще законами и конституционными учреждениями.

Проекты преобразований политической системы России и попытки их осуществления начались с первых дней царствования Александра I и продолжались весь XIX в. Споры о смысле и значении проектов реформ и их самих XIX в. продолжаются до настоящего времени, появился даже термин «революция сверху» по отношению к реформам 1860—1870-х гг. Что же происходило на самом деле? Что задумывалось верховной властью и что получалось на самом деле?

7.4.1. Планы и дела Александра I

Александр I воспитывался Екатериной II в духе уважения к законам, к людям, независимо от их положения, готовя внука к царствованию, она внушала ему мысль о необходимости заботы о государстве и подданных как главной в деятельности монарха. Огромную роль в формировании личности будущего императора сыграл его воспитатель швейцарец Лагарп. Друг юности и соратник Александра I в первые годы его правления А. Чарторыйский уже после смерти царя, вспоминал: «Он признался мне, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он не проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, равно должна принадлежать всем людям, что он чрезвычайно интересовался французской революцией; что, не одобряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха республике и радуется ему. Он с большим уважением говорит о своем воспитателе Лагарпе как о человеке высокоодарённом, истинно мудром, со строгими принципами и решительным характером. Именно Лагарпу он был обязан всем тем, что было в нём хорошего, всем, что знал, и в особенности – тем принципам правды и справедливости, которые он счастлив носить в своём сердце и которые были внушены ему Лагарпом»[50].

Оказавшись на престоле в результате убийства своего отца Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., Александр I уже указом от 15 марта 1801 г. объявил полную амнистию политическим ссыльным, заключённым в тюрьмах и эмигрантам, всего было освобождено 536 человек из 700, числившихся по спискам Тайной канцелярии. А 2 апреля была ликвидирована сама Тайная канцелярия, наводившая ужас на российских жителей. В это же время было восстановлено в своих правах около 10—12 тысяч офицеров и чиновников, лишённых их при Павле I по суду и без суда, было отменено запрещение ввоза книг и нот из-за границы, разрешены частные типографии, снят запрет на поездки за границу, восстановлены жалованные грамоты дворянству и городам, солдаты избавлены от буклей. Был затронут крестьянский вопрос: Академии наук, которая издавала ведомости и публичные объявления, было запрещено принимать объявления о продаже крестьян без земли.

Эти меры означали лишь ликвидацию в основном наиболее одиозных распоряжений Павла I, не требовали какой-либо подготовки и не означали серьёзных перемен в существовавшем строе. В то же время был создан «непременный совет» из 12 сановников, который должен был быть совещательным органом при царе, но особой роли не имел. 5 июня была образована комиссия для составления законов, предназначенная не для выработки новых, а для согласования уже существовавших законов и издания их свода, так как беспорядок в этом деле создавал благоприятные условия для злоупотреблений.

В июне 1801 г. начал работать Негласный комитет в составе молодых друзей Александра I Строганова, Новосильцева, Чарторыйского и Кочубея. Задачей комитета было изучение положения дел и реформирование правительственного механизма. В Негласном комитете обсуждались проекты разграничения и уточнения полномочий высших государственных учреждений. В результате 8 сентября 1802 г. по проекту этого комитета были учреждены министерства вместо коллегий. Тогда же была проведена реформа Сената. Идея преобразования Сената в законодательное учреждение (в плане разделения компетенции между верховными органами власти) была отвергнута и он по сути остался органом государственного надзора над администрацией и высшей судебной инстанцией.

При обсуждении проекта реформы Сената и её осуществлении выявились ограниченность либеральных взглядов Александра I и их абстрактность. В компетенцию Сената был включён пункт о надзоре Сената над министерствами, по которому министры должны были

[50] Цит. по: Российские самодержцы. С. 35—36.

представлять ему годовые отчёты и при выявлении неправильных действий министерства, Сенат получал право докладывать императору о необходимости привлечения соответствующего министра к ответственности. Этот пункт вызвал резкие возражения Александра I, который опасался, что в таком случае Сенат станет препятствием для преобразований и долго не соглашался на предоставление Сенату права контроля над министерствами даже в таком умеренном виде. При первой же практической попытке поставить под контроль даже не его действия, а деятельность его чиновников, Александр I оказал упорное сопротивление.

Но без чёткого разграничения полномочий органов власти, без создания системы взаимного контроля, без предоставления высшим учреждениям хоть какой-то независимости и самостоятельности все попытки Александра I навести порядок, установить равенство перед законом и прочие либеральные проекты оборачивались пустыми мечтами и заканчивались разговорами. Так в регламенте Сената был пункт, по которому Сенату предоставлялось право высказывать свои возражения против новых указов, если они не соответствовали законам, неясны по своему смыслу или неудобны по тем или иным соображениям. Но если в таком указе не будет сделано изменений, то он остаётся в силе. Вскоре представился случай Сенату реализовать это своё право. По докладу военного министра Александр I определил, что все дворяне унтер-офицерского звания обязаны служить в военной службе 12 лет, что противоречило жалованной грамоте дворянству и сенатор граф С. Потоцкий предложил опротестовать этот указ. И это было сделано с ведома самого Александра I, но его реакция на единодушное мнение Сената оказалась резко отрицательной. Александр I не только оставил указ в силе, но и лишил Сенат права возражать.

После фактического прекращения заседаний Негласного комитета в мае 1802 г. обсуждение важнейших государственных дел и разработка административных преобразований сосредоточились в Комитете министров, в состав которого вошли почти все члены Негласного комитета. Ведущую роль играло Министерство внутренних дел, где министром был Кочубей, а его заместителем Строганов. Там же в это время работал молодой талантливый чиновник М. Сперанский, сыгравший большую роль в разработке проектов преобразований и в совершенствовании бюрократической машины.

В 1803 г. М. Сперанский составил записку, в которой обрисовал всю трудность положения в стране и в которой писал: «В настоящем порядке вещей мы не находим самых первых элементов, необходимо нужных к составлению монархического управления [под монархическим управлением Сперанский разумел конституционное]. В самом деле, каким образом можно основать монархическое (т.е. конституционное) управление по образцу, выше нами изложенному, в стране, где половина населения находится в совершенном рабстве, где сие рабство связано всеми почти частями политического устройства и с воинской системой и где сия система необходима по пространству границ и политическому положению? Каким образом можно основать монархическое управление без государственного закона и без уложения? Каким образом можно постановить государственный закон и уложения без отделения власти законодательной от власти исполнительной? Каким образом отделить власть законодательную без сословия (т.е. учреждения) независимого, её составляющего, и без общего мнения, её поддерживающего? Каким образом составить сословие (т.е. учреждение) независимое без великого и, может быть, опасного превращения (т.е. переворота) всего существующего порядка – с рабством и без просвещения? Каким образом установить общее мнение, сотворить дух народный без свободы тиснения (печати)? Каким образом ввести или дозволить свободу тиснения без просвещения? Каким образом установить истинную министерскую ответственность там, где отвечать некому и где отвечающий и вопрошающий составляют одно лицо, одну сторону?

Каким образом без ответственности могут быть охраняемы законы в исполнении? Каким образом может быть обеспечено самое исполнение без просвещения и обилия в исполнителях?..».[51]

По мнению Сперанского, все эти проблемы необходимо было разрешить, а потом уже вводить конституцию, а пока он предлагал самодержавие сохранить, усилить народное мнение, которое должно влиять на власть и постепенно вводить новые учреждения, которые бы «приспособляли дух народный» к восприятию идеи конституции.

Наиболее прогрессивные деятели того времени главным препятствием для введения конституционного строя считали крепостное право, но отменять его без просвещения полагали опасным делом, а просветить народ при крепостном праве было нелегко. Получался своего рода заколдованный круг, выйти из которого предполагалось путём длительных и упорных усилий и первоочередную задачу видели в просвещении. И именно просвещению уделялось много внимания правительством в первое пятилетие XIX в. Были образованы новые университеты – Харьковский, Виленский, Дерптский, Казанский, Петербургский главный педагогический институт (потом университет). Во главе учебных округов были поставлены просвещённые и деятельные люди, например, М. Н. Муравьёв (бывший учитель Александра I и отец декабриста), Н. Новосильцев, А. Чарторыйский и другие. Наивысшие расходы на образование при Екатерине II составляли 780 тысяч рублей в год, а в 1804 г. было отпущено 2 800 тысяч рублей. В 1804 г. появился первый университетский устав, который был основан на принципе уважения к науке и свободе преподавания, давал автономию университетским советам, которая потом была ограничена и уничтожена к концу царствования Александра I. Многое было сделано для развития низшего и среднего образования. Но начавшиеся с 1805 г. войны с Наполеоном привели к резкому снижению расходов на образование.

В 1804 г. был издан первый в России цензурный устав, который вводил предварительную цензуру и его нельзя считать в строгом смысле либеральным, но он давал совет цензорам быть благожелательными к авторам. Фактически не столько благодаря этому уставу, сколько либеральному настроению правительства, журналы пользовались в то время значительной свободой.

Кроме журналов в первый период правления Александра I появилось много книг: экономических, политических, юридических и философских, главным образом изложения и переводы сочинений второй половины XVIII в. Александр I выдавал даже субсидии переводчикам, на эти субсидии были переведены сочинения А. Смита, Бентама, Тацита, также появились переводы Беккарии, Монтескье, Мабли и других.[52]

После перерыва в преобразовательной деятельности, вызванного войнами 1805 и 1807-го гг., Александр I провёл ряд реформ государственного управления в 1810—1811-м гг. Подготовка к ним шла с конца 1808 г. в ходе бесед Александра I со Сперанским, ставшим к этому моменту его ближайшим сотрудником. Результатом этих бесед явилось «Введение к Уложению государственных законов», написанное Сперанским.

Сперанский доказывал необходимость коренных реформ в России закономерностями всемирной, и особенно европейской, истории, которые выражались в неумолимом переходе «от феодального правления к республиканскому» и никто не смог противостоять этому неумолимому процессу.

Тем же самым путём, по мнению Сперанского, шла Россия. Исходя из положения в государстве, из изменения отношения народа к самодержавной власти, из явного упадка её авторитета, из очевидной невозможности справиться с положением «частными исправлениями», прямо заявляя о «всеобщем неудовольствии», «сильном желании другого порядка вещей», Сперанский делал однозначный вывод: «…настоящая система правления не свойственна уже

[51] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 74.

[52] Там же. С. 69.

более состоянию общественного духа, и настало время переменить её и основать новый вещей порядок», что означало ограничение самодержавия и создание конституционной монархии.

В основу реформы Сперанский предлагал положить принцип разделения властей. Во «Введении» для реализации этих положений предлагалось законодательную власть сосредоточить в новом органе – Государственной Думе, исполнительную – в министерствах, а судебную отдать Сенату.

В России таким образом вводились бы гражданские и политические права, выборное начало и существенно ограничивалось самодержавие. Всё население делилось на три категории: дворянство, люди среднего состояния и народ рабочий, к которому относились «поместные крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги».

Определёнными гражданскими правами во «Введении» наделялись *все* жители страны, включая крепостных крестьян. Так, ни одно лицо не могло быть наказано без суда. Политическими правами наделялись только первые две категории населения. Право участия в судопроизводстве, принятии законов, наблюдения за действиями исполнительной власти получали только лица, владевшие недвижимой собственностью. На деле осуществление политических прав предусматривалось путем создания системы выборных дум: волостных, окружных, губернских и Государственной.

Государственная дума должна была стать законодательным органом, ограничивающим власть монарха: ни один закон не мог быть издан без предварительного одобрения Думой. Дума получала право широкого контроля над высшими органами исполнительной власти: министры несли полную ответственность перед ней, Дума имела право указывать на нарушение коренного государственного закона верховной властью и требовать своевременного представления отчётов. Император самостоятельно, помимо Думы, мог принимать решения только о войне и мире и в случае чрезвычайных обстоятельств. А также имел право издавать частные указы.

Предусматривались ежегодные сессии Думы в сентябре, верховная власть могла лишь отсрочить созыв Думы на год или назначить новые выборы.

Сенат становился высшей судебной инстанцией, он лишался административных и контрольных функций. Сенаторы избирались бы губернскими думами, а приговор Сената был бы окончательным. За верховной властью оставалось только право надзора за соблюдением одинаковых форм суда по всей территории страны.

Исполнительная власть предоставлялась министерствам, а также губернским и окружным правительственным органам. Вводился принцип ответственности исполнительной власти перед законодательной в лице Государственной и губернских дум.

Вершиной новой государственной системы должен был стать Государственный совет. Он служил бы своеобразным связующим звеном между императором и новой организацией законодательной, исполнительной и судебной власти. Члены Государственного совета назначались императором и он становился своеобразной палатой лордов, где происходило бы первоначальное обсуждение всех важнейших государственных дел.

Император сохранял всю полноту управления страной в исполнительной части, он обладал исключительным правом законодательной инициативы, т.е. только он мог предлагать законопроекты, а также утверждал все новые законы. Однако власть императора сильно ограничивалась новыми выборными органами: предлагаемый закон не мог миновать Государственную думу, монарх также решительно отделялся от судопроизводства, он мог только контролировать соблюдение судами установленных законов.[53]

Проводить преобразования Сперанский предполагал постепенно, не сразу открывая весь замысел, но и не затягивая дело. Начинать предполагалось с открытия Государственного совета 1 января 1810 г. К 15 декабря 1809 г. уже должны были быть готовы «органические законы сего

[53] Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 29—32.

установления в том самом порядке, как они в свое время войдут в состав Государственного уложения (т.е. конституции)». К 1 мая 1810 г. намечалось устроить исполнительную часть, затем принять к сентябрю гражданское уложение и обсудить судебную часть. Открытие работы Государственной думы предусматривалось 1 сентября, а вслед за этим следовала бы и судебная реформа и таким образом к 1811 г. Россия оказалась бы преобразованной.

Вероятно, предложения Сперанского были представлены Александру I и одобрены им. Во всяком случае, 1 января 1810 г. было объявлено о создании нового высшего органа власти – Государственного совета и открылось его первое заседание. В своей речи на открытии Совета Александр I среди вопросов, которыми должен был заняться Госсовет, назвал обсуждение проекта государственного уложения, предстоящее преобразование министерств и рассмотрение состояния государственных финансов. В 1811 г. в Совете обсуждалась разработанная Сперанским судебная реформа.

Однако Государственный совет оказался не тем органом, который предусматривался проектом Сперанского. Он предлагал сделать Совет связующим звеном между императором и тремя принципиально новыми формами государственной власти – Государственной думой (законодательство), Сенатом (суд) и министерствами (исполнительная власть). Реальный же Государственный совет получил совершенно другую функцию – исключительно законосовещательного органа, все законы должны были проходить через него, но он их не принимал, а только обсуждал, право принятия закона осталось за императором.

Вскоре выяснилось, что Александр I не склонен считать себя связанным мнением большинства Совета. Из 242 дел, по которым в 1810—1825 гг. в Государственном совете были разногласия, Александр I в 159 случаях утвердил мнение большинства, в 83 случаях меньшинства (причём в 4 случаях это было мнение одного человека). Естественно, все остальные предложения Сперанского остались на бумаге. Государственный совет скоро был наделён, помимо законосовещательной функции, судебными и контрольными наряду с Сенатом. А так как законы обсуждались ещё в Комитете министров и комиссии законов, то даже упорядочивания и разграничения полномочий и функций высших органов власти не произошло.

В марте 1812 г. без всяких объяснений и обвинений Сперанский был отправлен в ссылку и вернулся в Петербург только через 9 лет. Начавшаяся вскоре война прекратила работу по составлению проектов преобразований, но после заграничных походов эта работа возобновилась. В 1815 г. Александр I даровал конституцию Царству Польскому. В речи на открытии первого польского сейма в 1818 г. он пообещал недвусмысленно со временем распространить конституционное устройство на всю Россию. Эта речь Александра I была очень быстро напечатана в русских газетах, что должно было означать решительность намерений императора. И действительно, вплоть до 1820 г. в Варшаве, в канцелярии Новосильцева, шла работа по написанию конституции для России, основой для которой явилась конституция Царства Польского.

Польская конституционная хартия определяла, что Царство Польское навсегда присоединяется к России, русский император объявлялся польским царём, его власть законодательно ограничивалась хартией, соблюдать которую император обязывался особой клятвой. В хартии было записано, что «польский народ будет иметь на вечные времена народное представительство», состоящее из двух палат: Сената и палаты депутатов. Члены Сената пожизненно назначались императором, члены нижней палаты избирались путём прямого голосования. Избирательное право получали все дворяне, достигшие 21 года и обладавшие недвижимостью, и остальные граждане, имевшие недвижимую собственность и уплачивающие за неё налог, кроме польских крестьян, уже тогда лично свободных.

Несмотря на сословный характер и высокий имущественный ценз, избирательная система Польши была более прогрессивной, чем в европейских странах. Так во Франции

в 1815 г. имелось 80 тысяч законных избирателей, а в Польше с её меньшими территорией и численностью населения их насчитывалось 100 тысяч.

В отношении полномочий народного представительства и соотношения власти сейма и императора польская хартия имела двойственный характер. С одной стороны, она закрепляла за императором только исполнительную власть, но с другой – позволяла ему вмешиваться в дела законодательной и судебной. Кроме того, польская хартия гарантировала полякам политические свободы: печати, равенства всех сословий перед законом, неприкосновенность личности.

В октябре 1819 г. в Варшаве Александр I рассмотрел и утвердил принципы будущей конституции России, известные как «Краткое изложение основ». Многие разделы в этом документе были ещё мало разработаны, но видна близость к польской хартии 1815 г. и в целом он является типичным образцом конституционных проектов того времени. В нём нашли отражение самые существенные черты европейского государственного устройства: разделение властей, независимость одной ветви власти от другой, равенство всех граждан перед законом, народное представительство, состоящее из назначаемой императором верхней палаты и избираемой нижней и т. д.

Окончательный вариант конституции России под названием «Государственная уставная грамота Российской империи» был готов к осени 1820 г. В этом документе сделано много отступлений назад по отношению к польской хартии и «Краткого изложения основ». Существенно усиливалась законодательная власть императора, хотя сейм сохранял право вето на законодательные акты императора. Наряду с общероссийским сеймом предусматривались сеймы наместничеств, на которые делилась страна, было записано, что эти выборные органы лишь содействуют императору в управлении государством. Эти отступления могут объясняться желанием замаскировать прежде всего от дворянства истинные замыслы императора по конституционному переустройству России (во всём тексте ни разу не упоминается слово конституция) с целью преодолеть недовольство и страх дворянства перед конституцией, введение которой в его сознании тесно связывалось с неизбежным освобождением крестьян.

Но дело не только в этом, что видно в новой редакции избирательной системы. По Уставной грамоте избиратели определяли только кандидатов в депутаты, из которых император делал окончательное назначение.

И здесь, как и в случае с Сенатом в 1802 г., если Александр I сталкивался с чем-то, что ущемляло привычную бесконтрольность, что ограничивало его возможности действовать по-своему, его теоретические представления тут же отступали на второй план.

Серьёзно искажен был принцип ответственности исполнительной власти перед народным представительством – император имел право представлять на его обсуждение отдельные части общегосударственного отчёта, но мог этого и не делать. Вообще, сейм должен был заниматься теми делами, которые поручал ему император, а если не поручал, то ничем.

Органами центральной исполнительной власти в «Уставной грамоте» устанавливались Государственный совет и министерства. Серьёзным образом перестраивалась местное управление, вся страна делилась на 10—12 наместничеств, которые имели свои органы управления.

Принцип независимости суда от других частей управления провозглашался довольно определённо, хотя допускались отклонения (так в лице сенатора соединялись фактически законодательная и судебная власть).

Провозглашались гражданские и политические права: свобода слова, вероисповедания (но православная религия объявлялась господствующей, а политические и гражданское равноправие предусматривалось только для христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, свобода печати, а также гарантии частной собственности.

С. Мироненко отмечает, что при всей буржуазности характера «Уставной грамоты» не следует преувеличивать её последовательность и радикальность. В «Уставной грамоте»

основополагающий принцип всех европейских конституций того времени – суверенитет народа, т.е. признание народа источником государственной власти, заменён суверенитетом императорской власти. В статье 12 сказано прямо и недвусмысленно: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных». И это не отвлечённый теоретический вопрос, а принципиально важное положение, которое определило главный феодальный недостаток проекта – проникновение императорской самодержавной власти во все сферы государственной жизни, сохранение её определяющего влияния на все стороны жизни страны. Также сохранялись все дворянские привилегии, а о крепостном праве даже не упоминалось.[54]

Постепенно Александр I потерял всякий интерес даже к проекту конституции России, не было никаких попыток его реализации и он остался неизвестным в то время.

[54] Там же. С. 150—155, 189, 196—197.

7.4.2. Государство в период правления Николая I

Период правления Николая I единодушно считается временем самой глухой реакции, «чугунным временем». Но и в это время, особенно в первые годы царствования, готовились проекты преобразований, обсуждался в секретных комитетах крестьянский вопрос. В ходе следствия над декабристами перед Николаем I открылась довольно неприглядная картина: тяжёлое экономическое положение государства (дефицит бюджета), неэффективность государственного аппарата, коррупция и злоупотребления чиновничества, многое другое. Николай I повелел сделать выборку из показаний декабристов с предположениями о самых необходимых мерах для улучшения положения в стране и она находилась у него в кабинете постоянно. 6 декабря 1826 г. был даже создан Комитет, состоявший из крупных деятелей царствования Александра I (Сперанский, кн. А. Голицын, граф П. Толстой, Дибич, Ил. Васильчиков), а делопроизводителями были назначены молодые статс-секретари Блудов и Дашков. Задачей Комитета (который известен как Комитет 6 декабря) была разборка бумаг Александра I, пересмотр основ и уставов государственного управления и разработка предложений о его совершенствовании. Комитет заседал более или менее регулярно до 1832 г., но без каких-либо заметных результатов.

В первые годы царствования Николая I была проведена грандиозная работа по упорядочиванию российского законодательства – кодификация законов (задуманная Александром I ещё в первый год правления). До этого времени формально продолжало действовать Уложение 1649 г., а все последующие законы и указы не издавались, не классифицировались, устаревшие не отменялись. По каждому делу приходилось для обоснования судебного решения делать выписки из множества правовых актов, которые иногда составляли несколько сот страниц. В многочисленных законах трудно было разобраться и понять, как должно решить дело и это давало богатейшие возможности для злоупотреблений продажных чиновников, чем они беззастенчиво пользовались.

Сенатский чиновник И. Селиванов вспоминал: «При неимении не только Свода, но даже простого собрания законов уголовные палаты проводили в своих решениях такие законы, которые никогда издаваемы не были… Высочайшие указы по получении подшивались один под другим, и из этого к концу года составлялась книжища страшной толщины, в которой, чтобы отыскать что-нибудь, надо было перелистать всю книжищу от первого листа до последнего. А как таких книжищ, чтобы найти что-нибудь, надо было пересмотреть целые десятки, то, право, откажешься от всякой проверки, махнешь рукой и скажешь: вероятно, верно, ежели написано».[55]

Работа по кодификации была сосредоточена во II-м отделении императорской канцелярии под руководством Сперанского. И это практическое дело крупнейшего составителя проектов реформ было сделано с блеском. В результате появилось два издания: Полное собрание законов Российской империи в 47 томах и Свод действующих законов в 15 томах.

Для Николая I было характерно стремление к усилению личного контроля над всеми сторонами жизни общества.

Фрейлина императрицы А. Ф. Тютчева писала о Николае I и его царствовании: «Угнетение, которое он оказывал, не было угнетением произвола, каприза, страсти; это был самый худший вид угнетения, угнетение систематическое, обдуманное, самодовлеющее, убеждённое в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, на его совесть и что оно имеет право из великой нации сделать автомат, механизм которого находился бы в руках владыки… И вот

[55] Российские самодержцы. С. 130.

наступил час испытания, вся блестящая фантасмагория этого величественного царствования рассеялась как дым. …В короткий срок полутора лет несчастный император увидел, как под ним рушились подмостки того иллюзорного величия, на которые он воображал, что поднял Россию».[56]

Большую роль в управлении государством стала играть личная канцелярия императора с пятью её отделениями. Канцелярия царя руководила политической полицией: в 1826 г. (26 июня, в день рождения Николая I) был образован корпус жандармов, а через несколько дней все дела тайной полиции были переданы её III-му отделению. Во главе обоих учреждений был поставлен А. Бенкендорф.

Усилению полицейского контроля служил также цензурный устав 1826 г., прозванный «чугунным». Смягчённые параграфы цензурного устава 1827 г. компенсировались строгими секретными инструкциями цензорам не допускать никакой «крамолы». Задачу «держать и не пущать» преследовали также царский рескрипт 1827 г. об ограничении возможностей получения образования детьми крепостных крестьян, постановление 1831 г. о запрете обучения детей от 10 до 18 лет за пределами России, ограничение с 1834 г. выезда россиян за границу, полный запрет с 1844 г. выезда за рубеж по какой-либо личной надобности лиц моложе 25 лет.

Как практически все российские самодержцы, Николай I был абсолютно уверен во всесилии государства как единственного выразителя интересов общества. Сам Николай I определил своё понимание сути отношений общества и отдельных его членов с верховной властью: «Сомневаюсь, чтобы кто-либо из моих подданных осмелился действовать не в указанном мною направлении, коль скоро ему предписана моя точная воля». М. А. Рахматуллин обращает внимание на общую тенденцию николаевского царствования к военизации государственного аппарата, начиная с самого верха – Комитета министров. В нём в 1840-е гг. лишь трое из 13 членов имели гражданские чины и то только потому, что по профессиональным соображениям их некем было заменить из числа военных. К концу царствования 41 губернию из 53 возглавляли военные. Император был абсолютно убеждён, что образцом идеально устроенного общества является дисциплинированная армия: «Здесь порядок, строгая безусловная законность (имеются в виду параграфы воинского устава. – М.Р.) никакого всезнайства и противоречия, всё вытекает одно из другого».[57]

* * *

Реформаторские затеи Александра I были однозначно утопическими, легковесными. Для конституционного, правового строя в России первой четверти XIX в. не было никакого социально-экономического, политического и культурного основания. В. Томсинов так характеризовал деятельность Негласного комитета (и это определение с полным правом можно распространить на все проекты и на деятельность Александра I и многих подобных реформаторов вплоть до настоящего времени): «Среди знавших о деятельности комитета не было почти никого, кто бы относился к реформаторству друзей Александра равнодушно, то есть никак. Почти все относились к нему серьёзно. Всерьёз верили в то, что образованные на западноевропейский манер, не имеющие никакого опыта государственного управления, да и не знающие как следует России, молодые люди смогут разработать разумный план планомерного, сознательного преобразования этой огромной, необъятной умом и сердцем страны, которую в прошлом её гнули и ломали, заливали кровью и развращали, перекраивали и перестраивали, но которая тем не менее всегда жила и развивалась по-своему – так, как того хотелось ей, а не какому-либо пресловутому вождю – «гению»!

---

[56] Цит. по: Российские самодержцы. С. 157.

[57] Рахматуллин М. А. Император Николай I глазами современников //Отечественная история. 2004, №6. С. 78—80.

Странная эта вера отражала дух времени, когда человеческий разум казался могущественнее всего, что есть на свете, – могущественнее даже и самой человеческой истории. Лёгкость, с каковой, опираясь на разум, удалось развенчать прошлое и вконец расправиться с ним, возбуждала мысль о том, что так же легко можно будет, пользуясь разумными идеями – рецептами, спроектировать и построить будущее. Исторические основы того или иного народа, его культурно-национальные особенности считались детскими погремушками, явлениями, не имеющими сколько-нибудь большого значения для будущего. Главным казалось найти правильные идеи – принципы устройства будущей политической организации и составить из них соответствующую схему. Последняя, будучи введённая в действие, немедленно и сама по себе даст положительный результат. Идеи, возникшие на западноевропейской почве, мыслились поэтому вполне пригодными для России. А люди, проникнутые ими, долгое время жившие за границей, представлялись серьёзными реформаторами».[58]

Стоит заметить, что всё сказанное точно также относится к идеям, выросшим на коммунистической, патриотической или великодержавно-националистической почве и к людям, эти идеи исповедующим. Дело не в идеях, а в принципиальной невозможности перестроить или построить на пустом месте общество по умозрительной схеме.

Ещё одна причина колебаний, нерешительности и конечного отказа от реформ Александра I – чересчур грандиозная, непомерная по масштабам, работа вырисовывалась по мере проработки проектов и это при темноте народа, сопротивлении дворянства и чиновничества.

[58] Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М.Сперанского. М. 1991. С. 109—110.

7.4.3. Реформы 1860—1870-х годов

В совершенно другой ситуации находился и совершенно другие цели ставил перед собой Александр II. Александр I правил в период экономического подъёма в России, её политического величия и ставил целью совершенствование всего общественного строя страны на конституционных основаниях. Александр II получил в наследство государство униженное, расшатанное поражением в Крымской войне, когда старые самодержавные методы управления потерпели крах. Перемены требовались для укрепления самой самодержавной власти. Отмены крепостного права и усилий по созданию железнодорожной сети и тяжёлой промышленности было недостаточно. Ликвидация вотчинной власти помещиков требовала реформы местного управления, необходимость повышения производительности труда в сельском хозяйстве порождала надобность в развитии начального образования, медицинской помощи крестьянам, распространении агрономических и ветеринарных знаний, строительства дорог в сельской местности и т.д., получение крестьянами личных прав, развитие экономических отношений, необходимость обуздания произвола чиновников требовали кардинальной реформы суда, эти реформы и потребности промышленности, создавая спрос на квалифицированных юристов, врачей, инженеров, привели к университетской реформе и расширению среднего и высшего образования, для преодоления сопротивления наиболее реакционной части дворянства и бюрократии приходилось использовать гласность и временно смягчать цензуру. И, наконец, воссоздание военной мощи России было невозможно без военной реформы.

«Русское судопроизводство начинается во мраке, тянется в безмолвии, украдкой, часто без ведома одной из участвующих сторон и оканчивается громадою бестолковых бумаг. Нет адвоката, чтобы говорил за дело, нет присяжных, чтобы утвердить событие и, в особенности, нет гласности, чтобы просветить, удержать и направить облечённых судебной властью», – так описывал дореформенный суд декабрист М. Лунин.[59]

Судебная реформа была наиболее радикальной. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. решительно порвали с дореформенным судоустройством и судопроизводством. Новый суд строился на бессословных началах, были провозглашены несменяемость судей, независимость суда от администрации, гласность, устность и состязательность судопроизводства.

Система судопроизводства была резко упрощена, сокращено число судебных инстанций, взамен громоздкой машины сословного суда пришел мировой суд с одним судьей; второй инстанцией для апелляции по всем делам, рассмотренным в мировых судах, стал съезд мировых судей. Затем шли окружные суды и судебные палаты. Для всех судов империи создавалась единая апелляционная инстанция – уголовно-кассационный и гражданско-кассационный департаменты Сената.

Мировой суд создавался в уездах и городах. Территория, подсудная мировому суду, составляла мировой участок – это могли быть несколько волостей. Несколько мировых участков в одном или нескольких уездах составляли мировой округ. Мировые судьи были участковые и почётные. Все они избирались на уездных земских собраниях и утверждались первым департаментом Сената. Судья должен был быть не моложе 25 лет, обладать имуществом не менее чем в 400 десятин земли (кое-где от 950 до 1300 десятин) или недвижимостью на сумму не ниже 15 тысяч рублей, в городах обладать собственностью, оценённой для взимания налогов: в столицах 6000 рублей, в других городах – 3000 рублей. Почётные мировые судьи имели те же права, что и участковые, но судили по просьбе подсудимого или в отсутствие участкового, но не получали жалованья.

[59] Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России… С. 214.

Мировому суду были подсудны уголовные преступления, за совершение которых полагалось наказание в виде выговора, замечания или внушения, денежного штрафа не свыше 300 рублей, ареста не свыше 3 месяцев или тюремного заключения не более одного года. По гражданским делам рассматривались иски не свыше 500 рублей. В мировых судах дела не облагались судебной пошлиной. Таким образом, мировой суд, ближе всего касавшийся интересов простых людей, стал предельно простым, скорым при решении дел и дешёвым.

Окружной суд назначался императором по представлению министра юстиции и состоял из нескольких отделений. При окружном суде по уголовным делам предусматривался институт присяжных заседателей.

Второй инстанцией для окружных судов была судебная палата, имевшая департаменты. Судебная палата была апелляционной инстанцией для гражданских и уголовных дел, рассмотренных окружным судом без присяжных. Судебная палата была первой инстанцией по государственным преступлениям, должностные преступления рассматривались ею с участием коронного суда и сословных представителей.

Сенат стал верховным кассационным судом по делам с нарушением правил судопроизводства или неправильного применени законов, но не принимал жалобы по существу дела.

Была реорганизована прокуратура, её включили в судебное ведомство, во главе её стоял генерал-прокурор, он же министр юстиции. При всех судах, кроме мировых, были прокуроры, которые следили за точным соблюдением законов, выявляли их нарушения и нарушителей.

Полностью была изменена система предварительного следствия, которая была изъята из ведения полиции. Предварительное следствие теперь велось судебными следователями, которые подчинялись прокурорам и председателям судов. Председатели судов, прокуроры и судебные следователи должны были обязательно иметь высшее юридическое образование или солидную юридическую практику. Судьи и судебные следователи были несменяемы, имели высокие оклады (выше были только в Англии).

Был учреждён совершенно новый для России институт адвокатуры. Большое значение имело принятие подробного устава гражданского судопроизводства из 1460 статей, который отражал потребности рыночного развития. Имущественные споры рассматривались только в двух инстанциях вместо множества раньше.

Введение судебных уставов в действие было растянуто на 35 лет. В 1866 г. были созданы первые судебные округа с центрами в Москве и Петербурге. В этих судебных округах были созданы окружные и мировые суды, прокуратура и адвокатура. Судебные палаты имели в своём округе по несколько губерний. Потом судебные палаты создавались в других местах в течение почти 20 лет. В ходе осуществления судебной реформы в неё вносились изменения реакционного характера. Так, когда в 1896 г. судебные уставы были введены в Архангельской губернии и в Сибири, то мировые судьи уже не избирались, а назначались министром юстиции, съезды мировых судей не созывались, не было судебных следователей, их функции выполняли мировые судьи, присяжных заседателей также не было. Ещё на два года позже судебная реформа дошла до Средней Азии и Казахстана на тех же основаниях.[60]

Постепенно, по мере усиления реакции в стране, многие дела, особенно по государственным и политическим преступлениям, изымались из ведения гражданских судов и передавались военным или специально создаваемым.

Постепенность и длительность введения нового судоустройства диктовалось в значительной степени объективными причинами – нехваткой образованных, дипломированных юристов и финансовых средств. В таких условиях проведение судебной реформы сразу на всей территории страны могло быть осуществлено лишь в очень урезанном виде и проку было бы ещё меньше. Только для первых двух судебных округов, открытых в Москве и Петербурге в 1866 г.,

[60] Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России… С. 216—228.

потребовалось назначить около 400 человек, начиная с судебных следователей и до сенаторов кассационных департаментов.[61]

В 1859 г. была начата работа по подготовке реформы местного управления, для чего была создана особая комиссия при Министерстве внутренних дел. Председателем её был Н. Милютин, в её состав входили крупные чиновники министерств внутренних дел, юстиции, государственных имуществ. В отличие от Редакционных комиссий и вообще подготовки отмены крепостного права, разработка новой системы местного управления была доверена только правительственным чиновникам, хотя и прогрессивно настроенным.

Александр II требовал усиления полицейской власти в губернии и особенно в уезде. Эта власть не должна была остаться в руках человека, избранного только дворянами, этот человек должен был назначаться правительством.

3 января 1864 г. был обнародован указ Правительствующему сенату о земском управлении. Председателем уездного земского собрания объявлялся уездный предводитель дворянства, а губернского – губернский предводитель дворянства, «если император не пожелает назначить для председательствования в нем особое лицо». Это была серьёзная уступка сословным притязаниям дворянства. Однако во главе земских управ становились избираемые земскими собраниями лица. Председатель уездной земской управы утверждался губернатором, а губернской – министром внутренних дел.

Земские собрания были выборными. Избиратели делились на три курии: уездные землевладельцы – все обладавшие землей не менее 200 десятин или другим недвижимым имуществом стоимостью не ниже 15 тысяч рублей, или имевшие доход не менее 6 тысяч рублей. Избирателями второй, городской, курии, были лица, обладавшие купеческими свидетельствами, владельцы предприятий и торговых заведений с годовым оборотом не менее 6 тысяч рублей и владельцы недвижимой собственности на сумму от 500 до 3000 рублей (в крупных городах). Третья – крестьянская – курия не имела имущественного ценза, но по ней выборы были многостепенные: от каждого сельского общества избирались представители на волостные сходы, которые избирали выборщиков, а последние уже избирали гласных (депутатов) в уездные земские собрания. В свою очередь уездные земские собрания избирали гласных губернских земских собраний. Уездные и губернские земские собрания и управы (исполнительные органы земств) избирались раз в три года. Управы в составе до 6 человек гласных избирались на земских собраниях. Последние заседали раз в год несколько дней, могли быть и чрезвычайные собрания.

В компетенцию земских учреждений входили: введение земских повинностей и сборов, раскладка общих податных сборов, вопросы народного продовольствия и общественного призрения, страхование зданий от пожаров и других стихийных бедствий, народное образование, медицина, управление земским имуществом и расходование земских денежных сумм.

Введение земских учреждений началось в феврале 1865 г. с 18 губерний. Реформа растянулась до 1911 г., когда земства были введены в Правобережной Украине. Такая медлительность и неравномерность проведения реформы характерны для работы правительственного аппарата: после выстрела Каракозова в 1866 г. в Александра II работа резко замедлилась.

Не успели земства начать работу, как их права стали ограничиваться (13 июня 1867 г. была введена цензура губернаторов на все публикации земств; 21 октября 1867 г. было ограничено право облагать сборами торговые и промышленные заведения; ещё раньше губернаторы фактически получили право отбора служащих в земские учреждения – земских врачей, учителей, ветеринаров, агрономов, статистиков).

Крупные регионы были лишены земств – в Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерниях, в Сибири, где не было помещичьего землевладения, в Литве и Белоруссии –

[61] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 322.

из-за преобладания польской шляхты, в Эстонии и Латвии немецкие бароны имели свои представительные учреждения.[62]

Но несмотря на все ограничения и трудности, земства сыграли большую роль в развитии медицинского обслуживания, особенно в деревне, в повышении грамотности, агрикультуры, ветеринарии и санитарного дела. Всемирное признание получила земская статистика, методы которой легли в основу современной социологии. Земства питали либеральное движение в стране, создали целый слой интеллигенции, работавшей в земских учреждениях.

В 1870 г. после длительной подготовки было введено новое Положение о городском самоуправлении. Выборы в городскую думу проводились по куриям. Хотя была провозглашена самостоятельность городского самоуправления, но она ограничивалась недостатком средств и строгой регламентацией источников и размеров городского обложения. К тому же городские думы несли ряд казённых повинностей на свои средства: содержание городской полиции (которая подчинялась министерству внутренних дел и губернатору), частичное содержание гражданского управления, т.е. чиновников, назначаемых государством. Вообще городское самоуправление носило ещё более ограниченный характер, чем земское.

В 1863 г. была проведена университетская реформа. По новому университетскому уставу была восстановлена автономия университетов, впервые введённая в 1804 г. и фактически отменённая в 1835 г. Довольно широкие полномочия получали совет университета и советы факультетов, ректор и деканы избирались. В то же время был резко ограничен доступ в университеты вольнослушателей, а студенты были лишены возможности создавать свои легальные корпорации. В конце 1870-х гг. права университетов были сильно урезаны, особенно введением особой инспекции, помимо ректора и совета, для наблюдения за студентами.

Была проведена в 1860-е гг. реформа среднего образования. Гимназии были разделены на классические, готовившие к поступлению в университеты, и реальные – в высшие технические школы. Но в 1870-е гг. министром просвещения Д. Толстым в отношении гимназий проводилась реакционная политика – увеличились часы на древние языки, ещё более ограничен доступ в них детей из низших сословий и т. д.[63]

Большое значение в подготовке и проведении всех реформ играли гласность, некоторая свобода печати, возможность обсуждать в прессе наиболее злободневные проблемы. Само правительство использовало гласность и печать для давления на реакционную часть дворянства и чиновничества, но оно же и опасалось свободы печати и поэтому так сильны были колебания правительства и самого Александра II в отношении цензуры и облегчения или ограничения свободы печати. Большой прогресс в общественной мысли в 1855—1861 гг. сопровождался развитием и упрочением свободы печати. Но пожары и другие события 1862 г. привели к введению временных правил 1862 г. о предостережениях и приостановках периодических изданий. В 1865 г. были изданы новые временные цензурные правила, которые просуществовали почти 40 лет. От предварительной цензуры были освобождены книги объёмом не менее 10 печатных листов, а переводные – не менее 20 листов. Освобождение от предварительной цензуры периодических изданий и открытие новых органов печати было отдано на усмотрение министра внутренних дел. Помимо судебных наказаний органов печати были сохранены меры административного воздействия. Из всех реформ 1860-х гг. цензурная реформа была наиболее умеренная и ограниченная,[64] а передовые органы печати постепенно были буквально задушены цензурой, а самые радикальные запрещены.

Крымская война разрушила миф о непобедимости русской армии. В июне 1855 г. главнокомандующий гвардейскими и гренадерскими корпусами генерал Ф. Ридигер в записке Алек-

---

[62] Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России… С. 241—243.

[63] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 254—255.

[64] Там же. С. 261—262.

сандру II показывал причины слабости армии: слепое исполнение приказов, превращающие воинов в бездумных марионеток, что в конце концов привело к вырождению армейского офицерства. В другой записке он предлагал отказаться от чрезмерной централизации руководства армией, изменить всю систему обучения войск, переработав все уставы и предусмотрев одиночное обучение солдат, повысить уровень подготовки офицеров и т. д. Большим недостатком было сохранение устаревшей рекрутской системы с пожизненным сроком службы, что вынуждало Россию в мирное время держать многочисленную армию и в то же время не было возможности увеличения её численности в случае войны из-за отсутствия подготовленного резерва. Тогда как прусская армия могла увеличиться в 3,4 раза, австрийская – в 2,2 раза, французская – в 2 раза.

Проведению военной реформы противились старые николаевские кадры – военные министры В. Долгоруков и Н. Сухозанет. Помехой было и отсутствие нормальной транспортной системы (железных дорог, шоссе, парового флота), без которой нельзя было провести быструю мобилизацию подготовленного резерва и приходилось держать вблизи границы постоянную армию. В 1861 г. военным министром стал Д. Милютин, брат одного из главных деятелей освобождения крестьян и военная реформа сдвинулась с мёртвой точки.

К 1867 г. Д. Милютину удалось сократить численность армии с 1132 тысяч в 1864 г. до 742 тысяч. Запас обученных кадров к 1870 г. достиг 553 тысяч человек. Была проведена децентрализация управления армией, произошло сокращение штатов Военного министерства. В начале 1870-х гг. началась борьба за реорганизацию принципов комплектования армии. По новому Уставу о воинской повинности 1874 г. все лица мужского пола с 21 года до 40 лет состояли в одном из 4 разрядов (регулярная армия и флот, иррегулярные войска, запасные войска и ополчение). Зачисление на действительную службу или сразу в ополчение решалось жребием. Единственный сын или внук освобождался от жеребьёвки, студенты получали отсрочку, а после окончания вуза шли служить на сокращённый срок вольноопределяющимися с правом сдачи экзамена на офицерский чин. Срок службы устанавливался в 10 лет, из них 7 лет действительной службы и 3 года в запасе, для лиц с высшим образованием срок действительной службы равнялся 9 месяцам, со средним – полтора года.[65]

[65] Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России… С. 243—252.

7.4.4. В чём заключалась непоследовательность и незавершённость реформ Александра II

Наиболее серьёзные упреки в адрес Александра II со стороны либеральной, демократической и революционной общественности и близких к ним историков были и есть упрёки в непоследовательности, незаконченности реформ, так как здание не было закончено; освобождение крестьян, земская, городская, судебная, университетская, цензурная и военная реформы не были увенчаны конституцией России или хотя бы созданием всероссийского земства, предложения о созыве которого появились с самого начала.

Но противоречивость, непоследовательность Александра II заключаются не в том, что он не даровал даже самой куцей конституции, он и не должен был, не собирался и не обещал ничего подобного. Противоречивость и непоследовательность самодержавного монарха заключается как раз в том, что он всё-таки дал земство, суд, университетский устав, допускал гласность и т. д. Ибо цель и смысл его преобразовательной деятельности (осознаваемые или нет) – укрепление устоев самодержавия с помощью казённой тяжёлой промышленности, модернизации армии и прочего. Но для того, чтобы было на что и кому строить железные дороги, заводы и работать на них Александр II и его правительство были вынуждены пойти на ликвидацию крепостничества и неизбежно сопровождающие эту акцию реформы. Но этому сопротивлялись, особенно в начале, косные массы дворянства и чиновничества (которые вполне справедливо полагали, что ничего хорошего им это не принесёт) и чтобы провести преобразования приходилось прибегать к мерам, выходящим за рамки самодержавной бюрократической монархии. Это создание внесистемных учреждений для подготовки реформ (губернские комитеты, Редакционные комиссии), привлечение и выдвижение талантливых, энергичных чиновников и специалистов. Но после провозглашения реформ эти учреждения ликвидировались, а люди – удалялись. Наиболее яркий пример – Н. Милютин, которого царь назначил временно исполняющим должность товарища (заместителя) министра внутренних дел (с трудом, после двух отказов), продержал два года во временном состоянии и немедленно отправил в отставку после подготовки всех необходимых документов. На смену более или менее прогрессивным бюрократам при Александре II в ходе реформ всегда приходили более консервативные, а то и просто реакционные. Так министра внутренних дел Ланского, под чьим руководством шла подготовка освобождения крестьян, сменил Валуев, Ростовцева после его смерти – министр юстиции ярый реакционер Панин и т. д. Самодержавие и радо было бы обойтись без всех этих отклонений от установленного порядка и без таких людей, как Н. Милютин, но вынуждено было обращаться к ним в кризисные моменты и избавлялось от них как только хотя бы казалось, что опасность миновала.

Доказательств самодержавности Александра II, преданности его идеям великодержавного мощного военного государства сколько угодно. Ещё будучи наследником он зарекомендовал себя сторонником самой реакционной политики. Он был одним из инициатором создания Бутурлинского цензурного комитета, задачей которого было следить за самими цензорами, полностью поддержал отца в усилении реакции в стране после революций 1848—1849-го гг. в Европе. Таким он остался и на престоле.

7.4.5. Самодержавность русских царей XIX в.

Следует сказать, что все российские монархи XIX в. от Александра I до Николая II были самодержцами по своей сути, защитниками самих основ самодержавной власти. Даже Александр I, несмотря на его либеральные мечты в юности и конституционные проекты на престоле, в обычной жизни и государственной деятельности вёл себя как самодержец и не терпел покушений на свою власть со стороны кого бы то ни было. Сперанского его противникам удалось свалить, внушив Александру I мысль, что его любимец мнит себя выше императора. Де Санглен, личный агент Александра I, вспоминал, что слышал в начале 1812 г., как император возмущался вполне разумным советом Сперанского не участвовать лично в предстоявшей войне с Наполеоном: «Что же я такой? – Нуль! Из этого я вижу, что он подкапывался под самодержавие, которое я обязан вполне передать наследникам моим».[66] 17 марта 1812 г. без объяснения причин Сперанский был отправлен в ссылку и официальных обвинений ему так и не было предъявлено.

Ещё большим самодержцем был Николай I, которому даже нравилось, что его боялись и он откровенно благоволил к тем, кто не только его боялся, но и не скрывал этого, отличая их внеочередными чинами и наградами. Он не терпел даже кажущегося «разномыслия» и при его неосторожном проявлении со стороны своих собеседников приходил в состоянии сильнейшего гнева и обычно кричал много, не стесняясь непечатных выражений. Николай I был нетерпим к любой критике своих поступков. Когда один из министров вошёл в Комитет министров со *своими* соображениями по поводу одного из утверждённых царём повелений, то уязвлённый император со скрытой угрозой произнёс: «Чтобы называли меня дураком публично перед Комитетом, или другою коллегиею, этого, конечно, никогда не попущу». С искренним недоумением он спрашивал у председателя Государственного совета И. В. Васильчикова: «Да неужели же, когда я сам признал какую-нибудь вещь полезной и благодетельной, мне непременно надо спрашивать на неё сперва согласия Совета?»[67]

Из последних Романовых только два Александра – Первый и Второй – получили разностороннее образование и имели учителями и наставниками просвещённых и гуманных людей, которые стремились воспитать наследников в соответствующем духе. Наставником Александра II был поэт В. Жуковский, а воспитателем К. Мердер, отличавшийся высокой нравственностью, добротой, твёрдостью характера и вместе с тем гуманностью.

Но с малых лет будущему императору гораздо больше нравилось участвовать в парадах и разводах, чем постигать азы наук и управления государством. Даже Николай I, хотевший видеть наследника «военным в душе», был озабочен тем, «что он любит одни только мелочные подробности военного дела» и оказывает мало усердия в изучении военных наук. Он также внушал сыну идеи незыблемости самодержавия в России. По поводу отречения короля Франции Карла X от престола из-за угрожавшей революции Николай I сказал наследнику: «Глава монархического правительства теряет и позорит себя, уступив и на один шаг восстанию! Его обязанность поддерживать силою права свои и предшественников. Его долг пасть, если суждено, но… на ступенях трона».[68]

Александр II в полной мере воспринял идеи и наставления отца, поклявшись у его гроба хранить верность его заветам. Об истинных мотивах и побуждениях Александра II говорят его письма брату Константину Николаевичу. Многочисленные государственные заботы у Александра II были подчинены одной всепоглощающей цели – восстановить престиж и величие

---

[66] Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. С. 194.

[67] Рахматуллин М. А. Император Николай I глазами современников //Отечественная история. 2004, №6. С. 84—85.

[68] Российские самодержцы. С. 166—168.

«дорогой нашей России» после поражения в Крымской войне. Это величие он понимал как дальнейшее расширение империи, укрепление её военного могущества, восстановление позиций России на международной арене. Александр II выражал глубокое удовлетворение успехами России на Дальнем Востоке – приобретениями на Амуре. С неподдельной радостью сообщал брату о победах на Кавказе, о пленении Шамиля летом 1859 г. В 1861 г. Александр II сохранял в распоряжении наместника Кавказа князя А. Барятинского все военные силы и средства при самом критическом положении финансов и крайней тяжести расходов на Кавказскую войну, составлявших шестую часть бюджета страны. Александр II был готов к активным действиям в Малой Азии в случае войны или падения турецкого господства в Европе. Именно при Александре II шло активное завоевание Казахстана и Средней Азии, при полном его одобрении.

В то же время в сообщениях брату о внутренних делах, финансах, крестьянском вопросе видна сдержанность, краткая информативность, нет личного, эмоционального отношения к происходящему, как это было в отношении военных и внешнеполитических событий. Александр II явно отдавал предпочтение имперским интересам, а не улучшению быта бывших крепостных крестьян.[69]

В письмах на Кавказ князю А. И. Барятинскому Александр II, помимо кавказских дел, писал о других событиях своей частной и политической жизни. О подготовке освобождения крестьян он только упоминал, хвалил реакционера министра юстиции Панина, сменившего умершего Ростовцева во главе Редакционных комиссий и при котором содержание подготовленных документов менялось не в пользу крестьян. О подписании Манифеста и его обнародовании Александр II просто сообщает, не выражая никакой радости или гордости за свершение великого дела освобождения от рабства миллионов подданных и отмечает только с удовлетворением, что «несмотря на панические страхи, всё прошло спокойно и в совершенном порядке». Гораздо больше его беспокоят волнения в Варшаве. А в апреле 1861 г. император пишет князю: «Внутренние новости, касающиеся вопроса освобождения крестьян, довольно неплохие. Правда, то там, то здесь происходят беспорядки, которые приходится сурово подавлять». [70]

Об истинном характере мировоззрения Александра II говорит его отношение к попыткам общественности всерьёз обсуждать назревшие государственные и общественные проблемы, к предложениям, направленным действительно на построение в России правового общественного устройства, на ограничение всесилия государства, установление реального экономического, социального и политического равноправия всех жителей России. Эти попытки решительно пресекались.

Показательна тверская история 1862 г. Тверское дворянство неоднократно проявляло прогрессивные настроения в ходе подготовки крестьянской реформы, что выразилось в деятельности Тверского губернского комитета по крестьянскому делу, с самого начала высказавшегося за предоставление крестьянам земли за выкуп, протестовавшего против запрета обсуждения крестьянского вопроса во время работы Редакционных комиссий. А когда правительство предложило обсудить дворянам вопрос об организации земельного кредита для помещиков, то тверское дворянство приняло постановление, в котором нашло этот вопрос надуманным, являвшимся следствием недостатков крестьянской реформы. Для установления правильного частного кредита тверское дворянское собрание признало необходимым следующие реформы: преобразование финансовой системы управления так, чтобы она зависела от народа, а не от произвола; учреждение независимого и гласного суда; введение полной гласности во все отрасли управления, без чего не может быть никакого доверия к правительству, а следовательно, и к прочности существующего государственного порядка; уничтожение анта-

[69] Там же. С. 186—187.

[70] Письма императора Александра II к князю А. И. Барятинскому (1857—1864 гг.) // Вопросы истории. 2007, №2. С. 132, 135, 137—138.

гонизма между сословиями. После проведения этих реформ вопрос о кредите, по мысли тверского дворянства, мог бы разрешиться сам собою, без вмешательства государства и без помощи государственного казначейства. Затем в постановлении тверского дворянства было сказано, что дворянство, для преодоления межсословных противоречий, готово отказаться от своих привилегий и готово идти на обязательное предоставление крестьянам земли в собственность за выкуп.

Особенно знаменательным был заключительный пункт этого постановления: «Осуществление этих реформ *невозможно путём правительственных мер*, которыми до сих пор двигалась общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, *дворянство глубоко проникнуто тем убеждением, что правительство не в состоянии их совершить. Свободные учреждения, к которым ведут эти реформы, могут выйти только из самого народа, а иначе будут одною только мёртвою буквою и поставят общество в ещё более натянутое положение. Посему дворянство не обращается к правительству с просьбой о совершении этих реформ, но, признавая его несостоятельность* в этом деле, ограничивается указанием того пути, на который оно должно вступить для спасения себя и общества. *Этот путь есть собрание выборных от всего народа без различия сословий».*

На основании этого постановления был составлен адрес Александру II, в котором было записано: «Дворяне, в силу сословных преимуществ, избавлялись до сих пор от исполнения важнейших общественных повинностей. Государь, мы считаем кровным грехом жить и пользоваться благами общественного порядка на счёт других сословий. Неправеден тот порядок вещей, при котором бедный платит рубль, а богатый не платит и копейки». И далее выражалась готовность дворянства «принять на себя часть государственных податей и повинностей соответственно состоянию каждого».

«Кроме имущественных привилегий мы пользуемся исключительным правом поставлять людей для управления народа; в настоящее время мы считаем беззаконием исключительность этого права и просим распространить его на все сословия».

Затем, указав на разлад между обществом и правительством, адрес заключал: «Этот всеобщий разлад служит лучшим доказательством, что преобразования, требующиеся ныне крайней необходимостью, не могут быть совершены бюрократическим порядком. *Мы сами не берёмся говорить за весь народ, несмотря на то что стоим к нему ближе,* и твёрдо уверены, что недостаточно одной благонамеренности не только для удовлетворения, но и для указания народных потребностей; мы уверены, что все преобразования остаются безуспешными потому, что принимаются без спроса и без ведома народа».

Министр внутренних дел Валуев не решился возбудить даже вопроса о правильности постановления тверского дворянского собрания, тем более что оно формально не выходило за рамки дворянских прав и преимуществ, по которым дворянству разрешалось заявлять о своих нуждах. Но Валуев воспользовался тем, что наиболее активные инициаторы постановления и адреса были мировыми посредниками, к тому же на своём частном губернском съезде (официально губернские съезды мировых посредников не разрешались) тверские мировые посредники решили руководствоваться в своей деятельности не правительственными распоряжениями, а взглядами общества. В этом было усмотрено нарушение порядка и долга службы и 13 мировых посредников были арестованы, отвезены в Петербург и посажены в Петропавловскую крепость. Там они просидели 5 месяцев и были приговорены Сенатом к заключению на два года в смирительном доме с лишением некоторых прав и преимуществ. Наказание это они не отбывали, кроме предварительного заключения. Таким образом, выступление за равенство дворян с другими сословиями и за несение наравне с другими государственных обязанностей было расценено как признак умопомешательства.[71]

[71] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 241—243.

Ещё более беспощадно расправлялось правительство Александра II с представителями общественного и революционного движения за одни только мысли. В 1862 г. Н. Чернышевский был арестован и приговорен к 14 годам каторги по недоказанному обвинению в составлении прокламации «К барским крестьянам». Был сослан на каторгу Н. Серно-Соловьевич. Писарев приговорен к 2,5 годам заключения в крепости (отсидел фактически 4,5 года, так как срок предварительного заключения не был засчитан). При этом Писарев не был революционером, а возглавлял так называемое «нигилистическое» движение. Представители этого движения главной задачей считали освобождение личности от семейных, общественных, бытовых и религиозных пут, «борьбу за индивидуальность». Одним из главных способов, ведущих к этой цели, Писарев полагал распространение естествознания, популяризацию достижений естественных наук. По его представлениям освобождение личности должно быть само по себе панацеей против всех неустройств жизни и, хотя он уделял политическим вопросам мало внимания, правительство сочло его едва ли не более опасным, чем социалистическую направленность журнала «Современник». Во всяком случае, Писарев был подвергнут репрессиям, а журнал «Русское слово», где он печатался, в 1862 г. вместе с «Современником» закрыт на 8 месяцев, а в 1866 г. оба журнала запрещены навсегда.

Практика наказания за содержание мыслей, чтение и хранение (даже случайное) запрещённой литературы была широко распространена в 1860—1870 гг. при «либеральном» Александре II, по мнению некоторых историков чуть ли не строившем правовое государство. В 1870-е гг. многие участники «хождения в народ», движения достаточно мирного, пропагандистского были приговорены к смертной казни и казнены.

Репрессивную политику не только в отношении революционеров, но и либералов продолжил Александр III. Московский городской голова профессор Б. Чичерин при посещении Александром III Москвы в своей речи сказал: «Одно правительство, очевидно, не в состоянии справиться… Нужно содействие общества. Возможность этого содействия существует; начало ему положено в великих преобразованиях прошедшего царствования. По всей русской земле созданы самостоятельные центры жизни и деятельности. Эти учреждения нам дороги; мы видим в них будущность России… Старая Россия была крепостная, и все материалы здания были страдательными орудиями в руках мастера; нынешняя Россия свободная, а от свободных людей требуется собственная инициатива и самодеятельность. Без общественной самодеятельности все преобразования прошедшего царствования не имеют смысла. Мы по собственному почину должны сомкнуть свои ряды против врагов общественного порядка».

За такие слова министр внутренних дел запретил печатать речь Чичерина за требование якобы конституции, а Александр III убрал его с должности городского головы. В мемуарах Чичерин написал: «Великие преобразования Александра Второго были рассчитаны на то, чтобы дать русскому народу возможность стоять на своих ногах; но и он, и ещё более его преемник делали всё, что могли, чтобы унизить это освобождённое общество и не дать созреть посеянным плодам. Ныне Россия управляется отребьем русского народа, теми, которых раболепство всё превозмогло и в которых окончательно заглохло даже то, что в них было порядочного смолоду».[72]

[72] Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 154—155.

7.4.6. Государственный аппарат России в XIX в.

Чичерин ошибался, думая, что реформы Александра II были направлены на освобождение общества, на то, чтобы оно встало на свои ноги. Укрепление мощи самодержавного государства через модернизацию промышленности, транспорта, структур управления было главной задачей Александра II, как и Александра III и Николая II.

Другой важной задачей, которая стояла перед российскими самодержцами в XIX в., было сохранение и укрепление контроля над неудержимо разраставшимся бюрократическим аппаратом. Рост населения, расширение территории государства, экономическое развитие в сочетании с традиционным и неизбежным стремлением самодержавной власти охватить всё, контролировать всё и управлять всем вели к усложнению задач, стоявших перед властью и, следовательно, к непрерывному росту бюрократического аппарата. Закономерно, что неизменность подушной подати в послепетровском XVIII в. сочеталась с довольно медленным ростом числа чиновников. Но с конца XVIII в. численность бюрократического аппарата начинает бурно расти. За 60 лет, с 1796 по 1857-й г., количество чиновников возросло в 6 раз с 15—16 тыс. до 90 тыс. человек. А так как численность населения за этот период выросла примерно в 2 раза (в 1796 г. – 36 млн человек, в 1851 г. – 69 млн), то государственный аппарат в первой половине XIX в. рос таким образом примерно в 3 раза быстрее, чем население.

Сводных данных об общей численности чиновников во второй половине XIX в. нет. По имеющимся сведениям о чинах первых 4-х классов, число чиновников этих рангов с 1857 по 1903-й гг. увеличилось в 4,26 раза. Судя по всему, темпы роста численности чиновников во второй половине века ускорились: значительно вырос Департамент железнодорожных дел, возникли новые учреждения на местах – губернские акцизные управления с большим штатом, расширились штаты казённых палат за счёт податных инспекторов, колоссально вырос аппарат Государственного банка за счёт контор в губернских городах, разросся аппарат Министерства внутренних дел, в конце 1880-х гг. появился институт земских начальников, которых насчитывалось около 2 тысяч человек и т. д.[73]

В целом, в 1796 г. по V ревизии при населении 36 млн человек число чиновников составляло 15—16 тысяч, т.е. один чиновник приходился на 2250 жителей. В 1851 г. по IX ревизии насчитывалось 69 млн жителей, а чиновников – 74330, т.е. один чиновник приходился на 929 человек. На 1903 г. чиновников было примерно 385 тысяч, а население по переписи 1897 г. – 129 млн человек, следовательно, один чиновник приходился на 335 человек. Таким образом, число чиновников в XIX в. с учётом роста населения увеличилось почти в 7 раз.[74]

Рост бюрократии означал разрастание в России широкого слоя людей, для которых основным средством существования и повышения материального благосостояния была должность в государственном управлении, а источником обогащения государственная казна. Желание получить побольше, а работать поменьше, порядок, при котором больший кусок пирога получал не тот, кто больше и лучше работал, а тот, кто был ближе к общественной казне приводят к тому, что на государственную казну начинают смотреть как на частную собственность. Отсюда вытекает склонность чиновников рассматривать всякое посягательство на его личное положение как посягательство на устои политической и государственной системы.[75]

Характерно, что в XIX в. не было единых окладов для министров и других высших чиновников – их жалованье зависело от близости к государю или его фаворитам, родовитости. Так один из самых знаменитых своим воровством, произволом, обложивший всех чиновни-

---

[73] Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 69—71.

[74] Там же. С. 221.

[75] Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. С. 164.

ков, откупщиков и купцов данью пензенский губернатор Панчулидзев получал один из самых высоких среди губернаторов окладов.[76]

О размахе воровства и злоупотреблений чиновников в XIX в. имеется масса сведений. Например, когда в начале века отменили откупную систему на вино, приносившую большой вред народу и разлагавшую чиновничество подачками, и заменили казённой монополией на продажу спиртного, то доходы казны от неё вскоре упали из-за воровства чиновников. Пришлось возвращаться к откупам и только в 1880-е гг. в какой-то мере решили проблему получения доходов от водки, введя свободную торговлю ею, но с обложением акцизным сбором.

Воровство продолжалось при Николае I. Когда Николаю I сообщили, что из губернаторов не берут взяток даже с откупщиков только двое: киевский губернатор И. Фундуклей и ковенский А. Радищев, то он заметил: «Что не берёт взяток Фундуклей – это понятно, потому что он очень богат, ну а если не берёт их Радищев, значит, он чересчур уж честен».[77] Вскоре Радищев (сын революционера) потерял свою должность.

Накануне Крымской войны, в начале 1850-х гг., открылось, что директор канцелярии Комитета о раненых, камергер двора и тайный советник А. Политковский украл 1 004 901 рубль, занимался он воровством почти 20 лет и за это время ни разу не подвергался ревизиям, жил на широкую ногу, на его кутежах присутствовал «весь Петербург», в том числе управляющий III отделением и шеф жандармов Л. Дубельт.

Обычным делом было воровство и казнокрадство в армии. Результаты были ужасающими. Николай I очень заботился об армии, в отчёте военного министра к 25-летию его царствования утверждалось, что содержание офицеров и довольствие нижних чинов выросло в 9 раз. В том же отчёте приводятся данные о смерти солдат от болезней. За 25 лет от них умерло 1 062 839 солдат, а во всех войнах николаевского царствования было убито 30 233 человека. В Действующей армии (войска на западной границе) болело 75% состава.[78]

Возникает вопрос: куда смотрели полиция, суд, жандармы? По воспоминаниям одного из чиновников Сената в этом высшем судебном учреждении государства процветало мздоимство, особенно на уровне обер-секретарей департаментов, многие из которых имели каменные дома. В министерстве юстиции существовала касса, куда поступали все взятки, получаемые чиновниками министерства и потом деньги делились между служащими, смотря по чину и занимаемой должности. Более того, наибольшие злоупотребления наблюдались в двух ведомствах: Министерствах внутренних дел и юстиции. Так, из 2540 чиновников, находившихся в 1853 г. под судом, 1198 принадлежали к первому, а 741 – ко второму.[79]

В имениях и на заводах князей Голицыных в Пермской губернии вёлся строгий учёт всех «презентов» чиновникам, все сведения сводились потом в годовую ведомость для представления хозяевам. Всего сохранилось 13 тетрадей, первая их которых относится к 1804 г., а последняя – к 1853 г. Из документов видно, что взятки давались всем чиновника – от простого копииста до генерал-губернатора. Только по 13 ведомостям чиновникам было выдано деньгами и натурой на сумму 367 986 рублей. «Пособия» кн. Голицына пермским чиновникам были солидными, а у некоторых классных чиновников превышали их должностной оклад в 2—4 и даже в 6 раз.[80]

Верховная власть не могла, да не очень-то хотела противодействовать всеобщему произволу и грабежу чиновников. Взятками не брезговали члены царской семьи, брат Александра II Николай обращался к шефу жандармов (!) Шувалову с просьбой, чтобы его протеже доста-

---

[76] Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 158—159.

[77] Там же. С. 156.

[78] Там же. С. 114.

[79] Там же. С. 137, 177.

[80] Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002, №5. С. 36—45.

лась концессия на железную дорогу, за что великому князю было обещано 200 000 рублей. Просьба была выполнена, деньги великий князь получил. Сам Александр II, если не брал сам, то помогал другим. Д. Милютин в своем дневнике в 1874 г. рассказывал о прямом распоряжении императора министру путей сообщения сделать крупный заказ на подвижной состав заводам Мальцева, «с тем чтобы последний обязывался подпиской выдавать ежегодно по столько-то тысяч рублей своей жене, приятельнице императрицы, неразлучной с нею и не живущей с мужем». Перед этим Д. Милютин пишет: «Остаётся только дивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может до такой степени быть чуждым самым элементарным началам честности и бескорыстия. В то время как, с одной стороны, заботятся об установлении строжайшего контроля за каждой копейкой, когда с негодованием указывают на какого-нибудь бедного чиновника, обвиняемого или подозреваемого в обращении в свою пользу нескольких сотен или десятков казённых или чужих рублей, с другой стороны, с ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздаются концессии на железные дороги фаворитам и фаворитка м прямо для поправления их финансового положения, для того именно, чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям».[81]

Отличительными чертами российской системы управления были раздробленность, разобщённость отраслей управления, отсутствие непосредственной связи между ведомствами, чёткого распределения между ними административных функций. Это порождало настоящую анархию и делало власть императора единственным фактором, приводящим к согласованию различные части управления, единственной силой, которая связывала управленческие институты в систему. Благодаря такой организации управления император имел возможность вмешиваться буквально во всё и на этом основывается точка зрения, что личная воля императора являлась самой влиятельной силой в русском обществе, что уже одно упорядочивание системы управления, ликвидация в ней анархии, чёткое распределение функций между ведомствами автоматически влекло за собой ограничение самодержавия. [82]

В какой-то степени это верно, но так ли уж самовластен и неограничен в своей воле был российский самодержец? Убийство отца его приближёнными было постоянным напоминанием Александру I об ограниченности на самом деле его власти интересами и желаниями высших сановников.

Неслучайно, наиболее крупные преобразования Александра I были реорганизациями системы государственного управления, направленными на усиление законности в его деятельности и подконтрольности, эффективности и исполнительности. Ибо, подчеркнём ещё раз, в осуществлении административных функций чиновники очень часто исходят из собственных интересов, которые не во всём совпадают с интересами центральной власти. И наиболее явным показателем ограниченности власти самодержца и наличия корпоративных интересов чиновничества были ложь в донесениях и практика неисполнения указов и предписаний императоров. Хрестоматийным является пример, приведённый в одной из работа Н. Я. Эйдельманом, когда распоряжение Николая I не было выполнено несмотря на 23 подтверждения.

«Человек, которому подвластно всё – это ложь, прикрытая короной»,[83] – так писал маркиз де Кюстин под впечатлениями своего путешествия в Россию в 1839 г. При обширных просторах государства наилучшей формой правления является самодержавная монархия – это или циничная ложь, или далеко не невинное заблуждение. Стремление контролировать и управлять всем и вся, вплоть до самых отдалённых окраин, из одного центра может быть реализовано только через посылку в провинцию полновластных представителей центра. Николай I это понимал так, что каждый губернатор должен быть хозяином в губернии, а он, импера-

[81] Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 183—184.

[82] Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. С. 143.

[83] де Кюстин А. Резюме путешествия // Вопросы философии. 1994, №2. С. 88.

тор, хозяином в империи.[84] Но так как столичная власть не имеет возможности контролировать деятельность своих полномочных представителей на местах, то это неизбежно приводит к страшным злоупотреблениям и произволу, к превращению наместников в провинциальных деспотов, неподконтрольных ни обществу, ни центральной власти.

Наглядной иллюстрацией этому было управление Сибирью и та картина беспредела чиновников, с которой столкнулся Сперанский, назначенный в 1819 г. сибирским генерал-губернатором. Его предшественником был И. Пестель, который из 13 лет генерал-губернаторства 11 провёл в Петербурге. Сперанский к тому времени успел побыть губернатором в Пензе, познакомиться с нравами провинции. Тем не менее уже из Тобольска он писал своему знакомому: «Чем далее спускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нетерпимого… Слухи ничего не увеличивали, и дела хуже ещё слухов. Есть способы к исправлению, но они предполагают совсем другой образ управления, совсем другой и полный набор чиновников». В Томске было ещё хуже, в губернской администрации Сперанский не нашёл ни одного чиновника, не берущего взяток. Ему пришлось дела по взяткам вывести из разряда уголовных и отнести их к гражданским, распорядившись закрывать их, если взяточники возвращали деньги.

Но то, что творилось в Тобольске и Томске было лишь бледной копией картины злоупотреблений, творившихся в Иркутской губернии. Губернатор Трескин был руководителем целой мафиозно-чиновничьей организации, в которой видную роль играли секретарь губернатора Белявский и три уездных исправника. Готовясь к встрече с новым генерал-губернатором, нижнеудинский исправник Лоскутов отобрал у населения своего уезда чернила, бумагу и перья, так как прекрасно понимал неизбежность жалоб на него со стороны обираемых им жителей.

Несмотря на принятые меры, жалобы всё-таки были написаны и переданы Сперанскому на самой границе Иркутской губернии двумя стариками (всё равно скоро умирать). Подача жалоб происходила в присутствии исправника и старики испытывали подлинный ужас. Они встали перед Сперанским на колени, положили жалобы на непокрытые головы и когда он их снял, упали на землю, как бы прощаясь с жизнью. Но больше всего нового генерал-губернатора поразило другое. Узнав о жестоком обращении уездного исправника Лоскутова с населением, он распорядился сейчас же отрешить его от должности и арестовать. И тут старики схватили Сперанского за полу одежды и, испуганно озираясь на исправника, зашептали: «Батюшка, ведь это Лоскутов, что ты это баешь, чтоб тебе за нас худого не было… верно, ты не знаешь Лоскутова». Для запуганных жителей уезда исправник был едва ли не сильнее не только генерал-губернатора, но и самого российского императора.[85] Воистину, до бога высоко, а до царя далеко.

Александр I хотел усилить свой контроль и эффективность деятельности бюрократического аппарата укреплением законности и упорядочиванием функций отдельных его частей, по тому же пути шёл Николай I, проведя кодификацию законов. Но он также проявил стремление к крайней централизации управления и сосредоточиванию наиболее важных и трудных дел в своих собственных руках. Это происходило через создание особых отделений его собственной канцелярии.

Выражением стремления самодержцев к крайней централизации управления были две попытки сосредоточения всех дел, связанных с чиновниками, в одном ведомстве, непосредственно подчиняющемуся монарху. В 1846 г. был создан Инспекторский департамент, который ежегодно представлял доклад о численности чиновников по классам и ведомствам, о произведённых в следующий чин, о находящихся под судом, отдельно составлялась ведомость со сведениями о покупке чиновниками недвижимого имущества. Создание Инспекторского

[84] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 193.

[85] Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. С. 258—259.

департамента усилило централизацию управления, но не искоренило злоупотреблений, породив огромную канцелярскую переписку, что приводило к большим неудобствам и после смерти Николая I департамент прекратил своё существование в 1858 г.

В 1894 г. был образован Комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах и одновременно учреждён Инспекторский отдел в императорской Канцелярии. Комитету о службе гражданских чиновников были отданы все вопросы, касавшиеся определения на службу и должность, увольнения в отставку и перемещений по службе до коллежского асессора включительно и получалось, что теперь ответственность за все назначения нёс лично император.

Уже через 4 месяца обнаружилась несостоятельность вновь созданной системы контроля над чиновниками. Решение всех вопросов, связанных со службой огромной армии чиновников в одном учреждении оказалось нереальным, такая централизация вела к усложнению, если не к дезорганизации работы государственного аппарата, порождала огромную переписку, которая парализовала работу государственных органов сверху донизу. В марте 1895 г. уже новому императору Николаю II была представлена записка о невозможности такой централизации, тем более что число чиновников по сравнению с серединой века значительно выросло и вскоре роль Инспекторского департамента была сведена почти на нет. Обе попытки централизации всех дел, связанных с назначением чиновников гражданского ведомства, потерпели неудачу.[86]

И. Е. Барыкина выделяет два направления в создании проектов усовершенствования системы государственного управления Российской империей второй половины XIX в. – «политическая реформа, предусматривающая контроль за деятельностью бюрократического аппарата со стороны представительных органов, либо усиление административного надзора, все нити которого сходились в руках самодержца». Она пришла к выводу, что «наведение порядка в государственных структурах путём ужесточения контроля со стороны высшего руководства имело лишь временный эффект. Сложный управленческий аппарат неминуемо выходил из под власти такого правителя-автократа, возвращаясь к старым правилам игры. Поэтому российская система управления на протяжении всего XIX, а также XX столетия ходила по кругу, наступая на одни и те же „грабли“ канцелярской волокиты, коррупции и сверхцентрализации».[87]

В начале XXI в. это хождение по кругу продолжается. И проблема, оказывается, не решается даже путём создания представительных органов власти, если они созданы властью исполнительной и полностью ею контролируются.

Управлять государством не зная истинного положения дел в нём, не обладая в полном объёме правдивой информацией, невозможно. А с информацией у российских самодержцев было плохо. Уже говорилось о смертности в армии, а ведь в том же отчёте военного министерства положение дел рисовалось прекрасным, а морской министр утверждал, что большая часть судов Черноморского флота являются пароходами, чего не было в действительности.

В ежегодных отчётах губернаторов содержались или откровенная ложь для приукрашивания положения в губернии, или статистические данные, взятые с потолка. Статистические данные сообщались в губернский статистический комитет полицейскими властями – уездными исправниками, становыми приставами и городничими. Сенатор М. Веселовский в своих записках так рассказывал об обработке этих данных с мест: «Составляющий, например, статью о скотоводстве спрашивает в шутку своего соседа по канцелярии: „Как ты думаешь, сколько в прошлом году было лошадей в Васильском уезде? А в позапрошлом сколько было?“ – „110 000 голов“. – „Ну, ставь 115 000“. – „Да почему же ты спрашиваешь? Разве исправник не доносит?“ – „Доносит, но он показывает 150 000. Нельзя допустить такую разницу.

---

[86] Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 58—65.

[87] Барыкана И. Е. Проекты усовершенствования системы государственного управления Российской империи второй половины 1860-х гг. // Вопросы истории. – 2016. – №5. – С. 14.

Министерство одолеет запросам“. И, по соглашению двух приятелей, показывается по уезду 115 000 лошадей, а исправнику делается вопрос… почему произошла столь значительная разница в числе лошадей по сравнению с предшествующим годом». Не более точными были и другие данные. И тот же Веселовский обобщал: «Таким образом проходит по всем инстанциям, не возбуждая ни в ком неудовольствия. Наоборот, если бы палата (имеется в виду Казённая палата) в виде исключения вздумала сказать правду… то и губернатор и министерство не обрадовались бы такой правдивости и постарались бы поскорее разделаться с неожиданно возникшей неприятной историей. Привычка к лживости находила для себя обширное поприще в деле статистики».

Сановники даже находили оправдания для этой лживой статистики. Чиновник Н. Боголюбов рассказывает, что «виленский генерал-губернатор И. Г. Бибиков поучал его дядю ковенского губернатора А. А. Радищева, отличавшегося правдивостью, необходимости лгать, приводя следующие мотивы: „Вы упустили из виду, что его величество стареет, а потому необходимо оберегать особу государя и не высказывать правды прямо“». [88] Неудивительно, что по настоящему научная статистика, качество которой признано во всем мире, зародилась и развивалась в земствах – органах общественного самоуправления, хоть в какой-то мере независимых от государственной власти.

В целом, политика российских самодержцев в XIX в., проекты преобразований и сами преобразования были направлены на укрепление устоев самодержавия с помощью создания и модернизации тяжёлой и оборонной промышленности на казённой основе, реформ сельского хозяйства и финансов. Другой целью было сохранение и укрепление контроля над бурно разраставшимся бюрократическим аппаратом, повышение эффективности его работы и непрерывная и во многом бесплодная борьба с произволом, воровством, коррупцией этого аппарата. Одни репрессивные меры – ревизии, отдача под суд, снятие с должности – помогали мало в условиях круговой поруки чиновников, родственных и служебных связей, в условиях запутанности законодательной базы и неуважения к закону. Поэтому императорам приходилось укреплять законность (кодификация законов, судебная реформа), использовать гласность, облегчать, особенно в периоды реформ, деятельность печати, прибегать к помощи общества – губернские комитеты по крестьянскому делу, земства и городские думы. Всё это наглядно видно в преобразовании финансовой системы в начале 1860-х гг. С 1862 г. стала публиковаться государственная роспись доходов и расходов, было создано единство кассы, т.е. уничтожены кассы и казначейства отдельных ведомств и все казённые деньги теперь проводились через кассу Министерства финансов в соответствии с государственной росписью и под надзором особого ведомства – Государственного контроля, на местах были образованы особые контрольные палаты, полностью независимые от общей администрации, т.е. от губернаторов и начальников отдельных ведомств. Правда, воровать меньше не стали.

Слабая эффективность, а то и полная бесплодность политики самодержавия определялась тем, что как только непосредственная опасность для него проходила, или только казалось, что она миновала, как только казалось, что трудная проблема решена, то верховная власть ограничивала или даже полностью ликвидировала возможности для общественной самодеятельности, выражения общественного мнения. Это более чем понятно, так как гласность, свободная печать, общественные организации, помогая контролировать бюрократический аппарат и проводить жизненно необходимые для государства реформы, подрывали самим фактом своего существования сущностные основы самодержавной неограниченной власти. Поэтому совершенно логично действовали второй и третий Александры – вынужденные уступки обществу по мере укрепления самодержавной власти брались обратно. Характерно, что все русские цари, включая Николая II, с подозрением относились к российской буржуазии, не доверяли ей

[88] Там же. С. 154—155.

и неохотно пускали в сферу производства вооружений, привлекая частный капитал для строительства железных дорог, во второй половине 1890-х гг. государство начинает усиленно скупать железные дороги. Что уж тут говорить о либеральной печати, земствах и т. д.

Ошибочность в определении смысла намерений и реформ первого и второго Александров, неверное понимание их замыслов и действий порождает теории, подобные концепции «революции сверху» Н. Эйдельмана и обвинения в адрес самодержцев в непоследовательности проведения реформ и создании правового общества, т.е. в том, чего они, в том числе Александр II, делать не собирались.

Отличительными чертами российской истории, создающими условия для «революций сверху» Н. Эйдельман считал следующие. Во-первых, относительная небуржуазность – российская удаль, нелюбовь к мелочности, скопидомству и в то же время – бесхозяйственность, нежелание и неумение рассчитывать. Во-вторых, и отчасти вследствие первого пункта, огромная роль государства, сверхцентрализация, отсутствие кк у народа и высших слоёв каких-либо независимых от власти объединений. Поэтому в России, больше чем в какой-либо другой стране, всё решает активное меньшинство, государство прежде всего и решает революционным путём.

Но относительная небуржуазность и шире – замедленность экономического развития России порождались природно-климатическими условиями и тяжестью государственной машины, обескровливавшей российское общество на протяжении веков. Не прав Н. Эйдельман, утверждая, что сверху виднее, что на самом верху, среди министров и царей естественно появление людей, которым виднее интересы их класса, сословия, государства в целом, которые умеют считать «на два хода вперед», в то время как крепостники и большинство бюрократов – исключительно «на один ход». Верховная власть действует в основном в своих собственных интересах и если появляются расхождения между её интересами и интересами среднего слоя управляющих, то это не означает, что интересы верховной власти совпадают с интересами низших слоёв населения и общества в целом. Если верховная власть иногда опирается на народ, а точнее пугает народом бюрократов, то это не означает, что верхушка государства действует в интересах народа и общества.

Показателем того, что Александр II вовсе не был либералом и стремился не к созданию правового государства, а к укреплению самодержавия новыми методами в новых исторических условиях говорит изменение отношения передового общественного мнения к нему. Общественное мнение переросло правительственные программы преобразований ещё до 19 февраля 1861 г. и уже не было полного и единодушного доверия к царю. Как следствие – рост критики правительства, возникновение и бурное разрастание нелегального революционного движения с начала 1860-х гг.

Наиболее чуткие, радикально настроенные слои общества очень рано почувствовали эгоистическую, прогосударственную направленность реформ (это выразилось, в частности, в отказе Александра II даже обсуждать создание хотя бы видимости представительных учреждений, не говоря уже о конституции, в удалении с постов главных деятелей реформ и замена их всегда более реакционными, в сохранении сословной неполноправности крестьян) и выступили с критикой Александра II и его реформ. И не только с критикой – молодёжь встала на путь борьбы с ним, вплоть до смертного приговора царю-освободителю и его убийства в 1881 г.

Реформы Александра II действительно создавали возможности для движения к правовому государству и гражданскому обществу, но это было объективное, нежелаемое императором, следствие, которое он постарался ликвидировать, как только получил возможность. Его сын, Александр III, шёл по пути ограничения реформ, охранительства, упования на религиозные санкции самодержавной власти по мере ослабления давления на царя со стороны либеральных и революционных сил общества. Александр III не терпел самых робких намёков на необ-

ходимость даже не поделиться властью с обществом, а содействия со стороны общественных сил государству (случай с Чичериным).

Н. Эйдельман высказывался против любых ограничений самодержавной власти в период реформ, так как это, по его мнению, ставит под угрозу успешность преобразований, но в то же время отмечал, что сами реформы, особенно наиболее глубокие – Александра II, начались в период ослабления государства, его кризиса, ставшего явным в результате Крымской войны. И, добавим, реформы стали сходить на нет тогда, когда государство почувствовало себя вновь сильным в 1880-е гг. Из этого следует логичный вывод – чрезмерно мощное государство, выражающее прежде всего корыстные частные и общекорпоративные интересы бюрократического чиновничества, является тормозом для экономического, социального, политического и духовного развития России, а не наоборот, как почему то думал Н. Эйдельман и думают ещё многие.

Сказанное не означает отрицания наличия положительного значения государства для жизни общества. Государство имеет вполне определённые функции и должно существовать и выполнять их, но оно не должно выходить за рамки своих функций, не должно браться не за своё дело и цена, которое платит общество за выполнение государством своих функций не должна быть чрезмерной. Тогда деятельность государства будет результативной и полезной для всего общества. Проблема эффективности работы государственного аппарата, контроля над ним верховной власти, предотвращения работы его на себя, подчинения его деятельности корпоративным интересам бюрократов не решается в рамках самого государственного аппарата. Решение лежит не в плоскости «сильное – слабое государство», оно вообще – вне пределов государства, а в отношении «государство – общество».

Не следует надеяться, что само государство может поступиться частью власти, ограничить себя в своих функциях, претензиях, это может сделать только организованное, хорошо структурированное общество, состоящее из энергичных, свободных внутренне, имеющих чувство собственного достоинства, личностей. Организованное не для борьбы с государством или ещё с кем-то и чем-то, а для жизни – чтобы промышленность производила вооружения не больше того, что необходимо, а остальное – для людей, не для убийства, а для жизни, чтобы естественные и технические науки не занимались бы главным образом разработкой всё новых средств уничтожения людей, а средств жизни, чтобы гуманитарии не были обязаны врать, восхваляя вождей и оправдывая любые их преступления, а занимались действительно проблемами бытия человека и общества. Чтобы люди объединялись не только в производственные коллективы под начальством государственных чиновников и воинские части под командованием отцов-командиров, а в самые разнообразные коллективы – от обществ защиты прав потребителей до любителей кошек и собак. И местное милицейское (полицейское) начальство должно избираться жителями и зависеть от них, а не от вышестоящего начальства и т. д. и т. п. Чтобы не получалось, как в Иркутской губернии после Сперанского, когда вместо произвола чиновников наступил произвол бандитов и местные жители не имели никаких возможностей заставить власти выполнять свои прямые обязанности.

Но построить такое общество нельзя только путём принятия законов и издания указов. Нельзя стать личностью по приказу и беда России XIX века была в том, что личности в ней были, но их было так мало и не все они и не всегда понимали своё истинное предназначение.

7.5. Российское революционное и общественное движение в XIX в.

7.5.1. У истоков революционной традиции в России – декабристы

В 1816 г. в России возникла первая революционная организация – Союз Спасения. Её создали А. Н. Муравьёв, С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьёв, М.И. и С. И. Муравьёвы-Апостолы, И. Д. Якушкин. Вскоре к ним присоединился П. И. Пестель. Численность тайного общества не превышала трёх десятков человек, его цели, практические намерения были неопределёнными. Главным для членов первого декабристского общества было желание служить народу, сделать всё для его блага. Союз Спасения распался в 1818 г. и вместо него появился Союз благоденствия, более многочисленный (до 200 человек). Цели и методы деятельности Союза благоденствия были определены в «Зелёной книге», которая требовала оказания содействия правительству во внедрении «блага всеобщего во все поры государства». Пропаганда передовых взглядов в дворянских кругах, распространение грамотности в народе, помощь в освобождении отдельных крепостных, организация литературных обществ, подача проектов реформ правительству, попытки борьбы с проявлениями судейского беззакония – так в основном выглядела практическая деятельность Союза благоденствия.

Запрет тайных обществ в 1820 г., подозрения правительства о существовании этого общества и неудовлетворённость наиболее деятельных и решительных участников медлительной тактикой привели к формальному роспуску Союза благоденствия в 1821 г. С 1822 г. существовали две стремившиеся к координации действий, но тем не менее обособленные друг от друга революционные организации: Северное общество (в Петербурге) и Южное (на Украине), к последнему потом присоединилось Общество соединённых славян. Оба декабристских общества делали ставку на тактику военной революции. В отношении планов будущего устройства России между ними были некоторые расхождения. «Русская правда» Пестеля, принятая Южным обществом, ставила целью учреждение республики после периода военной диктатуры. Конституция Н. Муравьёва, обсуждавшаяся в Северном Обществе, предусматривала конституционную монархию. Различия были также в предположениях по решению крестьянского вопроса, прежде всего в отношении дворянского землевладения при обоюдном согласии о необходимости личного освобождения крестьян.

Прямолинейное выведение первого революционного выступления из российской действительности, рассмотрение его как проявления борьбы зарождавшегося капиталистического уклада против обветшалого феодализма необоснованно. И декабристы были далеки от буржуазии, и сам феодализм ещё не так уж обветшал.

Декабристы выросли и были воспитаны на просветительской идеологии XVIII в. с её идеями естественного равенства, веры во всемогущество разума и просвещения, служения народу. Побудительным началом, толкавшим будущих декабристов на революционный путь, было нравственное чувство вины перед крепостным народом, вообще перед всеми униженными и оскорблёнными. Это нравственное чувство заставляло будущих декабристов ещё до 1812 г., подростками, мечтать о подвигах и делах на пользу дикарей острова Сахалин, а после Отечественной войны, под воздействием патриотического подъёма и более близкого знакомства с народом привело к созданию Союза Спасения. Все основатели этого общества прошли Отечественную войну 1812 г. в младших офицерских чинах и постоянно соприкасались с солдатами.

Знакомство с передовым Западом сыграло свою роль. Но эта роль вторична – декабристы в своих проектах конституций использовали опыт западного конституционного устройства, в выработке методов действий оглядывались на европейские революции с их кровью и страданиями как раз простого народа и хотели избежать насилия и бедствий народа, насколько это было возможно, при создании декабристских обществ применялись структурные принципы

европейских тайных обществ – немецкого Тугенбунда, итальянских карбонариев. Но декабристы именно использовали чужой опыт, перерабатывали его. Знакомство с Западом не являлось побудительной причиной для перехода к революционной деятельности – впечатления от крепостнической действительности были сильнее.

Декабристы безусловно выступали за отмену крепостного права, за личную свободу крестьян. Не сразу, но они пришли к необходимости освобождения крестьян с землёй, хотя и сохранялись разногласия по вопросу как это осуществить.

Что касается методов борьбы и преобразований, то в декабристском движении выделяется два направления. Первое ориентировалось на длительный период подготовки народа к коренным преобразованиям через его просвещение, повышение жизненного, культурного и политического уровня. Второе же предпочитало более радикальные методы борьбы: переворот с помощью армии («военная революция»), а затем уже необходимые преобразования.

Декабризм воспроизвёл черты европейских революционных движений с относительно слабыми буржуазными элементами (неоформленность и бессилие буржуазии, особая роль офицерства, тяготение к тактике «военных революций» и созданию тайных обществ), но российское движение характеризуется ещё большей классовой узостью и полнейшим отрывом от народа. Карбонарские венты в Италии насчитывали десятки тысяч человек, в России декабристские общества – несколько сот. В Италии, Испании, Греции дворянских революционеров поддержали достаточно широкие слои народа, в России дворянские революционеры остались в одиночестве.

Постоянно подчёркивается, что декабристы, будучи дворянскими революционерами, боялись обратиться к народу. Почти никогда не отмечается, что эта субъективная боязнь имела объективную основу. Народ в России в то время не был готов к революции, к восприятию революционных призывов, руководящей роли революционеров. Локальные народные восстания 1818—1820-х гг. (особенно донские волнения), которые рассматриваются историками как некая «подоснова» движения декабристов, показали сохранение монархических иллюзий, веры в царя в крестьянских массах при откровенной враждебности к дворянству. Именно антидворянские настроения крестьян делали невозможным обращение декабристов к народу и ещё более невозможной поддержку декабристов народом. Именно это не позволило декабристам усвоить в полной мере опыт военных революций в Европе – чисто военными они там не были (вмешательство народных масс помогло войскам Риего и Квироги переломить ход событий в свою пользу на первых этапах борьбы в Испании; в Неаполе армия последовала за восставшим народом, закрепила его успех). Правда, декабристы-офицеры стремились сблизиться с солдатской массой и завоевать доверие солдат и это им удавалось, некоторые декабристы даже занимались обучением солдат, но открывать им свои цели вплоть до восстания декабристы опасались.

У декабристов появляются идеи, которые станут весьма специфическими для российского революционного движения – упование на всемогущее организованное государство, которое жертвует интересами отдельного гражданина во имя «наибольшего благоденствия» народного целого. Это особенно видно у Пестеля, который говорил о «благоденствии», «блаженстве», «счастье» государств или отдельных лиц, понимая под этими понятиями не охрану прав и свобод, не правовые гарантии независимости граждан, а обеспеченность существования, материальный достаток, хозяйственное процветание.

Но интересы отдельных людей, стремящихся к обеспечению своего «достатка», могут сталкиваться и сталкиваются, вызывая социальные конфликты и общественное неравенство. Вот здесь-то начинает действовать функция центральной политической власти, которая призвана умерять эти столкновения, обеспечивать более или менее справедливое распределение общественных благ, «защищать бедного от притязаний богатого». Государство может гарантировать индивиду различные права и свободы, не только «не затрагивать» их, но и всячески

поддерживать, но лишь в той мере, в какой они направлены на получение индивидом «справедливой» доли общественного продукта. Государство предоставляет членам общества определённые политические права (влияние на ход управления, участие в выборах представителей в местные и центральные органы власти, право апелляции в государственные органы), но опять-таки постольку, поскольку они связаны с решением той же задачи «справедливого» распределения. Короче говоря, общий контроль за функционированием всего общественного механизма и право окончательного решения в каждом конкретном случае политический центр оставляет за собой, приобретая тем самым огромную и бесконтрольную со стороны граждан власть и создавая возможности для возникновения диктатуры и использования этой власти в личных целях небольшой группы лиц.

На то, что такой порядок будет означать известное ограничение прав индивида с точки зрения «нормальных» буржуазных конституций, Пестель возражал: зато будет обеспечена социальная справедливость. Выиграет не только народ, материальные интересы которого будут защищены, но и правительство (в смысле стабильности, прочности своего политического положения).[89]

При проведении революционных преобразований, при разрешении споров между гражданами, решающую роль у Пестеля должно было играть Верховное правление, а не суд. Чтобы это правление могло справиться со своими задачами, по расчётам Пестеля, требовалось в 30 раз больше жандармов, чем их было в действительности при в Николае I.[90]

Надежды на государство в достижении социальной справедливости и материального благополучия иллюзорны, что показывает опыт российской истории как до декабристов, так и после них, но эти иллюзии, ещё сохраняются.

[89] Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. С. 124—126.

[90] Экштут С. А. Жандарм и декабрист. Историософские размышления о двух методах лечения одной болезни // Вопросы философии. 1998. №9. С. 65—66.

7.5.2. Общественное движение второй четверти XIX в.

Поражение декабристов, усиление реакции порождали настроения пессимизма, безысходности в среде передовой общественности России николаевского времени, с одной стороны. А с другой – усиливали национально-патриотические чувства. Подъём национального сознания в России отмечается с 1812 г., он характерен и для декабристов. Но в последующую эпоху процесс роста национального самосознания становится ещё более явным, принимает порой преувеличенные формы, проникает в различные круги общества и идейные направления. Сравнение России и Европы, поиски закономерностей и смысла национальной истории, задача преодоления отсталости и вместе с тем специфика её решения в застойных социально-политических структурах николаевского самодержавия – эти темы приобрели в 1830—1840-е гг. особенное значение.

Национализм в России, как и в ряде других стран, близких ей по уровню и типу развития, был сложным явлением. Нация, национальное государство, национальное самосознание – это явления, присущие капиталистическому, рыночному обществу с единым национальным рынком, ярко выраженным региональным и отраслевым разделением труда, с достаточно высокой степенью свободы личности и с высокой степенью самосознания личности. В условиях слабого развития капитализма, при преобладании традиционных или полутрадиционных структур, этот тип национализма складывался как сложное сочетание не только буржуазных, но и докапиталистических и антикапиталистических элементов, причём не как их простое соединение, а как специфический идейно-культурный сплав, выполняющий определённую задачу – идейно обеспечить преодоление отсталости, служить импульсом развития. Для такого рода национализма всегда характерна двусмысленность: признание отсталости соседствует с отрицанием её, со всемерным возвеличиванием своей родины, её прошлого, её культуры, что выступает как своего рода идейно-духовная компенсация. Критическое отношение к отечественной действительности сочетается с искренней любовью к Отечеству, с глубокой верой в его будущее и в его историческое предназначение. Это как бы особое видение своей страны, особая призма, к которой прибегают всякий раз, когда реальная действительность начинает слишком резать глаза. Подобные национально-патриотические чувства питали П. Чаадаева, Герцена и Огарёва, славянофилов и западников, в явной и скрытой форме были они у других поколений российских революционеров и общественных деятелей, являлись (и являются) причиной преувеличения особенностей исторического пути России и ошибочных рецептов преодоления её отсталости и создания условий для материального и духовного благоденствия россиян. [91]

Русский национализм 1830—1840-х гг. имел общие черты вне зависимости от политических установок: всяческое подчёркивание самобытности России, её культуры, истории, национального характера, противопоставление России Западу. Идеи об евразийском характере Руси, где сплавились воедино Восток и Запад зародились именно в середине XIX в. Различия между западниками и славянофилами заключались не столько в том, что первые считали Россию частью Европы, а вторые особым миром, а в том, что западники полагали необходимым избавление от этой самобытности, переход на западный путь развития, а славянофилы выступали за сохранение этой самобытности, её дальнейшее совершенствование, даже в ущерб экономическому, особенно промышленному, развитию.

Тогда же формулируется и становится основой официальной идеологии формула Уварова «самодержавие, православие, народность». Эта формула также исходила из самобытности России, её принципиального отличия от Запада и, следовательно, из присущего только России особого пути. Идейно-духовной компенсацией идеи русских националистов (западников, сла-

[91] Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России.. С. 134—135.

вянофилов, Уварова, державников) являются потому, что именно во второй четверти XIX в. всё резче стало обозначаться отставание России в промышленном развитии. И это было отставание не просто в объёмах производства, а отставание качественное, технологическое, отставание цивилизационного порядка.

Западная Европа выходила на принципиально новый уровень состояния общества, основанного на машинном производстве, городской культуре, рыночных отношениях, на новых степенях свободы индивида. Растущее отставание России угрожало самому её статусу великой державы, а в перспективе маячило превращение в колониальный, сельскохозяйственно-сырьёвой придаток промышленно развитых стран. Даже в сфере хлебной торговли в Европе российских производителей всё активнее стали теснить свободные североамериканские фермеры. Серьёзность этой угрозы продемонстрировало не просто поражение в Крымской войне, а ставшее явным громадное преимущество капиталистических стран в военном отношении: в вооружении, организации армии, транспорте. Растущий разрыв от западных стран мог поставить Россию в один ряд со многими государствами Азии, такими как Турция, с которыми только и была сравнима российская военная машина. И встал выбор: или засучив рукава, работать, вызволить созидательную энергию производительных слоёв общества, или успокаивать себя рассуждениями об особом характере исторического пути России, самобытности русского национального характера. Но жизнь не терпит иллюзий, промышленное развитие невозможно без пролетаризации крестьянства, роста и преобладания городов и городской культуры, принципиально отличной от патриархальной крестьянской культуры. И только Крымская война заставила самодержавное государство пойти на некоторую модернизацию экономической и социальной жизни страны. В период реформ Александра II отходит на второй план уваровская формула самобытности, приходят в упадок славянофильские теории и вновь они оживают во время реакции и контрреформ Александра III.

7.5.3. Народничество

Немногочисленные революционеры 1850—1860-х гг. уже делают ставку на народное движение, разрабатывают теории крестьянской революции и крестьянского общинного социализма, возлагают надежды на стихийный социализм крестьянина-общинника. Но и тогда Н. Чернышевский говорил об ограниченном характере революционных возможностей крестьянства, о неспособности его – самого по себе – совершить созидательный переворот. Поражения революций 1848—1849-го гг. открыли Чернышевскому, крестьянскому демократу и социалисту, жестокую истину: повсюду, где разрастались революции, господствующие классы находили в борьбе против революционеров неожиданную поддержку в массах, близоруком эгоизме городского мещанства, но прежде всего в темноте и забитости крестьян.

Если в 1861 г. Чернышевский ещё надеялся на революционные выступления крестьян и возможность руководить этой революцией со стороны революционеров, то уже год спустя он начинает пересматривать вопрос о возможности руководства крестьянской революцией и созидательном характере этой революции. В статье «Письма без адреса» он обобщает: народ «нас (т.е. революционеров) не знает даже и по имени». Грядущее восстание крестьян неизбежно, его породит половинчатый, грабительский характер реформы, но «народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию».[92]

«Народопоклонство» интеллигенции было вызвано рядом причин. Дело не только в том, что крестьянство было наиболее многочисленным и угнетаемым классом русского общества, что оно воспринималось в духе социализма как хранитель традиционно-общинных, не буржуазных институтов и идеалов. Стержнем всего народнического восприятия являлись ценностные и этические представления, подчинявшие себе все другие стороны утопического сознания. Вера в народ исходила, другими словами, не столько из объективных качеств и нужд самого крестьянства, сколько из внутреннего, нравственного стремления интеллигента-разночинца найти опору своей жизнедеятельности. Именно в понятии «народ» сконцентрировалось всё, что искала народническая интеллигенция: потребность в нравственном очищении, в служении ближнему, с одной стороны, и глубокая вера в торжество социальной справедливости начал «общинного» социализма – с другой. При таком личностно-психологическом настрое поклонение было, естественно, обращено не к реальному, историческому, а к воображаемому народу, который наделялся всевозможными достоинствами и добродетелями.

Реакцией на засилье государства в российском обществе было распространение анархизма, отрицания государства вообще. Идеолог бунтарского анархизма Бакунин исходил из того, что русский народ революционер, бунтарь по природе и всегда готов к революции, которую сам Бакунин понимал скорее как бунт, всеобщее разрушение, а не творческий переворот в обществе. Главной задачей революционеров Бакунин считал организацию одновременного выступления (чтобы правительство не расправилось с бунтовщиками по одиночке). Для подталкивания народа к бунту Бакуниным допускались любые средства, в том числе использование уголовников (ещё одних бунтарей по природе).

Надежды на народный бунт не оправдались и в начале 1870-х гг. усиливается другое направление народничества. Один из лидеров и теоретиков народничества Лавров полагал необходимой подготовку народа к революции путём распространения в его массе знаний, идей социальной справедливости, общинного социализма. В первой половине 1870-х гг. народни-

[92] Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. С. 177—179.

ческая молодёжь предприняла попытки революционной агитации и пропаганды среди крестьянства с целью подготовки народной революции. Для организации пропаганды среди народа появилась организация «Земля и воля» (1876 г.). «Хождение в народ» кончилось неудачей, благородный порыв народников-интеллигентов был не понят народом. Крестьяне оказались совсем не такими, как их представляли себе народники – не было духа солидарности, но были торгашество, расслоение на богатых и бедных, которое считалось нормальным, примитивная религиозность, которой соответствовал несокрушимый фатализм – «всё по воле бога», «народ сам виноват», так как «все поголовно пьяницы и забыли бога».

Репрессии правительства вызывали ответное сопротивление революционеров в виде террористических акций, но теперь среди них стало расти убеждение, что террор и есть именно та форма политической борьбы, которая позволит кучке революционеров при ничтожных силах совершить грандиозные дела.

В программе «Народной воли» (1879 г., после раскола «Земли и воли») главной целью объявлялась подготовка широкого народного восстания с целью захвата власти. Переворот предполагалось проводить при экстраординарных условиях, вызванных всенародным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством и т. д. Но также полагали, что система террористических актов, в результате которой будет убито 10—15 человек из основных чиновников и царь, может вызвать панику в правительстве и возбудить народные массы и создаст удобный момент для нападения и социальной революции. В конечном счёте, вся деятельность «Народной воли» свелась к подготовке покушений на царя. 1 марта 1881 г. Александр II был убит. Революции не произошло, идейный и моральный крах революционного народничества стал очевиден.

В 1860-е гг. в русском революционном движении зарождаются явления, или точнее новые черты, которые будут потом развиваться и наложат сильный отпечаток на всё революционное движение. Связано это явление с отношением к народу не как к самостоятельной силе, которой сознательный революционер только помогает проявить себя, осознать свои интересы, а как к пушечному мясу, бессловесному средству, которым революционер имеет право манипулировать по своему усмотрению. Наиболее полно подобные идеи отразились во взглядах и деятельности Сергея Нечаева, который появился в среде петербургского студенчества осенью 1868 г. Нечаев был учителем закона божьего приходского училища и вольнослушателем Петербургского университета.

По логике нечаевского типа насилие вполне может применяться даже по отношению к тем «униженным и оскорблённым», ради которых совершается революция. Именно так трактовал близкий к Нечаеву Ткачёв взаимоотношения революционной партии и народа после победы революции. Ткачёв разочаровался в революционных возможностях народной массы, делал ставку на революционное меньшинство. Это революционное меньшинство должно любой ценой взять власть в свои руки и силой заставить народное большинство перестроить свою жизнь на коммунистических началах.

Стереотипы господства и подчинения впитывались россиянином буквально с детства, они царили повсюду, воспринимались как нечто непреложное и естественное и потому не могли не отравлять революционное сознание. Отсюда столь часто возникавшие в среде демократической интеллигенции сектантские перепалки и споры, нетерпимость к другому мнению, борьба за влияние, столкновения за лидерство. Отсутствие уважения к личности, чувства собственного достоинства порождали пренебрежительное отношение к человеку как к простому средству достижения революционных целей, рассуждения, что цель оправдывает любое средство.

7.5.4. Марксизм в России: зарождение и особенности

С расколом «Земли и воли» на «Народную волю» и «Чёрный передел» в 1879 г. кризис народничества достигает высшей точки. Сама логика борьбы за социальный переворот вывела народников в сферу политики, политической борьбы, необходимость которой народники ранее отвергали. Русские социалисты оказались перед решающим выбором: либо отказ от поддержки политической борьбы народовольцев, либо отказ от теории, в которой политике не было места.

Среди тех, кто остро почувствовал эти противоречия теории и практики народничества и начал поиск выхода из тупика были выходцы из «Чёрного передела», эмигрировавшие за границу, Г. Плеханов, В. Засулич, П. Аксельрод, Л. Дейч, В. Игнатов. В 1883 г. они создали марксистскую группу «Освобождение труда».

Доказательство факта эволюции страны по пути капитализма, осмысление роли пролетариата как движущей силы русской революции, соотношение социализма и политической борьбы, критика народничества – всё это составляло круг теоретических интересов Плеханова и его друзей в 1880-е гг. Задача состояла не в простом заимствовании научной теории Маркса, перенесении её на русскую почву, а прежде всего в критической оценке всего накопленного революционного опыта, в осмыслении путей развития России с помощью марксизма. В качестве исходного пункта анализа общественной ситуации Плеханов берёт политическую борьбу за свержение самодержавия и идею социализма – две идеи, приводившие в движение наиболее активные слои российской интеллигенции. Требованию политической свободы Плеханов придаёт значение принципа, разъясняя, что успешно бороться с самодержавием одиночки из интеллигенции не в состоянии и только рабочий класс, организовавшийся в политическую партию, способен вести борьбу с шансами на победу. Для рабочего же класса политическая организация его рядов есть как раз то средство, при помощи которого он сможет добиться своих классовых целей и обеспечивать интересы общественного развития. Под углом зрения классовой самостоятельности пролетариата Плеханов рассматривает все вопросы предстоящей русской революции. Он был уверен в том, что «возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России». Революционная интеллигенция, по Плеханову, должна была уделять основное внимание работе среди пролетариата, а уже через рабочих влиять на крестьян.[93]

В конце 1883 г. почти одновременно с группой «Освобождение труда» в самой России образовалась первая марксистская организация, в которую вошли студенты Петербурга во главе с Благоевым. В 1885 г. независимо от благоевцев возникла группа Точисского, в которой были и рабочие. В конце 1887 – начале 1888 г. под влиянием Федосеева складываются марксистские группы в Казани. В 1890-е гг. марксистские кружки появляются по всей стране, они становятся всё более организованными, в них всё больше рабочих, хотя по-прежнему основную массу марксистов в России составляли интеллигенты и студенты.

В Европе марксизм первоначально был уделом образованных людей, но всё же он распространяется там в то время, когда капиталистические, рыночные отношения были достаточно развиты, пролетариат многочисленным, но способы более или менее мирного разрешения социальных конфликтов, противоречий между рабочими и хозяевами, вообще трудностей, порождаемых рыночными отношениями ещё не были отработаны и даже необходимость поиска таких способов не осознавалась. Это создавало основу для распространения марксистских идей среди рабочих и создания социал-демократических рабочих партий, иногда достаточно многочисленных уже в последние десятилетия XIX в. (в Германии, например).

---

[93] Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. С. 305.

В России марксизм первоначально и долгое время потом представлял собой чисто умственное, интеллигентское течение в виду немногочисленности и слабости пролетариата, ещё тесно связанного с деревней. Квалифицированных, потомственных рабочих было крайне мало и в начале XX в., тем более в 1880-х гг. Поэтому классический марксизм, полагавший, что Россия должна пройти все стадии развития капитализма и относивший социалистическую революцию в далёкое будущее, когда пролетариат будет составлять большинство населения страны, распространения в России не получил.

Социал-демократия в Европе в конце XIX в. действовала легально, попытки запрета социал-демократических партий показали свою неэффективность, в России же марксистские организации (как и вообще любые политические организации) были под запретом всегда.

Отсюда вытекает сохранение в социал-демократическом движении России многих родовых черт российского революционного движения – жертвенность, упование на силу организации профессиональных революционеров-нелегалов с железной дисциплиной, складывание и сознательное насаждение особой революционной морали, основанной на принципах вседозволенности ради победы революции, забегание вперёд, радикализм, а то и авантюризм, утопизм, готовность к насилию, в том числе насильственному навязыванию «освобождаемому» народу своих представлений о народном «счастье».

7.5.5. Особенности сознания российских революционеров

Наиболее характерные черты российского революционного движения являются отражением идеологии европейского Просвещения XVIII в. с её верой во всесилие человеческого разума и упованием на силу организации и государства.

Главное в просветительстве российских революционеров – убеждённость их как просвещённых людей в том, что они знают истину, знают в чём общее благо для народа и что их задача – только внести эту истину в сознание народа. Отсюда вера Чернышевского и народников в то, что крестьянский общинный социализм отражает глубинные, коренные интересы крестьянства, что уравнительность, имущественная и социальная, существуют потому, что так *хочется* крестьянам. Так же марксисты были убеждены, что общее благо народа – пролетарский интернационализм и промышленный социализм.

Но, увы, и просветители, и революционеры всех мастей не знали истинных интересов народа, не понимали законов развития общества, не осознавали, что ближайшие интересы могут противоречить отдалённым интересам, препятствовать главной тенденции развития общества. Так русский крестьянин почти не знал частной собственности на землю, жил в уравнительной общине потому, что хозяйствуя в плохих природно-климатических условиях, неся огромные повинности в пользу государства и помещиков, он был вынужден то и дело прибегать к взаимопомощи для обеспечения своего выживания, к круговой поруке, уравнительности, чтобы сохранить все тяглые единицы и быть в состоянии вынести их тяжесть. То есть русский крестьянин жил в общине *не потому что хотел* этого, а потому что был *вынужден* и жизнь в общине вовсе не гарантировала всеобщее равенство, братство и высокую нравственность. В общине было всё – пьянство, лень, иждивенчество, прелюбодейство и прочее. Строгие нормы поведения, почти полное отсутствие воровства – это черты патриархального сельского образа жизни крестьян любого народа, живущих замкнуто небольшими группами и вынужденных помогать друг другу, а не отличительная черта русского крестьянина, не черты русского национального характера. Поэтому русский крестьянин, занятый повседневными заботами, не воспринял идеи общинного социализма и остался глух к проповедям народников.

Российским революционерам приходилось действовать в условиях полного отсутствия политической и общественной жизни в России. Из этого вытекает следующая важная черта революционного движения в России – придание очень большой роли организации и государству в деле освобождения народа без участия самого народа. Эта черта заметна у декабристов и выразилась в принятии тактики «военной революции», в приурочивании даты революционного выступления не к готовности народа к нему, а к случайному событию – смене царей на престоле, в снисходительном отношении к народу, убеждённости, что дворянские революционеры лучше народа знают, что крестьянину нужно.

Вера в знание высшей истины, блага народа, вера в сокрушительную силу организации видна в террористической деятельности народников. Народники не спрашивали народ, хочет ли он, чтобы убили царя, произвели потрясения и навечно загнали его в общины. В литературе наиболее наглядно это выразилось в теории заговора Ткачёва и в допущении возможности насилия по отношению к освобождаемому народу. А на практике это осуществили большевики после 1917 г.

7.5.6. Либералы второй половины XIX в.

После освобождения крестьян в России существовало либеральное, нереволюционное, общественное движение, выступавшее за развитие России по западному, капиталистическому пути. Российский либерализм имел свою специфику. В западных странах либералы (от латинского слова liber – свобода) – это люди, выступающие за как можно большую свободу предпринимательской деятельности, невмешательство государства в рыночные отношения или другими словами, за свободное, открытое общество, основанное на частной собственности, рыночных отношениях, демократии, свободе и уважении личности.

Российские либералы второй половины XIX в. выступали за необходимость перехода на чисто западный путь «культурного» капитализма, но насаждаемого сверху через государственные структуры, за сохранение самодержавия, полагая, что можно развивать капиталистический уклад без конституции и демократии западного типа. Они были против создания политических партий, образования элементов гражданского общества, а преобразования, по их мнению, должна была проводить просвещённая государственная бюрократия как основа продвижения вперед. По сути российские либералы выступали не за рыночное капиталистическое общество, а за индустриализацию России под государственным контролем и в интересах в первую очередь государства, а не общества.

Свою непосредственную задачу российские либералы видели в оказании содействия российским императорам в преобразовании России на новых основаниях. Эта точка зрения нашла отражение в приветственной речи одного из ведущих либеральных деятелей Б. Чичерина в адрес Александра III. Реакция царя на предложение содействия показала, что либералы серьёзно заблуждались и на счёт намерений самодержавия развивать Россию по капиталистическому пути, укреплять в ней права и свободы, так и на счёт потребности для царя в помощи с их стороны.

ГЛАВА 8. РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИЙ

8.1. Особенности социально-экономического развития России в начале XX в. Основные тенденции

XX век начался в России с экономического кризиса, закрылось около 3 тысяч предприятий, было уволено 112 тысяч рабочих, снизилась зарплата. Экономический кризис привёл к росту рабочего движения. Если в 1895—1900-м годах произошло 860 стачек при 250,6 тысячи участников, то в 1900—1904-м годах – 2219 стачек при примерно 500 тысячах участников. С каждым годов увеличивался процент политических выступлений рабочих: в 1898 г. их было 8,4%, в 1901 г. – 22,1%, в 1903 г. – 53,2%. Появляются новые формы борьбы рабочих – политические демонстрации (345 за эти годы), маёвки (первая случилась в Харькове в 1900 г.).

Росла напряжённость в деревне, страдавшие от малоземелья и выкупных платежей крестьяне всё чаще применяли активные формы борьбы: запашку земель помещиков, вырубку лесов, поджог имений вместо пассивных в виде отказа от выплаты податей и невыполнения повинностей. С каждым годом росло количество вызовов солдат для подавления проявлений крестьянского недовольства.

Всё говорило о том, что Россия находится на пороге грозных потрясений, причины которых лежали в глубине социально-экономического развития России, в борьбе различных хозяйственных укладов.

В начале XX в. в России происходят серьёзные экономические, социальные и политические перемены. Продолжался аграрный кризис, вызывая попытки разрешения путём революции и реформ, связанных с именем П. А. Столыпина.

Промышленность России начала XX в. изучалась историками в основном с точки зрения выявления в стране социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. При этом до середины 1950-х гг. господствовали представления М. Н. Покровского и его учеников о низком уровне развития капитализма.

Затем появилась другая крайность – стремление доказать, что дореволюционная Россия быстро догоняла ведущие страны Запада на пути индустриального развития, а по уровню монополизации даже опережала некоторые передовые капиталистические страны (Францию и Англию, например).

Интересная точка зрения была высказана в 1960-е гг. К. Тарновским и его сторонниками о многоукладном характере экономики дореволюционной России.

В последние годы развивается новый, цивилизационный, подход к истории России (Л. И. Семенникова и другие), в котором история России начала XX века рассматривается под углом зрения борьбы двух типов цивилизаций (западного и восточного) или выбора развития по пути той или иной цивилизации.

8.1.1. Аграрный вопрос в России. Крестьянское и помещичье землевладение

Около 80 процентов населения России жило в деревне и так или иначе было связано с сельским хозяйством и, конечно же, интересы этой основной массы населения и её положение имели решающее значение для определения путей дальнейшего развития страны.

В деревне главным был вопрос о земле. Вот свидетельство крестьянского депутата Государственной Думы Данилюка. При обсуждении столыпинского аграрного закона он говорил, что «мы не удовлетворим крестьян этим законом. Обратите внимание на безземельных и малоземельных… загляните в любую деревню, какая там царит голодная и холодная нищета. Крестьяне живут чуть ли не совместно со скотом, в одном жилом помещении. Какие у них наделы? Живут на 1 десятине, на 1/2 десятины, на 1/3 десятины, и с такого малого клочка приходится воспитывать 5, 6 и даже 7 душ семейства. Нам предлагают переселение в Сибирь, но, помилуйте, переселиться может тот, кто обладает денежными средствами, но как же нашему голодному и холодному крестьянину, у которого за душой ни копейки, как же ему переселяться».[94]

В 45 губерниях Европейской России только 21% владельцев имений вели собственное хозяйство, 47% сдавали землю в аренду, 32% вели хозяйство смешанным способом. Таким образом, большая часть помещичьей земли обрабатывалась крестьянами собственными силами через аренду земли у помещиков и отработки, как при крепостном праве.

Кроме того, крестьянская надельная земля была обложена всяческими платежами, её нельзя было свободно продавать и покупать, цены на землю и арендные платежи были очень высокими. К 1906 г. крестьяне выплатили 2,5 млрд рублей выкупных платежей, с начала 1860-х гг. до 1910 г. затратили 2 млрд рублей на покупку частновладельческих земель. За аренду у помещиков примерно 20 млн десятин земли у крестьян уходило ежегодно в конце XIX – начале XX вв. около 150 млн рублей, а в период столыпинской аграрной реформы – не менее 250 млн рублей.[95] Ограничения купли-продажи надельной земли, невыгодность её покупки из-за обременённости платежами препятствовали переходу земли в руки наиболее предприимчивых крестьян – зарождавшихся фермеров.

Конечно, и среди помещиков, и среди крестьян (особенно на Северном Кавказе, в Новороссии, Поволжье и Сибири) были хозяева, ведшие дело предпринимательским способом. Но их было мало, они были связаны в своей деятельности крепостническими пережитками. И обратим особое внимание – очаги крестьянского аграрного предпринимательства (как и помещичьего и вообще аграрного предпринимательства) были расположены в основном на окраинах Российской империи, а вблизи политических центров зрело недовольство «голодных и холодных» крестьян.

При этом нельзя ограничиваться указанием на неравномерное распределение земли между крестьянством и помещиками и острую нехватку земли у крестьян, вызванную сохранением помещичьего землевладения. Крестьянская община помогала крестьянам выстоять в борьбе с природой, налоговым гнётом государства, с эксплуатацией помещиками, но препятствовала наиболее полному проявлению сил и предприимчивости энергичных и хозяйственных мужиков.

Сохранение помещичьего и надельного землевладения, огромные трудности для развития аграрного капитализма приводили к сохранению отсталых способов земледелия, консервации устаревших социальных структур в деревне и, как следствие, низкой эффективности сельского хозяйства России. Так, например, выглядят сравнительные цифры урожайности хле-

---

[94] Аврех А. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России // Коммунист. 1991, №1. С. 48—49.

[95] Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа. (Мифы и реальность) // История СССР. 1991, №2. С. 56.

бов в России с её западными соседями за пять предвоенных лет – 1908—1913 гг. (в среднем с одной десятины): Германия 140 пудов, Англия – 150, Голландия – 162, Бельгия – 165, Дания – 195, Россия – 45.[96]

В стране, где четверо кормили одного случались периодические неурожаи и голод, последний – в 1911 г., когда бедствие охватило 20 губерний Европейской России и в продовольственной помощи, по официальным данным, нуждались 20 млн человек.

Само крестьянство в России потребляло хлеба в недостаточном количестве. Среднегодовое потребление хлеба крестьянами в 1911—1913 гг. равнялось 21,3 пуда, в 1913 г. – 23 пуда против 29 пудов в Бельгии и было одним из самых низких в Европе.

Тем не менее Россия вывозила в 1909—1913 гг. (в среднем в год) 727 млн пудов хлебов. В отдельные годы экспорт хлебов давал свыше 50% доходов от суммарного экспорта. При этом Россия вывозила пшеницу преимущественно в зерне, а США в виде муки. Например, в 1911 г. доля муки составляла 81,2% суммарного объема экспорта хлебов США, а в российском хлебном экспорте мука составляла 2,1%. Как результат Россия стала вытесняться даже с финского, прибалтийского и польского рынков муки.[97]

По потреблению городского населения накануне мировой войны Россия не уступала США. Но при существовашем тогда соотношении сельского и городского населения в России иначе и быть не могло. Чрезвычайно важен ещё один момент. В России основная масса крестьян продавала хлеб не потому, что он был лишний и не для того, чтобы получить прибыль и вложить её в развитие производства, а для получения денег на уплату различных платежей и покупку минимума потребительских товаров. Вследствие узости внутреннего рынка и необходимости для крестьянина продать как можно быстрее, хлеб в России был очень дёшев и поэтому конкурентоспособен на внешнем рынке, но мало пригоден для ведения рентабельного предпринимательского хозяйства при малых объёмах производства. К тому же значительную часть товарного хлеба, особенно на экспорт, давали хлебопроизводящие губернии Черноземья и степной полосы Поволжья, Северного Кавказа и Новороссийского края. В этих же губерниях была сосредоточена основная масса сельскохозяйственной техники, использовались передовые аграрные технологии. Если бы крестьяне освободились от крепостнических платежей и чрезмерных налогов, то они сократили бы продажу хлеба и увеличили собственное потребление, что и произошло в 1920-е гг.

Таким образом, крестьянское общинное полунатуральное хозяйство в начале XX в. переживало глубочайший внутренний кризис, который невозможно было разрешить при его сохранении в прежнем виде. Для крестьянского хозяйства характерно стремление к замкнутости, к производству всего необходимого для жизни собственными силами – не только продовольствия, но и одежды, инвентаря. В рамках крупной общины с наличием кузницы, кожевенного, шорного и других производств крестьянское потребительское хозяйство становится практически самодостаточным, не нуждающимся в товарном производстве. Целью производства такого хозяйства является обеспечение элементарного выживания, в отличие от крупного товарного производства, особенно капиталистического типа. В течение веков вырабатываются и соответствующие психология, мораль, нормы поведения крестьян – главное произвести столько, чтобы хватило до нового урожая и осталось немного на неурожайный год, всё что сверх того – можно проесть сразу, поделиться с соседями, но не вложить в развитие своего хозяйства. Такой тип экономического поведения получил название «экономики выживания». Крестьянскому натуральному хозяйству «экономики выживания» соответствует низкий уровень земледелия, абсолютное преобладание экстенсивных методов увеличения объёмов производства. В начале

[96] Письмо К. Д. Савченко И. В. Сталину 10 мая 1927 г. // Известия ЦК КПСС. 1989, №8. С. 202.

[97] Фигуровская Н. К., Симонов В. В. Н.Д.Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 34, 38—39.

XX в., как и в течение веков, большинство крестьян пахало землю примитивными плугами или сохами, сеяли из лукошка, убирали хлеб серпами и косами. При таком уровне агротехники прирост объёма сельскохозяйственного производства возможен только за счёт расширения посевных площадей. Крестьянское натуральное потребительское хозяйство может существовать долгое время только при отсутствии роста населения или (и) наличия резерва нераспаханных земель, на которые может уходить излишнее население.

Но к началу XX в. возможности расширения пределов Российской империи и освоения новых земель при том уровне энерговооруженности земледелия были практически исчерпаны, а население после 1861 г. и до 1912 г. выросло примерно вдвое. На малонаселённых окраинах условия земледелия были совсем не такими, как в центре Европейской России, там требовались другие приёмы и большие затраты. К тому же излишек земель на окраинах России был не столь большим, как казалось. Дело в том, что в природно-климатических условиях России (длинная зима, короткий летний рабочий сезон) затраты на ведение земледельческого хозяйства – количество рабочего скота, капитальные постройки, запасы на зиму – гораздо больше, чем в Европе, следовательно, размеры земельных владений должны быть больше, особенно при товарном характере производства. Такие хозяйства и преобладали на окраинах страны – в степной полосе, в Поволжье и Сибири. Приток переселенцев лишал старожилов возможности расширения своих хозяйств и ставил под угрозу такого же аграрного кризиса, как в историческом центре России. Там же, а это преимущественно бывшая крепостная деревня, давно не было свободных земель, а население росло и это приводило к дроблению наделов, распашке лугов и пастбищ и вытекающему из этого кризису скотоводства. Более половины крестьянских хозяйств Европейской России накануне первой мировой войны имели одну лошадь или были вовсе безлошадными. Сокращалось поголовье крупного рогатого и мелкого скота в расчёте на одно хозяйство.

Крестьянское хозяйство лежало в основе всего старого полуфеодального социально-экономического уклада, его кризис приводил к кризису всего российского общества. Вот почему аграрный кризис и крестьянство привлекали к себе столь большое внимание политических партий и государства.

8.1.2. Аграрные программы политических партий

Характер предложений решения аграрного вопроса политическими партиями зависел как от интересов социальных слоёв, которые эти партии представляли, так и от их взглядов на будущее России.

Крайне правые и черносотенные партии и группы вообще не хотели что-либо менять в аграрном строе России, они не видели и не хотели видеть тех изменений в стране, которые уже произошли. Необходимо отметить антикапиталистическую, антирыночную направленность взглядов крайне правых, которым не нравилось развитие частной промышленности, возникновение частных монополий в промышленности и крестьянской частной собственности на землю, которые они считали (и вполне справедливо) угрозой для их идеала – царского самодержавия. Поэтому крайне правые выступали даже против реформ Столыпина.

Варианты решения земельного вопроса с помощью распространения и укрепления частной собственности крестьян на землю и ликвидации общинной формы землепользования выдвигали Союз 17 октября и партия кадетов. Октябристы были единственной политической силой целиком и полностью поддерживавшей Столыпина в его реформах. Они выступали за уничтожение всякой административной опеки над крестьянами, волостных судов, за распространение выборных судебно-мировых учреждений на крестьянские дела, за урегулирование земельной аренды, за устранение крестьянского малоземелья за счёт казённых и удельных земель, путём переселения, а в случае необходимости за счёт частновладельческих земель путём добровольной покупки при участии государства, в самых крайних случаях посредством принудительного выкупа на справедливых условиях вознаграждения (по рыночным ценам). Большое значение октябристы придавали частной собственности на землю с целью поставить крестьян в положение индивидуальных владельцев земли.

Кадеты были сторонниками частной собственности на землю, её укрепления и защиты. Но они помещичью и крестьянскую надельную формы землевладения, феодальные по происхождению и характеру, рассматривали как формы частной собственности. Поэтому кадеты выступали за неприкосновенность дворянских имений, что не нравилось крестьянам и, в то же время, чтобы успокоить хоть немного крестьян, кадеты считали возможным частичное отчуждение помещичьих земель (особенно тех, которые были в аренде у крестьян) и передачу их крестьянам за «умеренную цену». Это уже не нравилось ни помещикам, ни крестьянам, последние хотели всю землю помещиков и бесплатно.

Эсеры продолжали верить если не в социалистические инстинкты русского мужика, то в возможность через крестьянскую общину прийти к социализму общинного типа. По этой причине они выступали против частной собственности на землю и разрушения общины (поэтому были бескомпромиссными противниками Столыпина и его аграрной реформы). Они предлагали проведение социализации земли, что означало ликвидацию частной собственности на неё и переход к общественному владению и распоряжению землёю демократическими общинами и союзами общин на началах уравнительного землепользования, запрет купли-продажи земли. Главным эсеровским лозунгом было требование предоставления земли только тем, кто её обрабатывает. Как подготовка к общинному социализму выдвигалась идея развития кооперации среди крестьян. Предлагались также конфискация монастырских и удельных земель, использование государственных земель для наделения крестьян.

Аграрная программа эсеров на деле обрекала крестьян на продолжение нищей, полуголодной жизни. Даже раздел между крестьянами всех помещичьих и государственных земель, при сохранении характера крестьянского хозяйства и низкого уровня агротехники (что было неизбежно при небольших размерах владений), мог дать в лучшем случае временную передышку. А потом, по мере роста населения, все проблемы вновь бы обострились. Сохранение

господства в сельском производстве мелкого крестьянского полунатурального хозяйства сдерживающим образом влияло бы на развитие промышленности, замедляло, а при полной реализации эсеровских замыслов, могло и остановить индустриальное развитие России. В этом отношения последствия реализации аграрных идей крайне правых и крайне левых (эсеров) были бы одними и теми же. Это не случайно, так как и те и другие исходили из представлений об особом характере России, её особом историческом пути, только правые ничего не хотели менять, а эсеры желали убрать верхушку, а жизнь народа оставить прежней.

До революции 1905—1907 гг. социал-демократы уделяли мало внимания крестьянскому вопросу. В первой программе РСДРП были только положения о возвращении крестьянам отрезков и отмене выкупных платежей. Причина в том, что социал-демократы исходили из марксистских идей о разложении и исчезновении крестьянства в процессе развития капитализма, степень развития которого они сильно преувеличивали. Активное участие крестьян в революции подтолкнуло социал-демократов к разработке аграрной программы для привлечения на свою сторону крестьянства. При этом они исходили из идеи необходимости создания условий для капиталистического развития деревни.

Меньшевики выступали за отчуждение помещичьей земли и передачу её в распоряжение местных органов управления, которые бы предоставляли землю наиболее достойным крестьянам на определённых условиях (программа муниципализации земли).

Группа разделистов (большевики) предлагала просто разделить землю между крестьянами, считая, что остановить процесс разложения крестьянства, создания товарных хозяйств и обеднения, пролетаризации основной массы всё равно невозможно. Кстати, эти явления были бы и при осуществлении эсеровской программы социализации земли: вместо общинного социализма получился бы в любом случае аграрный капитализм, только более долгим и трудным путём.

Целям развития аграрного капитализма в России были подчинены идеи Ленина, высказанные им в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции», написанной в 1907 г., но опубликованной только в 1917 г.

Ленин писал о заинтересованности пролетариата в появлении свободных фермеров и переходе земли в их руки: «Разумеется, интересы пролетариата требуют поддержки также мер, которые бы всего более содействовали переходу земледелия в России из рук крепостников-помещиков и закабаленных, задавленных темнотой, нуждой и рутиной земледельцев в руки фермеров. И проект „104“ есть не что иное, как платформа борьбы за превращение состоятельной части закабаленного крестьянства в свободное фермерство».

Ещё точнее и доказательнее в другом месте этой работы: «Основой раздела должна быть не старая надельная земля, распределённая между крестьянами сотню лет тому назад по воле помещичьих бурмистров или чиновников азиатской деспотии, – основой должны быть требования свободного, торгового земледелия. Раздел, чтобы удовлетворить требованиям капитализма, должен быть разделом между фермерами, а не разделом между крестьянами-„лежебоками“, из которых подавляющее большинство хозяйничает по рутине, по традиции, применительно к условиям патриархальным, а не капиталистическим. Раздел по старым нормам, т.е. применительно к старому, надельному земледелию, будет не чисткой старого землевладения, а увековечением его, не освобождением пути для капитализма, а обременением его массой неприспособленных и неприспособляемых „лежебок“, которые не могут стать фермерами. Раздел, чтобы стать прогрессивным, должен основываться на новой разборке между крестьянами-земледельцами, на разборке, отделяющей фермеров от негодного хлама. А эта новая разборка и есть национализация земли, т.е. полное уничтожение частной собственности

на землю, полная свобода хозяйства на земле, свобода образования фермеров из старого крестьянства».[98]

Два замечания к ленинским словам. Исчезновение патриархального крестьянства как социального слоя не означает разорение и нищету крестьян, они вполне благополучно могли жить в качестве наёмных рабочих и чем больше процветало бы фермерство и с его помощью городская промышленность, тем лучше жил бы бывший крестьянин, ставший рабочим. Но этот процесс преобразования патриархального крестьянства в фермеров, сельских и городских наёмных рабочих является длительным и чрезвычайно болезненным.

Второе. Эти ленинские идеи об аграрном преобразовании России должны были быть основой аграрных программ буржуазных партий. Но не стали. Что касается Ленина, то как социалист (и тем более коммунист), он был готов поддерживать свободное фермерство на этапе буржуазного развития, но был глубоко убеждён в преимуществах крупного коллективного хозяйства социалистического типа. Здесь лежит зерно раскола между большевиками и крестьянами после Октября. Крестьяне хотели остановиться на Декрете о земле, основное содержание которого сводилось к разделу земли, а большевики стремились к социалистическому преобразованию сельского хозяйства на основе крупных государственных и коллективных предприятий.

[98] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 249, 255—256.

8.1.3. Аграрная реформа П. А. Столыпина

Много разногласий вызывают оценки столыпинской аграрной реформы. В советской историографии преобладала тенденция определять эту реформу как последнюю попытку спасти помещичье землевладение и саму монархию путём разрушения сельской общины, укрепления земли в личную собственность крестьян и создания в деревне слоя зажиточных хозяев. В настоящее время громче звучат голоса безусловных сторонников Столыпина, видящих в его реформах единственное средство спасения России. Многие полагают, что если бы Столыпину не помешали, то эта реформа привела бы сельское хозяйство России к процветанию.

Столыпин полагал, и совершенно справедливо, что простой передел всей земли между крестьянами проблемы не решал. В речи в Государственной Думе 10 мая 1907 г. он доказывал это так: если разделить между крестьянами всю землю, даже находящуюся под городами, то в Вологодской губернии пришлось бы всего, вместе с имеющимися наделами по 147 десятин на двор, в Олонецкой – по 185, в Архангельской – по 1309, в 14 губерниях не хватило бы и по 15 десятин на двор, в Полтавской – всего лишь по 9, в Подольской – по 8 десятин.

Главной причиной тяжёлого положения крестьянства было, по мнению Столыпина, не столько малоземелье, сколько преобладание общинного, уравнительного землепользования. В одной из речей он критиковал этот способ землепользования, указывая на отсутствие стимулов к более производительному труду, к использованию знаний и умений наиболее способных хозяев. В частности, Столыпин говорил: «Все будет сравнено, – [но нельзя ленивого] равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самою силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле…

А эта уравненная и перекроенная Россия, что, стала бы она и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создаёт и могущество страны. Путём же переделения всей земли государство в своём целом не приобретёт ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распылённая земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата».[99]

Распространена точка зрения, что целью Столыпина была расчистка пути для аграрного капитализма при сохранении помещичьего землевладения с помощью разрушения общины, превращения надельной земли в частную. Но это не совсем так, точнее, цели у Столыпина были другие, не о развитии капитализма он думал (для этого, наоборот, нужна была пролетаризация крестьянства, от которой он предостерегал).

Суть своего понимания реформы Столыпин выразил в речи 5 декабря 1908 г.: «Личный собственник… властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков её к одному месту; он может прикупить себе земли, может заложить её в Крестьянском банке, наконец, продать её. Весь запас его разума, его воли находится в его распоряжении: он в полном смысле слова кузнец своего счастья».[100]

Столыпин надеялся, что став полным собственником земли, крестьянин будет трудиться с большим усердием, тщательнее заботиться о земле, повышать урожайность и сможет прокормить себя и иметь возможность продавать излишки без особого расширения своих земельных владений. Образцом для него служили фермеры и хуторяне Прибалтики и Восточной Пруссии. В прибалтийском имении отца Колноберже он вырос, в Прибалтике начал свою карьеру, много

---

[99] Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия… Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг. М., 1991. С. 88—90.

[100] Там же. С. 176—177.

занимался сельским хозяйством и дело знал. Только не учитывал, что природные условия в тех краях отличаются от условий в России и автоматически переносить опыт фермерских хозяйств Прибалтики на всю Россию было нельзя.

Столыпин также полагал, что с помощью мелкой земельной собственности можно сохранить крестьянство как сословие, избавить его от угрозы обеднения и пролетаризации, для чего предлагал дополнительные меры. В той же речи 5 декабря 1908 г. он говорил: «…ни закон, ни государство не могут гарантировать его (собственника – *авт.*) от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности, и ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самодеятельность.

Государство может, оно должно делать другое: оно должно обеспечить определённое владение не тому или иному лицу, а за определённой группой лиц, за теми лицами, которые прилагают свой труд к земле; за ними оно должно сохранить известную площадь земли, а в России это площадь земли надельной. Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на её владельца… надельная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; надельная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю».[101] В пределах одного уезда также нельзя было покупать более 6 указных наделов (т.е. наделов, определённых по реформе 1861 г.).

Столыпин не раз говорил о необходимости сохранения надельной формы землевладения как основы сохранения крестьянства, но нигде не связывал распространение мелкой личной собственности крестьян на землю с развитием рыночных отношений и торгового земледелия. И это не случайно, потому что торговое земледелие и рыночные отношения неизбежно ведут к размыванию крестьянства как такового, к росту имущественной дифференциации крестьян, утере большинством их своих наделов и превращению в наёмных – сельских и промышленных – рабочих.

Так как во многих губерниях Европейской России имело место аграрное перенаселение и было ясно, что одним закреплением земли улучшить положение даже трудолюбивых крестьян нельзя, то Столыпин предусматривал помощь желавшим переселиться на окраины империи, где ещё была нераспаханная земля. Переселенцам выдавалась денежная ссуда, предоставлялись льготы при переезде, они наделялись пашней на новом месте.

Кроме создания личной собственности крестьян на землю и переселения, реформой предусматривалось расширение операций Крестьянского банка по оказанию помощи крестьянам в покупке и аренде земли, в межевании и другие меры.

Но сохранение крестьянства как сословия в начале XX в. было и невозможно – не было столько земли в России, даже на её окраинах, и, главное, не отвечало коренным интересам России. Решение задач повышения производительности труда в сельском хозяйстве, его интенсификации, использования сложных севооборотов, механизации сельского труда, тем более с использованием тракторов, было невозможно на небольших крестьянских наделах. Эти задачи были действительно одними из важнейших задач, стоявших перед Россией в начале XX в., но их решение было невозможно без индустриальной модернизации страны в целом, без развития торгового земледелия и скотоводства, а это неминуемо вело к исчезновению патриархального полунатурального крестьянского хозяйства.

Хотел того Столыпин или нет, но распространение частной собственности на землю среди крестьян и разрушение общины способствовало бы развитию аграрного капитализма и тем самым обрекало бы основную массу крестьянства на потерю привычного, патриархального, образа жизни и пролетаризацию. И не случайно проведение столыпинской реформы,

[101] Там же. С. 177.

выделение зажиточных крестьян на хутора и отруба встретило активное сопротивление большинства общинников.

По данным И. Д. Ковальченко, который опирался на донесения губернаторов, к 1 января 1916 г. выделились из общины и укрепили землю в личную собственность 2,5 млн дворохозяев (27% всех общинных дворов), имевших 15,9 млн десятин (14% всех общинных земель). Из них только 26,6% получили от сельского общества согласие на выход, 72,3% вышедших из общины получили разрешение от местных властей. Было отмечено много случаев морального и физического террора со стороны общинников по отношению к хуторянам и отрубщикам – недопущение на сельские сходы, оскорбления, потравы, лишения водопоев и даже поджоги.

То обстоятельство, что более четверти выделившихся крестьян «укрепили» за собой только 14% общинных земель говорит о том, что выходила в основном беднота, неспособная создать сильные хозяйства, вопреки надеждам Столыпина. Интересные данные о мотивах выхода крестьян из общин имеются в исследовании Московского общества сельского хозяйства. В 1909 г. (это пик реформы) укрепили землю в собственность для её продажи 52,5% опрошенных крестьян, из опасения потерять излишки земли при переделе – 27,3% и для успешного ведения хозяйства лишь 18,7%.[102]

Подворная перепись 1911 г. по Самарскому уезду, где число укрепивших землю дошло почти до 40%, показали, что среди укрепленцев настоящих хуторян менее трёх процентов (2,9%), выделилось на отруба 6,5%, а остальные владели землей чересполосно. О том, что цель Столыпина – создать достаточно многочисленный слой крепких мужиков в деревне – не была достигнута, говорят и результаты выборочного обследования 1913 г. землеустроенных хозяйств в 12 уездах в разных районах страны. Сам выбор уездов произведён с расчётом, чтобы представить более благополучные (в смысле положения хозяйств новых собственников) уезды. Так средний размер землевладения учтённых хозяйств на бывших надельных землях составил 11,5 десятин, а средний размер участка выделившихся из общин по стране равнялся 7,7 десятины. Результаты обследования представлены в таблице 7.

66% хозяйств имели на двор менее 10 десятин, в среднем по пять десятин на двор. Для всей этой категории, за исключением очень плодородных земель Правобережной Украины и разных особых условий, при уровне агротехники того времени, тяжести повинностей и правовой незащищённости крестьянина ведение рационального, прибыльного хозяйства было невозможным.[103]

В 1905 г. надельное крестьянское землевладение составляло 138,8 млн десятин всех земельных владений Европейской России. В 1907—1915 гг. на надельных землях крестьян было создано 1265 тыс. хуторов и отрубов (10,3% от общего числа всех крестьянских хозяйств), под которыми было занято 12 232 тыс. дес. земли (8,8% всех крестьянских земель). С учётом хуторов и отрубов, созданных на землях Крестьянского банка и казны, участковым землевладением было охвачено 15,4 млн дес. земли или 11% от общей площади надельных земель.[104]

Именно на таком узком земельном плацдарме и развёртывалась столыпинская аграрная реформа, преобладание надельного общинного землевладения над частным крестьянским осталось подавляющим после нескольких лет реформы. Конечно, среди крестьян-надельщиков были такие, кто хотел мог бы стать фермером при подходящих условиях, но и среди крестьян-частновладельцев были такие, кто вёл хозяйство по-старому, была беднота и в целом это не меняло соотношения сил. Вообще, отмечено дальнейшее усреднение крестьянства, сниже-

[102] Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа. (Мифы и реальность). С. 60.

[103] Анфимов А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 64—65.

[104] Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа. (Мифы и реальность). С. 60—61.

ние доли зажиточных, что говорит об углублении внутреннего кризиса крестьянского хозяйства. В 1888—1891-х гг. безлошадные и однолошадные дворы в Европейской России составляли 55,8% всех дворов, а дворы с 4 и более лошадьми – 10,7%, в 1912 г. соответственно – 63,8% и 6,4%. Снижалась доля зажиточных крестьян в земледельческом производстве: в 1881—1891 гг. – 38,1%, 1899—1900 гг. – 32,2%, 1912 г. – 26%.[105]

Созданию прибыльных, рентабельных хозяйств крестьянами мешал, кроме всего прочего, рост цен на аренду и покупку земли. Так с 1885 по 1913 г. доходность землевладения выросла менее чем вдвое (86%), а цены на землю – в четыре раза. Бюджетное обследование хуторян и общинников в Симбирской губернии в 1913 г. показало, что хуторяне тратят на покупку и аренду земли в среднем по 127 рублей (29,6% всех расходов), а общинники 73 рубля (17,9% всех расходов)[106].

Эти данные означают, что борьба крестьян-общинников против зажиточных выделившихся крестьян была не борьбой сельского пролетариата и полупролетариата против сельской буржуазии, т.е. борьбой за лучшие условия продажи своей рабочей силы или борьбой за социализм, а борьбой старого патриархального крестьянства за сохранение своего образа жизни, за сохранение дорыночных порядков. Анализ крестьянских наказов, подготовленных в 1917 г. к I Всероссийскому съезду крестьянских депутатов, показывает, что главные требования крестьян направлялись против остатков крепостничества и на передел всей земли. Вопросы рыночных отношений, несмотря на их исключительную остроту и злободневность, в наказах по сути дела не получили отражения. В этом факте проявился полунатуральный характер основной массы крестьянских хозяйств.[107] Именно эта основная масса патриархального крестьянства была главным препятствием на пути столыпинской реформы, её активное и пассивное сопротивление привело эту реформу к фактическому провалу ещё до революции и, что ещё важнее, сама реформа и борьба крестьян с ней накаляли и без того обострённую обстановку в деревне.

Обострению обстановки в деревне в это время способствовало и другое направление столыпинской реформы – переселения. После 1905 г. переселилось 3,7 млн человек, возвратилось обратно около 1 млн., а 700 тыс. частью разбрелись по Сибири, частью погибли, и лишь 2 млн человек сумели закрепиться на земле.[108] Как правило, переселенцы недружелюбно встречались старожилами, справедливо видевшими в них угрозу своему благополучию. На ссуду в 150 рублей на семью трудно было в Сибири создать крепкое хозяйство, затраты на его создание и поддержание здесь были ещё больше, чем в Европейской России. Так что и в Сибири преобладали маломощные хозяйства. Многие переселенцы превращались в батраков у старожилов. Несладким было положение вернувшихся крестьян – земля, дом, хозяйство проданы, деньги истрачены. Таким образом, в деревне постепенно накапливался горючий материал, вспыхнувший ярким пламенем в 1917 г.

[105] Там же. С. 58, 67.

[106] Анфимов А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы). С. 70, 73.

[107] Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986. С. 103.

[108] Анфимов А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы). С. 85, 87.

8.1.4. Промышленность России накануне мировой войны. Проблема многоукладности российской экономики

Сложно шло индустриальное развитие России. За 1861—1913 гг. Россия во много раз увеличила объём промышленного производства и занимала по этому показателю пятое место в мире. Но промышленно развитых стран в это время было очень мало, а по качественным показателям Россия часто уступала не только передовым странам. Так по производству промышленной продукции на душу населения Россия уступала США в 13 раз.[109] Душевой национальный доход России в 1861 г. находился в пределах 40% от уровня Германии, а к 1913 г. составлял всего лишь одну треть.[110]

Даже центр Российской империи занимал последнее место среди всех империй по плотности населения (19,8 человека на кв. км).

По такому важному качественному показателю, который наиболее верно отражает процесс перехода общества от аграрного к индустриальному, как степень его урбанизации (доля городского населения), Российская империя находилась на предпоследнем месте наряду с Японской (18%), и лишь на 3% опережая Британскую (Британия вместе с колониями). Европейская часть Российской империи находилась на последнем месте, имея в 3—4 раза меньше показатель урбанизации населения, чем Великобритания, Германия, Франция и США, даже не достигая среднемирового уровня (23%).

По уровню грамотности (28—30%) и по степени урбанизации, как Российская империя в целом, так и её центральные части занимала последнее место.[111] Начальных школ в России относительно числа жителей было втрое меньше, чем в странах Запада. Число школьников было в 3,2 раза меньше, чем в «просвещённых» (Норвегия, Швеция, Греция, Швейцария, Дания, Голландия и Бельгия), и в 2,3 раза меньше, чем в «обездоленных» (Италия, Испания, Болгария, Венгрия, Румыния и Сербия) странах Европы. Градация на «просвещённые» и «обездоленные» страны и цифры взяты из энциклопедического словаря «Гранат». Так же значительно, в 4 и 1,8 раза отставала Россия по количеству учителей.[112]

Поскольку грамотность и урбанизация связаны между собою, это показывает, что Россия находилась в самом начале пути к индустриальному обществу, в котором подавляющее большинство населения связано в той или иной степени с промышленностью, что невозможно без достаточного квалификационного и образовательного уровня работников.

О том же свидетельствует общее число фабрично-заводских рабочих и их доля среди самодеятельного населения. По их числу (2,7 млн человек или 6% всех рабочих в мире) Российская империя в 3 раза уступала Германской империи и США, в 2 раза Британской империи и в 1,5 раза – Франции (Германия, Великобритания и Франция – вместе с заморскими колониями), если брать Европейскую Россию в сравнении с этими странами без колоний, то ситуация будет та же самая и отставание в начале XX в. не сокращалось.

Та же картина наблюдалась в профессионально-классовом составе трудящихся. Около 75% самодеятельного взрослого населения Российской империи и её центральных частей составляли крестьяне. Между тем даже в Австро-Венгрии их доля не превышала 60%, не говоря уже о Великобритании (8,5%). В российской промышленности, торговле и на транс-

---

[109] Трукан Г. А. история советского общества. Краткий очерк (1917—1945). Глава первая. Революция, которая потрясла мир // История СССР. 1990, №1. С. 79.

[110] Грегори П., Зотеев Г. Экономический рост // Коммунист, 1991, №1. С. 70.

[111] Степанов А. И. Место России в мире накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1993, №2. С. 158—159.

[112] Анфимов А. М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994, №3. С. 70—71.

порте было занято 15% самодеятельного населения, а вместе со сферами услуг, управления, науки и культуры – только 25%. Таким образом, степень индустриализации общества по профессионально-классовой структуре самодеятельного населения колебалась в пределах 15—25%, т.е. в среднем около 20% – число, соразмерное с долей городского населения (18%). По сравнению с аналогичными показателями Великобритании, Германии, Франции и США, Россия в 3—4 раза уступала им по уровню занятости населения в индустриальном секторе экономики, в 1,5—2 раза уступала таким государствам, как Италия и Австро-Венгрия.

Российская империя обладала большим национальным богатством – 160 млрд рублей (или 8,6% мирового богатства), значительную часть которого (90 млрд рублей) составляли различные природные ресурсы, но тем не менее находилась лишь на третьем, после США (400 млрд рублей, 21,6%) и Британская империя (230 млрд рублей, 12,4%) месте. Качественный же показатель – среднедушевое распределение национального богатства в России (900 рублей) едва приближался к среднемировому (1 тысяча рублей), в 3—5 раз уступая американскому, британскому, французскому и германскому, и в 1,5—2 раза австрийскому и итальянскому.

По валовому промышленному производству (5,7 млрд рублей, 3,8% общемирового) Российская империя уступала даже Франции, находясь на пятом месте в мире.[113] Несмотря на огромные запасы и растущую добычу, добываемого в России каменного угля не хватало и его ввозили из Англии и Германии (в 1912 г. – 334 млн пудов угля или 15% к добытому и 47 млн пудов кокса). Нефтедобыча достигла пика в 1901 г. (706 млн пудов), а затем колебалась около цифры 560 млн пудов. Условное душевое потребление чугуна считается одним из главнейших показателей промышленной мощи страны. В 1912 г. на душу населения чугуна приходилось в США – 285 кг, Бельгии – 190, Германии – 156, Франции – 106, Англии – 105 (1911 г.), Австро-Венгрии – 44 (1911 г.), России – 28 кг. Цифры показывают, что Россия выпала из пятерки действительно соревнующихся стран. Если производство чугуна на душу за один год (с 1911 г.) возросло в США на 56 кг, в Бельгии – на 17, в Германии – на 20, то в России – лишь на 3 кг. Своего чугуна не хватало и его ввозили по 36 млн пудов ежегодно, экспортируя десятки миллионов пудов железной руды.

По плотности железнодорожной сети на 100 кв. верст Европейскую Россию превосходили: Великобритания – в 15 раз, Германия – в 10 раз, Франция – в 6,5, Австро-Венгрия – в 6 и США – в 5 раз.[114]

Такие качественные российские показатели как объём промышленного производства на человека и годовая выработка одного рабочего составляли половину среднемировых значений, в 5—10 раз уступая США, Германии и Великобритании.

О том, что Россия находилась ещё только в самом начале пути к индустриальному обществу говорят данные об условиях жизни и уровне потребления её жителей. Средний бюджет рабочих семей в начале XX в. составлял: в Европейской России – 350 рублей, в Петербурге – 440, в США – 1300, в Англии – 936. Средний заработок чернорабочего был в 1904 г. в США 71 рубль при продолжительности рабочей недели 56 часов, в Англии соответственно 41 рубль и 52,5 часа, в Германии – 31 рубль и 56 часов, во Франции – 43 рубля и 60 часов, в России – 17,5 рубля и 62,5 часа. Не в пользу России была структура питания её населения. В 1913 г. в России потребляли больше, чем в США (в расчёте на душу населения в кг) хлеба – соответственно 200 и 113, картофеля – 114 и 86, примерно равным было потребление овощей – 40 и 44,5, но по другим основным видам продуктов сравнение далеко не в пользу России – мясо – 29 и 77, молоко – 154 и 343, фрукты – 11 и 66, сахар – 8,1 и 37, яйца – 48 штук и 303.[115]

---

[113] Степанов А. И. Место России в мире накануне первой мировой войны. С. 159—160.

[114] Анфимов А. М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах. С. 59—62, 65.

[115] Россия и запад: 1913 год // Диалог. 1990, №10. С. 52—53.

В начале XX в. ведущие мировые державы, включая Россию, втянулись в гонку вооружений, шла усиленная подготовка к большой войне. Военно-технический потенциал Российской империи отражал её общую отсталость. По всем основным показателям оснащения армии как традиционным, так и новейшим вооружением, Россия не дотягивала даже до среднемирового уровня, значительно уступая армиям не только высокоразвитых индустриальных держав – Германии и Франции, но и Италии, Австро-Венгрии и Японии.

Российская промышленность даже в мирное время могла обеспечить в лучшем случае только текущие нужды вооружённых сил в основных типах вооружений – артиллерии, винтовках, снарядах и патронах, но стратегических резервов не хватало даже по винтовкам, а таких современных ударных систем, которые определяли боевую мощь – пулемётов, автотехники, новейших типов боевых кораблей – было в 2—5 раз меньше, чем в германской и французской армиях.[116]

Приведённые здесь конкретные данные о слабости экономического и культурного развития дореволюционной России всего лишь констатация факта. Россия в начале XX в. была в основном аграрной страной, с примитивным в своей массе сельским хозяйством, перед ней стояли задачи не строительства социализма, а перехода на индустриальную стадию. Возможны были два разных способа индустриальной модернизации страны – через государство и внеэкономическое принуждение по отношению к крестьянству или через рынок с его частной собственностью, рыночными принципами экономического поведения и неизбежным имущественным и социальным расслоением крестьянства, образованием на его основе сильных фермерских хозяйств, с одной стороны, и превращением основной массы в наёмных работников, с другой. С разной степенью вероятности реальны были оба варианта развития, первый опирался прежде всего на казённую промышленность, второй – на динамично растущую частную. В любом случае, переход значительной массы населения из аграрной сферы в индустриальную, сопровождающийся резким изменением характера занятий, условий и образа жизни, всегда связан с многочисленными конфликтами и социальными потрясениями. Проблема только в том, что царь и большинство его бюрократов хотели развивать казённую промышленность, а сельское хозяйство и политическую жизнь оставить без изменений, а это невозможно.

Два способа индустриализации России отражали наличие в ней двух основных социально-экономических, хозяйственных укладов, опиравшихся на разные типы цивилизаций: традиционного, «почвенного», полупатриархального, полунатурального и мелкотоварного в деревне с соответствующими образом жизни и методами хозяйствования большинства крестьян-общинников и дворян-землевладельцев с казённой промышленностью с полным отсутствием в ней рыночных механизмов регулирования и элементами едва ли не крепостнических методов использования рабочей силы.

И второго уклада – западного, капиталистического, рыночного, которому соответствовали крестьянские хозяйства фермерского типа и предпринимательские хозяйства дворян и купцов в сельском хозяйстве и частная промышленность, которая в предвоенные годы вышла за рамки в основном текстильной и перерабатывающей промышленности и даже вторглась в святая святых Российского государства – в производство вооружений и всё более успешно конкурировала с казённой промышленностью во всех отраслях.

Традиционный уклад переживал сильнейший внутренний кризис, связанный с малоземельем крестьян, низкой производительностью труда, особенно в деревне, неспособностью отвечать на вызов времени в международном масштабе. Внутренний кризис старого уклада не мог уже разрешиться в его собственных рамках из-за постоянного и неизбежного роста сельского населения (необходимость иметь много детей при низкой производительности труда, плохой технической вооруженности как гарантии в старости родителей и выживаемости сельского

[116] Степанов А. И. Место России в мире накануне первой мировой войны. С. 160—162.

населения). А рост земледельческого населения неизбежно вёл к сокращению размеров наделов на душу населения. Предел здесь – исчезновение неосвоенных земель.

Два уклада, сосуществовавшие уже достаточно давно более или менее мирно, в начале XX в. вступили в острую схватку – им становилось всё более и более тесно. Развитие рыночного уклада подрывало основы почвенного, уничтожало основу для благополучия верхушки старого общества, тесно связанной с этим укладом, разрушало образ жизни миллионов людей, от царских сановников и самого царя до самого бедного крестьянина. И неудивительно, что первые десятилетия XX в. в России – это время бурь и потрясений.

8.2. Политическое положение в России

8.2.1. Царская бюрократия

Борьбе социально-экономических укладов соответствовала политическая борьба в России, борьба различных классов и социальных слоёв за лидерство и значит за способ проведения индустриализации, соответствующей их интересам.

Бюрократия (та её часть, которая понимала необходимость и неизбежность индустриализации) считала возможным совместить индустриализацию с самодержавием. Либералы (обуржуазившиеся помещики и буржуазная интеллигенция) полагали, что это невозможно и что страна должна идти по конституционному пути, должна быть предоставлена большая свобода личности, частной инициативе. Радикальная и революционная интеллигенция шли дальше, требуя республики.

Претензии правящей бюрократии на монопольное руководство страной и во время индустриальной модернизации была основана не только на эгоизме, стремлении сохранить свои привилегии и власть, хотя эти соображения играли огромную роль. В силу исторических особенностей государство в России играло исключительную роль во всех сферах жизни, в том числе в экономике, особенно в промышленности.

Политическая концепция Витте, министра финансов в 1890-е гг., а затем председателя Совета министров в 1905 г., строилась на идее, что монарх должен опираться на «просвещённую бюрократию» и тогда не нужны политические партии, которые никогда не смогут подняться до бюрократии, потому что в своей деятельности руководствуются, в отличие от «государственной» касты, исключительно узкопартийными интересами, уступают бюрократии и по части искусства управления государством. В свою очередь, базой «просвещённой бюрократии» для него был высокоразвитый капитализм в промышленности и сельском хозяйстве, развитию которого «просвещённая бюрократия» будет энергично способствовать. Точнее, речь шла о допущении частной собственности и частной инициативы в промышленности и сельском хозяйстве, но под жёстким контролем государства и в его интересах.

Витте проводил экономическую политику, направленную на покровительство промышленности в сочетании с усилением государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны. Это нашло отражение в ряде мер – поощрении железнодорожного строительства, а затем выкупе в казну 2/3 всех железных дорог, в разработке и внедрении тарифного законодательства, расширении казённого промышленного сектора, усилении роли Государственного банка во всей народно-хозяйственной системе, введении покровительственного для промышленности таможенного тарифа в 1891 г., финансовой реформе для укрепления рубля (введении золотого обращения). Одновременно Витте пытался активизировать частный сектор, ввести новую систему налогообложения, законодательно обеспечить порядок возникновения и деятельности акционерных предприятий.

В одном из выступлений на совещании 23 ноября 1897 г. о дворянском сословии, Витте (ранее бывший сторонником идеи об исключительности и самобытности России, развитие которой шло и должно было идти своим путём) теперь заявил, что существуют закономерности, общие для всего мира, с которыми необходимо считаться: «В России теперь происходит то же, что случилось в своё время на Западе: она переходит к капиталистическому строю… Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон».

Это была совершенно новая идея, исходившая от государственного бюрократа. Российское самодержавное государство, насаждая крупную промышленность, проводя социальные реформы в XIX в. не думало о возможных социально-экономических последствиях, невыгодных для него, ведущих к неизбежным переменам в социально-политическом и экономическом строе общества. Самодержцы и их высшие сановники были убеждены в незыблемости общественного строя, в возможности сохранить ведущее положение дворянства в социально-поли-

тической жизни, а помещичьего землевладения в экономике. Витте же заявил, что в России, как и в западных странах, ведущая роль переходит к промышленности и банкам. «Мы находимся у начала этого движения, – констатировал он, – которого нельзя остановить без риска погубить Россию». Российское дворянство, чтобы не потерять своего экономического, социального и политического лидерства в России должно обуржуазиться, заняться промышленным и финансовым предпринимательством, утверждал Витте.

Этим взглядам Витте соответствовала его программа по крестьянскому вопросу. Главным тормозом развития деревни и модернизации сельскохозяйственного производства он считал правовое «неустройство» крестьян, их имущественную и общественную неполноправность, что крайне плохо отражалось на состоянии крестьянского хозяйства. Одним из важнейших отрицательных факторов являлась, по его мнению, община, сковывавшая крестьянскую предприимчивость, тормозившая рационализацию хозяйства. Панацею от всех бед Витте, вслед за своим предшественником на посту министра финансов Н. Х. Бунге, видел в укрупнении крестьянской земельной собственности и постепенном уравнивании крестьян в правовом отношении с остальным населением империи. С этой целью он предлагал предоставить крестьянам, внёсшим выкупные платежи, право свободного выхода из общины с выделением причитающегося им надела, как это предусматривалось крестьянским положением 1861 г. Община должна со временем превратиться в простой союз земельных собственников, объединённых чисто хозяйственными интересами.

Но среди правящей бюрократии Витте со своими взглядами оказался в меньшинстве, его программа преобразований не встретила поддержки ни среди бюрократии, ни среди помещиков, ни у самого Николая II и в 1903 г. он был вынужден уйти с поста министра финансов. Лидер консерваторов-охранителей В. К. Плеве, товарищ, а потом министр внутренних дел, утверждал на том же совещании 23 ноября 1897 г., что «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй», указанные Витте законы развития он пренебрежительно назвал «гадательными». По его мнению, «имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнёта капитала и буржуазии и борьбы сословий». Через 7 лет Плеве был убит эсерами, доказавшими ему, как он ошибался.[117]

За высказываниями Плеве стояли интересы поместного дворянства, которое затрагивалось курсом Витте на индустриализацию. Так покровительственная таможенная система вела к росту цен на промышленные товары, невыгодному для сельских хозяев (импорт становился дороже, а своих товаров было мало и их качество оставляло желать лучшего), золотое обращение, повысив курс рубля, также было для помещиков-экспортёров невыгодным, так как вело к росту цен на сельскохозяйственную продукцию и снижению тем самым их конкурентоспособности на мировом рынке. Но более всего раздражали реакционное дворянство взгляды Витте на будущее России, в котором высшему сословию не отводилось прежней лидирующей роли. Хотя Витте доказывал, что поместное дворянство вовсе не обделено вниманием правительства – организация дешёвого и льготного кредита, особая тарифная политика, ограждавшая помещичий хлеб от конкуренции дешёвого сибирского зерна, закупка фуража интендантством. Главной причиной оскудения поместного дворянства Витте считал его неумение приспособиться к новым условиям, понять перспективы развития страны и советовал дворянам перестраиваться на буржуазный лад, но именно этого они не желали и ненавидели его. Большинство в правящей бюрократии принадлежало противникам Витте во главе с царём и поэтому никакие реформы в политической и социальной сферах так и не начались до революции 1905 г.

Витте стремился к проведению ускоренной индустриализации России в интересах прежде всего государства, поощряя развитие тяжёлых отраслей промышленности через оказание всесторонней помощи крупным капиталистам и развитие казённой промышленности.

---

[117] Корелин А. П. Сергей Юльевич Витте // Россия на рубеже веков: политические портреты. М., 1991. С. 18—25.

В этом его деятельность совпадала с объективным ходом общественного развития. Но при этом политика Витте была подчинена реакционной и утопической цели сохранения устаревшей самодержавной монархии, что было его слабостью.[118] В сочетании с поддержкой Николаем II поместного дворянства, которое противилось мерам поддержки промышленности, это ещё более замедляло темпы промышленного роста России.

[118] Гиндин И. Ф. Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте // Вопросы истории. 2007, №11. С. 98.

8.2.2. Политические партии

Политические партии представляют собой высшую форму политической организации общественных классов и слоёв. Главным содержанием их деятельности является борьба за власть. Обострение классовых противоречий, с одной стороны, ускоряет политическую организацию общественных сил, а с другой – способствует их размежеванию по политическим направлениям и организациям.

В России таким ускорителем процесса складывания социально-политической структуры общества стала революция 1905—1907 гг. Именно в её годы возникло несколько десятков политических партий и организаций – общероссийских, региональных, национальных, в основном закончился процесс размежевания и политической консолидации партий по политическим лагерям.

В России начала XX в. существовали политические партии и организации трёх направлений: правительственные, стремившиеся сохранить или только слегка подправить самодержавный строй; либерально-оппозиционные, добивавшиеся конституционной монархии путём реформ существовавшей политической структуры; революционные, боровшиеся за свержение самодержавия и установление республики.

Особенностью политической жизни России было то, что первыми образовались партии революционного направления. Борьба в условиях отсутствия политических свобод приводила российских революционеров к необходимости создания сильных революционных организаций. Марксисты, исходя из марксистской установки на то, что революцию можно совершить только путём массовой политической борьбы пролетариата во главе которого стоит его авангард – политическая партия, первыми взялись за её создание. В середине 1890-х гг. возник «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге. Затем аналогичные союзы появились в других крупных городах и промышленных районах. 1—3 марта 1898 г. в Минске состоялся I съезд РСДРП. На нём присутствовало 9 делегатов, представлявших киевскую, петербуржскую, московскую, екатеринославскую и другие социал-демократические организации. Был избран ЦК, издан Манифест, но вскоре 5 из 9 делегатов были арестованы.

После ареста большинства вожаков социал-демократов в последние годы XIX в. в среде социал-демократии царили разброд и шатания, по определению Ленина. На какое-то время преобладание получили сторонники «экономизма», считавшие главной задачей рабочего движения борьбу за экономические требования: повышение зарплаты, снижение штрафов и т.д., а сферу политической борьбы отдававшие либералам.

С возвращением Ленина из ссылки началась активная работа по созыву нового съезда партии, формированию партийных организаций и подготовке принятия программы и устава. II съезд РСДРП состоялся в Брюсселе и Лондоне в июле-августе 1903 г. В нём приняли участие 43 делегата с 51 решающим голосом от 26 организаций, насчитывавших 3,5 тыс. членов. Большинство на съезде принадлежало сторонникам линии газеты «Искра» («искровцам»), объединявших будущих большевиков и меньшевиков.

Первая программа РСДРП состояла из двух частей: программы-максимум и программы-минимум. Программа-максимум ставила целью совершение пролетарской социалистической революции и установление диктатуры пролетариата как её важнейшего условия. Программа-минимум содержала задачи буржуазно-демократической революции: свержение самодержавия и установление демократической республики со всеми политическими правами, 8-часовой рабочий день, отмена выкупных платежей и возвращение крестьянам уже уплаченных сумм, а также земельных «отрезков», равноправие наций и право народов на самоопределение. В поддержке программы искровцы были едины и она была принята без особых разногласий.

На съезде был принят устав партии. Острые споры разгорелись по его первому параграфу о членстве в партии. Формулировка Ленина предусматривала обязательное личное участие каждого члена партии в деятельности одной из низовых ячеек, а Мартова – лишь личное содействие.

В ходе дискуссий по первому параграфу устава и организационным вопросам выявилось две группы делегатов, по разному подходившим ко многим проблемам. Из этих групп и оформились два основных течения в российской социал-демократии: меньшевистское и большевистское.

Меньшевики изначально ориентировались на западную модель развития, были более правоверными марксистами, чем большевики. Они полагали, что Россия стоит только в начале капиталистического развития, что после победы буржуазно-демократической революции власть должна перейти в руки буржуазии, стране предстоит достаточно долгий период созревания капитализма и только потом можно будет ставить выполнение программы-максимум как непосредственную задачу. Отсюда вытекали тактические установки меньшевиков в ходе первой революции в России: не отрицая возможности и даже неизбежности вооружённого восстания и ведущей роли пролетариата в нём, меньшевики не стремились к всемерному его ускорению, ограничивались военно-технической подготовкой, отвергали идеи установления революционно-демократической власти рабочих и крестьян и вхождения социал-демократов в состав временного революционного правительства, так как боялись оттолкнуть буржуазию от революции.

После Манифеста 17 октября 1905 г., вводившего в России законодательную Государственную Думу, политические свободы, хотя и ограниченные, и особенно после поражения революции, среди меньшевиков распространяется идея создания широкой легальной рабочей партии, с помощью которой, по их мнению, необходимо было вести борьбу за улучшение положения рабочих, развивать их политическое сознание и постепенно готовить к социалистической революции. С точки зрения организационного строения партии образцом для меньшевиков была Германская социал-демократическая партия. Хотя в начале меньшевики отдавали предпочтение централизованной иерархической структуре партии, не отличались терпимостью к мнениям оппонентов, они постепенно шли к более демократическому построению партии и к модели «демократического социализма», большое значение придавали развитию революционного самоуправления.

Среди рабочих меньшевики опирались прежде всего на квалифицированных, культурных, политически сознательных, которым не нравился большевистский максимализм и которые достаточно чётко ориентировались на идеалы демократии и более цивилизованные методы борьбы за их достижение. Популярностью пользовались идеи меньшевиков среди служащих и лиц творческих профессий, связанных с капиталистической промышленностью и которые преобладали в рядах меньшевиков. На V съезде РСДРП среди меньшевистских делегатов рабочих «от станка» было 32%, «литераторов» (профессиональных революционеров, руководителей) – 19%, лиц интеллигентных «свободных» профессий – 13%, студентов и торгово-промышленных служащих – по 5% и т. д. Был один крестьянин-земледелец. К революционным возможностям крестьянства меньшевики относились с большим скептицизмом, исходя из своих ортодоксальных марксистских установок. Национальный состав меньшевиков был более пёстрым, чем у большевиков, среди них преобладали лица нерусского происхождения, особенно много было грузин и евреев.

Количественные данные по численному, социальному и национальному составу всех российских партий этого времени весьма условны и неточны из-за отсутствия правильно оформленного членства, нелегального положения революционных партий. Во всяком случае, считается, что весной 1907 г. меньшевиков было около 45 тысяч, затем их численность и количество

партийных организаций снижается в несколько раз. Оживление наблюдается в годы подъёма рабочего движения накануне мировой войны и особенно в 1917 г.[119]

Большевики, Ленин прежде всего, исходили из завышенных оценок степени развития капитализма в России. Уже к концу XIX в., по мнению Ленина, сложились объективные предпосылки мировой социалистической революции и Россия была готова к участию в ней. А раз так, то решающее значение приобретал *субъективный* фактор – партия как организатор и руководитель классовой борьбы пролетариата за социалистическое переустройство общества.

В ряде работ, особенно в «Что делать?», Ленин разработал организационные принципы партии нового типа, состоящей из немногочисленного ядра профессиональных революционеров, хорошо организованных, дисциплинированных, действующих умело и оперативно, способных повести за собой массы, подтолкнуть их на активную борьбу. Таким образом, Ленин развивал идею ключевой роли партии в подготовке и осуществлении пролетарской революции. Если для меньшевиков были характерны осторожность и осмотрительность, склонность к самоанализу, нравственная щепетильность, то большевики были более прямолинейными, нетерпеливыми и напористыми, более самоуверенными и неразборчивыми в средствах достижения целей. Ленин многое перенял из революционных доктрин 1860—1870-х гг., которые подчёркивали большую роль революционных личностей, вождей и выделяли необходимость героического самопожертвования во имя революции и народа. Неслучайно упоминание Лениным знаменитых революционных народников Алексеева, Мышкина, Халтурина, Желябова рядом с именем вождя немецкой социал-демократии Бебеля. Ленин предполагал, что «социал-демократические Желябовы» и «русские Бебели» поднимут весь народ на свержение царизма. Влияние социал-демократических вождей, считал Ленин, будет распространяться на профессиональных революционеров, а от них на всех активных сторонников социалистического переустройства общества.[120]

Отсюда борьба Ленина на II съезде РСДРП за свою формулировку первого параграфа устава, которая давала возможность построить как раз дисциплинированную, централизованную партию, а также против автономии и некоторой свободы местных партийных комитетов. Характерно также настаивание Лениным на сохранение в программе положения о неизбежности вооружённого восстания и обязательности установления диктатуры пролетариата.

Казавшиеся вначале незначительными разногласия между меньшевиками и большевиками переросли после II съезда РСДРП в серьёзное теоретическое и организационное размежевание. Особенно чётко это проявилось в начале первой российской революции, когда они не смогли договориться по таким принципиальным вопросам, как характер и перспективы революции, отношение к буржуазии, вооружённому восстанию, временному революционному правительству и даже провели отдельно – большевики III съезд партии в апреле 1905 г. в Лондоне, а меньшевики конференцию в Женеве. По всем вопросам большевистский съезд принял более радикальные решения, чем меньшевистская конференция. Не просто техническая подготовка вооруженного восстания, а прямая агитация за него, подталкивание к вооружённым выступлениям, гегемонию пролетариата в революции большевики доводили вплоть до взятия власти в союзе с крестьянством, допускали участие социал-демократов во временном правительстве и т. д. Вслед за Парвусом и Троцким Ленин выдвинул идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, но уже в союзе с беднейшими слоями деревни.

После поражения революции в период спада рабочего движения большевики также пережили тяжёлые времена идейного и организационного кризиса, сокращения количества местных организаций и их численности. Если среди меньшевиков распространились настроения

---

[119] История политических партий России. М., 1994. С. 222.

[120] Там же. С. 262—264.

в пользу ликвидации нелегальных организаций и сосредоточения работы в легальных формах (ликвидаторство), то среди большевиков, наоборот, раздавались предложения свернуть работу в легальных организациях (профсоюзах, рабочих кассах, Государственной Думе), как способствующих укреплению капиталистического строя, и сосредоточиться на нелегальной работе (отзовизм). Ленин и его сторонники выступили против тех и других и высказывались за сочетание легальных и нелегальных форм борьбы. Для социал-демократов в эмиграции в это время были характерны фракционная борьба, размежевания и объединения, склоки и прочее.

На рубеже веков происходит оживление неонародничества: возникают группа «Союз русских социалистов-революционеров» (1894 г., в Швейцарии), «Союз социалистов-революционеров» (1895—1896 гг., в Саратове) и др. В условиях роста рабочего движения популярность народничества с его террором одиночек и заговорами интеллигентских организаций уменьшилась, менее привлекательным становилось само слово «народоволец». Новым названием революционные народники старались отмежеваться как от либеральных народников с их теорией малых дел, так и от социал-демократов с их увлечением пролетариатом, забвением крестьянства. Эсеры намеревались продолжить традиции революционных народников 1870-х гг. с их идеей массового революционного террора и социальной народной революции.

Процесс складывания единой партии социалистов-революционеров шёл долго. В январе 1902 г. в газете «Революционная Россия» появилось сообщение об объединении южных эсеров и московского «Союза социалистов-революционеров», эта газета и журнал «Вестник русской революции» объявлялись органами партии. Появление этого сообщения принято считать датой образования партии эсеров. Но первый съезд партии состоялся только в конце 1905 – начале 1906 гг.

Организационная структура партии эсеров всегда была рыхлой, первоначально, похоже, даже не существовало ЦК партии и его функции выполняла одна из наиболее сильных местных организаций. Боевая организация (в создании которой принимал активное участие, а потом несколько лет возглавлял её, агент полиции Азеф) вообще была на автономном положении: у неё была своя касса, свои явки, адреса, квартиры, ЦК не вмешивался в её внутренние дела и она перед ним не отчитывалась. Это создало благоприятные условия для грандиозной провокаторской деятельности Азефа, который выдал полиции десятки боевиков и в то же время организовал ряд крупных терактов – убийства Плеве, великого князя Сергея Александровича и некоторые другие.

Эсеры вслед за народниками считали возможным переход России к социализму минуя капитализм. Модернизация народнической доктрины свелась к признанию наличия положительных сторон капитализма, связанных с ростом производительных сил, особенно в индустрии и в меньшей степени в земледелии. Отрицательные стороны капитализма эсеры связывали с капиталистической формой эксплуатации производительных сил. Российский капитализм отличался, по мнению эсеров, наименее благоприятным соотношением «между творческими, исторически прогрессивными и тёмными, хищнически-разрушительными тенденциями», особенно разрушительной считалась роль капитализма в сельском хозяйстве.

Социальные силы в стране эсеры группировали не в три, как социал-демократы, а в два лагеря. Один из них, во главе с самодержавием, объединял дворянство, буржуазию и высшую аристократию, другой – промышленный пролетариат, трудовое крестьянство и интеллигенцию. Основным принципом деления общества на классы для эсеров было не отношение к собственности, а источник дохода. Поэтому в одном лагере оказывались столь разные социальные слои как дворянство и буржуазия – по принципу эксплуатации чужого труда, а в другом – классы, живущие своим трудом, хотя крестьяне были и собственниками.

Крестьянство являлось предметом особого внимания эсеров в силу своей многочисленности, большого экономического значения и тяжёлого положения. Эсеры не считали, в отличие от марксистов, крестьянские трудовые хозяйства мелкобуржуазными, не считали неизбеж-

ным расслоение крестьянства на буржуазию и пролетариат как обязательное условие прихода к социализму через чистилище капитализма. Как и народники, они верили в устойчивость крестьянских хозяйств и их способность бороться с конкуренцией со стороны крупных производителей. Эти положения являлись исходными пунктами эсеровской теории некапиталистической эволюции трудового крестьянства. Они не видели только, что в условиях растущего малоземелья выход для крестьян в конечном итоге состоял только в интенсификации хозяйства, а этого добиться на небольших наделах было невозможно. Тем самым эсеры обрекали сельское хозяйство России на сохранение низкой производительность труда, а промышленность на большие трудности из-за узкого внутреннего платёжеспособного спроса. С точки зрения эсеров, пользование землёй должно было быть «уравнительно-трудовым, т.е. обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе». Но как тогда развивать промышленность, необходимую самим крестьянам, поднимать культуру?

Важнейшей предпосылкой для социализма и его формой эсеры считали полную свободу и демократию. Политическая демократия и социализация земли были основными пунктами программы-минимум ПСР, они должны были сделать возможным мирный, эволюционный путь России к социализму.

Непосредственной целью эсеров ставился созыв Учредительного собрания, на котором они собирались отстаивать свою программу социалистического преобразования России. Методы борьбы предусматривались самые разнообразные: пропаганда и агитация, парламентская работа и все формы насильственной борьбы (стачки, бойкоты, вооружённые демонстрации, вооружённые восстания и прочие). Отличительной чертой эсеров было признание индивидуального террора как средства политической борьбы.

Эсеры отказались от народнической идеи захвата власти узкой группой революционеров, поэтому в годы первой революции считали, что власть должна перейти к буржуазии и ставили целью своей борьбы установление конституционного строя в России, завоевания политических и гражданских свобод. После Манифеста 17 октября лидеры эсеров поверили, что Россия стала конституционной страной и предпочитали не торопить события.

Эсеры, отражавшие мечты о лучшей жизни низших, эксплуатируемых слоёв патриархального, почвенного уклада российского общества, естественно, пользовались большой популярностью среди крестьянства, интеллигенции и в какой-то мере среди рабочих.[121] Но историческая обречённость социально-экономического уклада, на который они опирались, и полная утопичность их идей преобразования России предопределили их полный крах в 1917 г.

Основное ядро оппозиционно-либерального лагеря составляли Конституционно-демократическая партия или Партия народной свободы (кадеты) и «Союз 17 октября».

Учредительный съезд кадетской партии прошел в октябре 1905 г. До конца этого же года образовалось 72 партийных организации. Они возникали прежде всего там, где ранее действовали организации «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционистов», которые были непосредственными предшественниками этой партии.

Программа кадетской партии исходила из следующих принципов: конституционная монархия с законодательным собранием, с правительством, ответственным перед ним, политические свободы, амнистия политзаключённым, 8-часовой рабочий день, рабочее законодательство. Кадеты отстаивали неприкосновенность частной собственности.

Всего кадетские организации действовали в 76 губерниях и областях, в основном в Европейской России. Большая часть этих организаций находилась в городах (283), в сельской местности имелось всего 75 организаций. Часть кадетских организаций действовало лишь в период подготовки и проведения выборов в Государственную Думу.

---

[121] История политических партий России. С. 144—169.

По социальному происхождению основную массу кадетской партии составляли средние городские слои (конторщики, приказчики, ремесленники, служащие, учащиеся) и состоятельная интеллигенция (адвокаты, профессора, инженеры, врачи т.д.). Рабочих и крестьян было не более 15%, предпринимателей и землевладельцев – 10—15%.

Кадетская партия не была зарегистрирована официально и формально действовала нелегально.

Процесс создания «Союза 17 октября» был сложным и затяжным. Ещё в ноябре 1905 г. были выработаны его программа и устав, созданы руководящие органы. Но окончательно Союз сложился лишь в середине 1906 г., а 10 октября того же года он был официально зарегистрирован властями, т.е. признан легально действующей организацией.

В. Петрово-Соловово, тамбовский помещик, член ЦК «Союза 17 октября», в одной из своих речей заявил, что революционные партии являются решительными противниками для октябристов, а программные положения Союза определял так: «Мы стремимся к конституционно-демократическому устройству русского государства с законодательной Думой, избираемой на началах всеобщего, но не прямого голосования и с наследственным монархом во главе. Монарх должен не только царствовать, но и управлять государством при посредстве ответственных перед государственной палатой, но им свободно назначаемых министров и на основании твердых законов, выработанных палатой и им утвержденных. Мы убеждены, что нынешнее самодержавие, составлявшее некогда живую творческую государственную силу, уже исполнило свою историческую миссию, потеряло жизнеспособность и подлежит поэтому полному упразднению, как пережиток старины, мешающий дальнейшему развитию политической, культурной и экономической жизни нашего общества…»

Всего в 1905—1907 гг. было учреждено 260 отделов «Союза». Основная их масса была создана в период подготовки и проведения выборов в I Государственную Думу. В это время октябристские организации имелись в 63 губерниях. Полных данных о социальном составе «Союза 17 октября» нет, в нём были представители средних городских слоев, интеллигенции, чиновничества, крупные предприниматели, помещики. Октябристы вели работу также среди рабочих и крестьян, но массовой опоры среди них им создать не удалось.

После первой революции октябристы переживали кризис, численность партии (как и остальных) сократилась, а в годы первой мировой войны и особенно после Февральской революции «Союз» распался окончательно.[122]

На судьбу либерально-оппозиционных, буржуазных по своим программа партий кадетов и октябристов, сильное влияние оказало недоверчивое отношение к ним со стороны российской буржуазии. Российская буржуазия до революции 1905—1907 гг., и в значительной степени после неё, отрицательно относилась к чистой политике, большая часть буржуазии, тесно связанная с самодержавным государством, нуждавшаяся в государственных заказах, субсидиях, покровительственных тарифах не желала что-либо менять, а предпринимательская, «европеизированная» буржуазия была немногочисленной, не осознавала своих подлинных интересов и её представители входили в партии кадетов и октябристов или пытались создать свои партии, как Торгово-промышленная (в 1906 г.) или прогрессистская (во время мировой войны).

Но особенно популярны были среди предпринимателей и финансистов организации по «профессиональным», т.е. групповым экономическим интересам. Газета М. Фёдорова «Слово» писала: «Буржуазия, переходя в оппозицию, может, пожалуй, проиграть только в одном смысле: временно утратить „покровительство“, возможность легко добиваться подачек в своих ходатайствах по так называемым классовым (групповым) и личным интересам; известная часть буржуазии и сейчас не прочь держаться старой политики выпрашивания и выжида-

[122] См.: История политических партий России. Гл. 3—4.

ния приёма и благ в приёмных у властей предержащих всех рангов. Но времена всё-таки существенно изменились, и сознание, что на таких подачках далеко не уедешь… делает успехи».

Последнее утверждение было простой лестью, не соответствующей действительности. Газеты буржуазного направления, возникавшие в межреволюционный период, популярностью у буржуазии не пользовались и быстро закрывались.[123]

Буржуазию отталкивали от кадетов и октябристов некоторые положения их программ, носившие популистский характер. Например, кадеты выступали за 8-часовой рабочий день, что не соответствовало уровню производительности труда в России и было явно преждевременно. Кадеты и октябристы приравнивали помещичью и крестьянскую надельную формы собственности на землю к капиталистической частной собственности, поддерживали некоторые «нерыночные» способы перераспределения земли и сохранения тем самым патриархального крестьянства и т. д.

Революция 1905—1907 гг. активизировала процесс организационного оформления черносотенного движения. Пока самодержавие справлялось с освободительным движением, особой нужды в политической организации правительственный лагерь не ощущал. Существовали отдельные кружки и группы консерваторов типа «Русского собрания», представлявшего собой фактически политический салон в столицах. Первые массовые организации крайне правового толка начали возникать весной 1905 г. Бурный их рост произошёл после опубликования Манифеста 17 октября, когда по России прокатилась волна черносотенных погромов.

Идеалом черносотенцев была ничем не ограниченная абсолютная монархия с патриархальным крестьянским хозяйством, неизменностью помещичьего землевладения и казённой промышленностью как основами этой монархии. Эти взгляды были вполне по душе Николаю II, носившему значок Союза русского народа.

Объединяющим центром движения стал Союз русского народа, возникший в ноябре 1905 г. в Петербурге. К весне 1907 г. он поглотил ряд правых партий и организаций. Превращению Союза русского народа в основную силу крайне правых помогало содействие правящих кругов во главе с Николаем II – материальное (десятки тысяч рублей), политическое, идеологическое. За погромы и убийства «союзников» почти не наказывали, а если судили, то в большинстве случаев царь приговоров не утверждал. Высшим органом Союза русского народа было совместное собрание членов-учредителей и Главного совета во главе с доктором Дубровиным.

На первом этапе революции черносотенные союзы оставались весьма малочисленными и не могли оказывать сколько-нибудь действенной помощи правительству. Силы их росли со спадом революции. Зато в ходе выборов во II Думу они получили 24,6% голосов выборщиков – больше, чем другие партии. В 2208 населенных пунктах действовали 2229 черносотенных монархических отделов. Из них 2124 принадлежали Союзу русского народа и 105 – другим партиям и организациям.

Практически все (97,3%) филиалы Союза русского народа размещались в Европейской России. Причём наиболее активными они были в районах со смешанным национальным составом населения – в Белоруссии, на Украине, так как их основная деятельность была направлена на разжигание национальной вражды, на пропаганду великодержавного шовинизма и антисемитизма. Не случайно более половины всех членов Союза русского народа (57,6%) находилось в 15 губерниях так называемой «черты еврейской оседлости».[124]

Социальный состав черносотенных организаций отличался крайней разнородностью. В Союзе русского народа было много помещиков, были представители интеллигентских профессий – врачи, служащие, были торговцы и фабриканты, часто те, кто недавно разбогател,

---

[123] Аврех А. Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. 1989, №2. С. 23—25.

[124] Киселев И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В. Политические партии в России в 1905—1907 гг.: численность, состав, размещение (Количественный анализ) // История СССР. 1990, №4. С. 75—76.

особенно на торговле и ростовщичестве (евреи были их основными конкурентами в черте оседлости). Были рабочие, в основном высококвалифицированные и, естественно, высокооплачиваемые, не желавшие ничего менять, а также малоквалифицированные, сезонные, неграмотные, легко поддававшиеся шовинистической агитации.

Центрами влияния Союза русского народа на рабочих были Петербург (в том числе крупнейшие заводы, работавшие на казну, например, Путиловский) и Одесса (среди портовых грузчиков). Среди крестьян было много членов черносотенных организаций на Украине (почаевский отдел), в Белоруссии, т.е. там, где население было смешанное, а земли было мало и на этом играли черносотенцы. Но после революции в крестьянских отделах Союза русского народа появились признаки, грозные для правительства – они не признали столыпинскую аграрную реформу (как и вообще Союз русского народа), так как реформа вела к разрушению патриархального крестьянского быта, крестьяне-черносотенцы требовали справедливого земельного передела, в том числе помещичьих земель, эти отделы могли стать очагами крестьянского мятежа.

Программные идеи Союза русского народа сводились к уничтожению в стране всякой политической жизни, сохранение самодержавной монархии в неизменном виде.

8.2.3. Революция 1905—1907 гг.

Основные причины социальных и политических потрясений в России начала XX в.: борьба двух социально-экономических укладов – патриархального и капиталистического (или традиционного и индустриального), конфликты и противоречия внутри этих укладов. В старом укладе конфликты были связаны прежде всего с малоземельем крестьян, тяжестью различных платежей в пользу государства и трудностью приспособления этого уклада к развитию промышленности. Разрешить аграрный вопрос в рамках старого уклада было невозможно, улучшить положение крестьян можно было только уничтожив весь патриархальный уклад, преобразовав весь образ жизни крестьян, но они этого не понимали и вообще мало кто это понимал тогда, да и сейчас, пожалуй. Точнее, аграрный кризис в России мог быть разрешён только в результате постепенного разложения старого потребительского полунатурального крестьянского хозяйства и образования вместо него крупного рыночного предпринимательского хозяйства на основе частной собственности.

Капиталистический уклад вообще развивается динамично, он всегда порождает противоречия и конфликты. В западном обществе к тому времени начал складываться механизм их более или менее мирного разрешения, в России капитализм находился ещё на ранней стадии и до создания такого механизма было далеко. Эксплуатация рабочих была очень жестокой, но не из-за отпечатка азиатчины, а потому что Россия находилась на ранней стадии капитализма, на которой в Европе было то же самое. Но настроение российских рабочих было более антисобственническим, чем у европейских, из-за влияния патриархального, почвенного уклада, где частная собственность, особенно на землю, была не в почёте.

Конкретными поводами к революции 1905—1907 гг. были экономический спад начала XX в., ухудшение положения рабочих (рост безработицы, снижение зарплаты), обострение земельного вопроса в деревне и русско-японская война, тяжело отразившаяся на жизни народа из-за наборов в армию, реквизиций и прочего.

Попытки правительства руководить рабочим движением, контролировать его (Зубатов, Гапон) оказались неудачными. В рабочем обществе попа Гапона и начались события, приведшие к 9 января 1905 г. Арест членов одного из отделений гапоновского общества вызвал недовольство рабочих и привел к стачке 3 января на Путиловском заводе. Идея петиции на имя царя родилась помимо Гапона, но он был вынужден поддержать её. На петицию царизм ответил пулями. 9 января 1905 г. было убито более 1000 человек, ранено около 5000. События 9 января дали толчок к началу революции. В 1905—1907 гг. только по официальной статистике бастовало более 4 млн рабочих (на самом деле не менее 8—10 млн). Выявлено не менее 26 тыс. крестьянских выступлений с миллионами участников, несколько сот солдатских и матросских бунтов и волнений. Резко выросло число стачек с политическими требованиями. В 1905 г. их было 68,5%, в 1906 г. – 74%.

В ходе революции выявилось три основных политических направления.

Царское правительство допускало необходимость созыва народного представительства, но совещательного или с ограниченными правами при отсутствии свободы агитации и узко цензовой или узко сословной системе выборов.

Революционные силы требовали перехода власти к Учредительному собранию при всеобщем избирательном праве и полной свободе агитации, немедленного свержения самодержавия, введения политических свобод, рабочего законодательства, 8-часового рабочего дня.

Либералы выступали за конституционную монархию; политические свободы; законодательное собрание со всеобщим избирательным правом, но соглашались на ограничения в избирательных правах; за рабочее законодательство, 8-часовой рабочий день; амнистию политзаключенным. В 1904 г. «Союз освобождения», один из предшественников партии кадетов,

организовал «банкетную кампанию», приуроченную к 40-летию начал судебной реформы. Состоялось более 120 банкетов в 34 городах, в них приняло участие около 50 тысяч человек. На банкетах подписывались требования к царю и публиковались в журнале «Освобождение» и двух легальных газетах. Банкетная кампания сыграла свою роль в усилении напряжённости в стране и созревании первой российской революции.

Основными движущими силами революции были рабочий класс и крестьянство со своими требованиями, далеко не всегда носившими буржуазный характер. Особенно это касается крестьянских желаний раздела всей земли по уравнительным нормам. Но, тем не менее, такие требования, как ликвидация самодержавия, преобразования политической системы, уничтожения дворянского землевладения создавали объективно новые условия для продвижения России по пути к свободному рыночному обществу.

Хотя большая часть буржуазии, тесно связанная с самодержавным государством, революцию не поддержала и не хотела никаких реформ, но «европеизированная», предпринимательская буржуазия впервые в 1905 г. выступила с требованиями коренных политических реформ. В январе 1905 г. группа фабрикантов (в том числе П. Рябушинский) подала записку с требованиями введения политических свобод.

В июле 1905 г. на торгово-промышленном съезде в Москве ставился вопрос о необходимости конституционного строя, в программе объединения торгово-промышленного класса было положение о народном представительстве с решающим голосом и правом вето у монарха.

В ответ царь запретил проведение нового съезда, у одного из инициаторов, М. Ф. Норпе, был проведён обыск и изъяты материалы июльского съезда.

Николай II плохо относился к рыночным отношениям, капитализму, неразрывно связанным с открытым обществом и свободой личности и к капиталистам соответствующего типа, что выразилось в судьбе крупного фабриканта П. Рябушинского. В апреле 1907 г. он был выслан из Москвы за издание газеты «Утро», которая была закрыта за критику Столыпина (за военно-полевые суды и связь с чёрной сотней), за предсказание скорого разгона Думы. Но уже в сентябре 1907 г. П. Рябушинский начал издание новой газеты «Утро России», органа партии прогрессистов.

Политика Николая II во время революции носила двойственный характер, он постоянно колебался между усилением репрессий и уступками. Так, 18 февраля 1905 г. было издано сразу 3 документа: царский манифест, в котором Николай II грозил решительным искоренением крамолы, призывал к борьбе с внутренним врагом, помышляющим разрушить государственный строй; указ Сенату, по которому частным лицам и организациям разрешалось подавать в Совет министров на имя царя предложения об усовершенствовании государственного благоустройства; рескрипт (официальное обращение) на имя министра внутренних дел Булыгина о созыве Особого совещания для выработки условий создания при царе законосовещательного органа из выборных представителей для предварительной разработки законодательных предложений при обязательном сохранении основ самодержавия.

Осенью 1905 г. революция достигла своего пика. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. парализовала почти всю страну. Витте сформулировал перед царем две альтернативы: утопить революцию в крови, предоставив неограниченную власть доверенному лицу или пойти на уступки и «вступить на путь конституционный».

Николай II предпочитал первый путь, но не нашлось диктатора. Поэтому он был вынужден подписать Манифест 17 октября. Поэтому Манифесту царь даровал России законодательную Государственную думу. В Манифесте, хотя и в усечённом виде, провозглашались политические свободы, чрезвычайные меры предполагалось отменить не сразу, а в будущем, по мере успокоения, не было политической амнистии.

Расстрелы продолжались и после Манифеста, волна черносотенных погромов прокатилась более чем в 100 городах 36 губерний. За первый месяц «конституционных свобод»

погибло более 4000 человек и до 10000 ранено. Николай II открыто поощрял погромщиков, оберегал их от суда.

Первая революция в России имела буржуазно-демократический характер. Демократический – потому что основным вершителем революции был народ в лице рабочих и крестьян. Буржуазный – потому что в ходе революции не выдвигалось требование ликвидации частной собственности на средства производства. А те требования, которые выдвигали рабочие и крестьяне – ликвидация самодержавия, введение политических свобод и т. п. только расширяли возможности развития в России по капиталистическому пути.

Особенностью революции были почти полное отстранение буржуазии от участия в революционных событиях. Часть буржуазии, прежде всего крупная финансовая и промышленная, была слишком связана с самодержавной монархии и не хотела её свержения, а другая часть слабо осознавала свои классовые интересы, была слишком слабо организована.

Другой важной особенностью российской революции было широкое участие крестьян, которые в буржуазных революциях в Европе или стояли в стороне, или участвовали в контрреволюционных выступлениях. Наступление капитализма неизбежно ведёт к разорению крестьянства, исчезновению традиционного крестьянского натурального хозяйства и превращению большинства крестьян в промышленных и сельских наёмных рабочих-пролетариев. Этим объясняются антибуржуазные настроения крестьян, как и ремесленников и мелких торговцев. В России крестьяне активно участвовали в революции не по причине наличия буржуазных взглядов в их среде, а из-за острого малоземелья и целью их было увеличение своих наделов за счёт раздела помещичьих земель. Уже эти многочисленные выступления миллионов крестьян свидетельствует о глубине кризиса крестьянского хозяйства. Но преобладание традиционных, антибуржуазных в своей сущности, настроений среди крестьян делало характер первой революции в России особенно противоречивым и создавало почву для перехода революции от стадии буржуазной к стадии социалистической (по своим лозунгам), минуя капитализм. Что и произошло в 1917 г., когда такая же буржуазно-демократическая Февральская революция перетекла в социалистическую Октябрьскую.

8.2.4. Государственная Дума

Хотя самодержавие устояло и революция закончилась поражение, революция не осталась бесследной. В ограниченных пределах, но в России началась легальная политическая жизнь: выходили газеты и журналы разных направлений, существовали профсоюзы, политические партии, начались экономические реформы (аграрная прежде всего), больше стало возможностей для развития частной промышленности, абсолютная монархия превратилась в ограниченную – царь так и не посмел ликвидировать Государственную думу, только ограничил ещё больше избирательные права и полномочия самой Думы.

Россия перестала быть неограниченной монархией после образования законодательной Государственной думы. Но полномочия Думы были весьма скромными и её возможности уже не соответствовали потребностям общества: нельзя было даже затрагивать вопросы, касавшиеся основ государственного и общественного устройства, законопоекты могли вносить только император и его правительство, которое формировалось только царём и только перед ним несло ответственность, нередко важные законы утверждались царём в обход Думы, законы утверждались Государственным советом и царём. Государственная дума могла влиять на правительство в основном через утверждение бюджета государства (но и здесь были ограничения: вне компетенции думцев был бюджет Министерства императорского двора, нельзя было лишить финансирования ненужный орган управления, если он уже существовал и т.д.). На эффективности деятельности Думы сказывались медленность и усложнённость процедур. Так аграрная реформа фактически началась в 1907 г., а закон о ней был утвержден только в 1910 г., прочие аграрные законопроекты вообще не были приняты.

Партии, ориентировавшиеся на парламентские методы борьбы и эволюционные изменения в обществе, не смогли в межреволюционный период стать сильными, авторитетными и переживали внутренний кризис (сокращение численности членов, количества партийных организаций).

Существует довольно распространённая точка зрения, что своевременное введение сверху конституции и парламентской системы, радикальные аграрные преобразования по Столыпину могли бы избавить Россию от дальнейших потрясений. Но как это сделать, если частная собственность неразвита, подавляющее большинство населения от царя до крестьянина относится к ней с подозрением, когда нет развитого политического сознания, понимания своих подлинных экономических и политических интересов различными социальными слоями? Что толку от указов и введения институтов демократии сверху? Наглядный пример: отношение большинства крестьян к столыпинской реформе и царя с его окружением к частному предпринимательству. Преобладание в России в начале XX в. античастнособственнических настроений приводило к тому, что даже партии, буржуазные по характеру целей, методам действий (кадеты, октябристы) делали уступки российской крестьянской общинной патриархальности, опасались открыто говорить о необходимости ликвидации крестьянской общины и надельного общинного землевладения.

Конечно, Государственная дума, некоторая свобода печати, политической жизни вообще после 1905 г. явились следствием уже не только и не столько потребностей верховной власти в контроле над бюрократическим аппаратом и преодолении его неэффективности, но представляли отражение глубинных социально-экономических процессов: складывание новых хозяйственных укладов, нарождение новых социальных слоёв, которые начинают в это время бороться за свои права. Но эти слои, эти новые силы российского общества были ещё слишком слабы и это позволяло правительству тормозить выполнение своих обещаний даже в ходе революции и тем более после её окончания.

8.3. Россия в первой мировой войне

Катализатором новых, гораздо более мощных, революционных потрясений в России явилась первая мировая война. В свою очередь эта война была порождена сложным сочетанием глубинных факторов: материальных (географических, демографических, экономических) и субъективных (национальные чувства и национальное самосознание, общественно-политические теории). Вторая половина XIX в. в Европе была ознаменована появлением новых национальных государств – Германской империи, Италии, борьбой за национальное самоопределение и независимость народов Австро-Венгрии и Балкан. Национальные движения разрушили старую политическую систему Европы, породили национализм, который пронизывал все стороны жизни государств на рубеже веков, политическая жизнь в государствах теперь организовывалась вокруг национальных, а не региональных центров.

Процессы индустриализации и урбанизации, охватившие в это время особенно страны центральной и восточной Европы (Германия, Россия, Италия и др.) и сопровождавшиеся перемещением огромных масс населения из деревни в город, разрушением традиционных норм поведения и морали крестьянского типа создавали питательную среду для распространения националистических идей самых разных оттенков, вплоть до сверхнационализма расистского типа. Государство-нация и её идеологическое отражение – национализм в конечном счёте определяли политические и экономические процессы, протекавшие в Европе в конце XIX – начале XX вв.

В этот период появились новые качественные явления в экономике и политике великих держав, вступивших в особую стадию своего развития, империалистическую. Эта стадия в развитии капиталистических стран характеризуется ростом монополий, концентрацией капитала, активизацией колониальной экспансии великих держав, стремлением к окончательному разделу и подчинению слаборазвитых стран, глобализацией их внешней политики.

Важную роль в возникновении мировой войны играли традиционные межгосударственные и межрегиональные конфликты. Прежде всего многовековое соперничество между Францией и Германией за Эльзас и Лотарингию; между Австро-Венгрией и Россией на Балканах; между Россией и Германией из-за Польши; между Германией и Великобританией за господство на морях и в колониях.

Из субъективных причин следует выделить победу «партий войны» в Германии, Великобритании, Австро-Венгрии, Франции, где верх одержали наиболее экстремистские круги. Субъективные причины явились отражением в национальном сознании и подсознании населения великих держав всей совокупности объективных условий. Это выразилось как в рациональной форме – в виде разработки военно-политических доктрин и планов подготовки, развёртывания и ведения широкомасштабной наступательной кратковременной победоносной общеевропейской войны всеми ведущими континентальными державами, в принятии политических решений и вводе в действие военно-мобилизационных механизмов, которые превратили локальный австро-сербский конфликт в мировую войну; так и в иррациональной форме – в виде массового всплеска великодержавных националистических настроений от Парижа до Петербурга и от Вены до Берлина.

Огромная роль национализма, националистических теорий и настроений в возникновении мировой войны, когда они сыграли роль спускового крючка говорит об их опасности для любого общества любой страны, в том числе и особенно в современной России и сегодняшние политики, от патриотов-державников до коммунистов-националистов, играют с опасным огнем, используя национал-патриотическую риторику в борьбе за власть и разжигая националистические страсти.

Главной целью России, как и её союзников по Антанте Англии и Франции, было сокрушение военно-политической мощи Германии и устранение опасности установления ею своего господства в Европе. Другой целью, связанной с первой, было создание единой Польши, что нашло отражение в царском манифесте. Важное значение придавалось также захвату Константинополя и черноморских проливов или, по крайней мере, установлению над ними прочного контроля.

Ход войны оказался неудачным для России. Уже сразу оказались нарушенными стратегические планы, которые предусматривали в первую очередь нанесение ударов по Австро-Венгрии с целью выведения её из войны. Это было реально из-за военной слабости Австро-Венгрии и отвлечения германских сил на западный фронт. Но по просьбе союзников, которым угрожало поражение в битве на реке Марне, Россия начала войну до окончания мобилизации и не там, где собиралась, а в Восточной Пруссии. Бои в Восточной Пруссии начались удачно для России, но из-за несогласованности действий армий Самсонова и Ренненкампфа, медлительности, ошибок, неразберихи русские войска позволили немцам перехватить инициативу и одержать общую победу.

До весны 1915 г. русской армии удавалось удерживать фронт, а в Галиции даже продвинуться вперед. Но в мае 1915 г. Германия с союзниками перешла в наступление. В результате сильнейшего поражения Россия потеряла 150 тыс. убитыми, около 700 тыс. ранеными, 900 тыс. пленными, были захвачены Литва, Галиция и Польша. После этого поражения крупных наступательных операций на Восточном фронте почти не было и война приняла позиционный затяжной характер, что неизбежно отразилось на экономике и положении населения России.

Хотя в первой мировой войне победа досталась странам Антанты, Россия, по существу, потерпела поражение. Одной из основных причин её поражения была индустриальная отсталость, что выразилось в крайне низком уровне военно-технического обеспечения в качественном и количественном отношениях. Особенно сильным отставание было по новейшим видам вооружения: пулемётам, скорострельной артиллерии, аэропланам, автомобилям и т.д., где качественное превосходство противника в расчёте на одну тысячу солдат или 10 км фронта достигало от 2 до 50 раз. Мобилизационные запасы были исчерпаны уже к концу 1914 г. и армия постоянно испытывала нехватку вооружения, боеприпасов и снаряжения.

Сказалось географическое положение России – вступление в войну Турции на стороне Германии закрыло для России черноморские проливы и крайне затруднило импорт из стран союзников.

К числу субъективных причин поражения следует отнести неспособность царского правительства добиться сплочения всех социальных слоёв и национальных групп для ведения войны, проводить политику тотальной мобилизации. Крайне отрицательную роль сыграло разложение правящей верхушки, потеря авторитета императором в результате неумелой политики, министерской чехарды, деятельности Распутина и т. д.

ГЛАВА 9. РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

«1917… Нет, даже в Октябре, определившем „наш социалистический выбор“, мы отнюдь не впервые сбились на своём извечном „пути к человечеству“. Да, Великий Октябрь тысячекратно усугубил наши трудности. Но, явившись причиной многих трагических явлений нашего бытия, он, в свою очередь, тоже был лишь следствием – следствием патриархальщины и тоталитаризма, этих архаичных российских структур, по которому так тоскуют и нынешние новоявленные патриоты. То есть: я хочу сказать, что большевизму ленинскому предшествовал большевизм народный. Именно этот последний стал основой невиданного массового насилия. Именно он же продолжает оставаться и сегодня основой для сохранения у нас авторитарных властных структур».[125] Характер этого высказывания Ю. Афанасьева о Великой Октябрьской революции довольно типичен для периода «перестройки» М. С. Горбачёва, когда Россия в 1917 г. представлялась то в образе витязя на распутье, то в образе заплутавшего путника. Это заметно даже по названиям статей: «Была ли альтернатива Октябрю», «Октябрь: мифы и реальность», «Нужно ли было идти от Февраля к Октябрю», «Октябрьская революция: главное событие XX в. или трагическая ошибка» и т. п.

[125] Афанасьев Ю. Иного не дано // Демократическая Россия. 1990, №5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.